

**ЛИТОВСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Степанов Андрей

**Политика Чернобыля в Беларуси в 1986-2008 годах:
формирование и проявления дискурс-коалиций**

Докторская диссертация
Общественные науки, социология (05S)

Вильнюс, 2010

Исследование было выполнено в Европейском гуманитарном университете (Минск, Вильнюс) в 2005-2009 годах, в Литовском центре социальных исследований (Вильнюс) в 2009-2010 году.

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент Светлана Наумова (Europos Humanitarinis Universitetas) (2005-2008)

Научный консультант:

prof. dr. (HP) Irmėna Matonytė (Lietuvos socialinių tyrimų centras, socialiniai mokslai – 05S) (2008-2010)

**LIETUVOS SOCIALINIŲ TYRIMŲ CENTRAS
VILNIAUS UNIVERSITETAS
EUROPOS HUMANITARINIS UNIVERSITETAS**

Stsiapanau Andrei

**Černobylio politika Baltarusijoje 1986-2008:
diskurso koalicijų formavimasis ir raiška**

Daktaro disertacijos

Socialiniai mokslai, sociologija (05 S)

Vilnius, 2010

Tyrimas buvo atliktas Europos humanitariniame universitete (Minskas, Vilnius) 2005-2009 metais bei Lietuvos socialinių tyrimų centre (Vilnius) 2009-2010 metais.

Mokslinės konsultantės:

doc. dr. (filosofijos mokslų kandidatė) Svetlana Naumova (Europos humanitarinis universitetas) (2005-2008)

prof. dr. (HP) Irmina Matonytė (Lietuvos socialinių tyrimų centras, socialiniai mokslai – 05S) (2008-2010)

СОДЕРЖАНИЕ

Глоссарий технических терминов.....	7
Глоссарий понятий и концепций.....	12
Перечень аббревиатур.....	14
Список имен.....	14
I. ВВЕДЕНИЕ	17
1.1. Краткий обзор академической проблематики чернобыльской политики и политики Чернобыля в Беларуси: гипотеза, объект и предмет исследования	18
1.2. Задачи и цели исследования	22
1.3. Новизна и актуальность темы исследования	23
1.4. Основные тезисы	24
1.5. Структура диссертации	25
II. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И РАЗРАБОТАННОСТЬ ТЕМЫ.....	27
2.1. Основные подходы к изучению последствий катастрофы на ЧАЭС	27
2.2. Теоретические и концептуальные рамки исследования.....	32
2.2.1. Социология риска	33
2.2.2. Социология знания	36
2.2.3. Социология власти	40
2.3. Методологические аспекты исследования	42
2.3.1. Свойства объекта исследования	43
2.3.2. Качественные и количественные характеристики исследования ..	44
2.4. Источники	49
III. ЧЕРНОБЫЛЬ КАК ОБЪЕКТ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА.....	51
3.1. Параметры <i>Чернобыля</i> как конструкта.....	51
3.1.1. Последствия	51
3.1.2. Население	56
3.1.3. Территория.....	60
3.2. <i>Чернобыль</i> как дискурс	66
3.3. <i>Чернобыль</i> в поле политики Беларуси	72
3.3.1. Государственные институты	72
3.3.2. Общественные организации и объединения	75
3.3.3. Научные институты и сообщества	81
3.4. Обобщения	83
IV. ОФИЦИАЛЬНАЯ ДИСКУРС-КОАЛИЦИЯ “ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ”	84
4.1. <i>Чернобыль</i> в дискурсе власти	84
4.1.1. <i>Чернобыль</i> в советском дискурсе	84
4.1.1.1. Аварийный дискурс.....	86
4.1.1.2. Дискурс здравоохранения: гигиена и питание	92
4.1.2. <i>Чернобыль</i> в дискурсе президента Лукашенко	97
4.2. Техногенный научный дискурс	104
4.3. Обобщения	113

V. АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ДИСКУРС-КОАЛИЦИЯ “ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ”	114
5.1 <i>Чернобыль</i> в публичном дискурсе	114
5.1.1. Дискурс <i>Чернобыля</i> в Верховном Совете БССР 11 и 12 созыва	115
5.1.2. <i>Чернобыль</i> в дискурсе БНФ	125
5.2. Гуманный научный дискурс	131
5.3. Дискурс общественных организаций	136
5.4. Обобщения	146
VI. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДИСКУРС-КОАЛИЦИЙ	147
6.1. Между равновесием, противостоянием и доминированием: дискурс- коалиции в период с 1986 по 2006 год	147
6.2. Компоненты дискурса <i>биополитики</i>	154
6.3. Компоненты дискурса <i>риска</i>	160
6.4. Дискурсивный поворот: строительство АЭС в Беларуси	168
ВЫВОДЫ	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	187
ПРИЛОЖЕНИЯ	200
Приложение 1. Карты радиоактивного загрязнения территории Беларуси в 1986 году	200
Приложение 2. Политические институты и чернобыльская политика	201
2.1. Хронология формирования политической системы и чернобыльской политики	201
2.2. Политические партии и общественные движения	203
2.3. Средства массовой информации	203
2.4. Система научных учреждений	205
Приложение 3. Список интервью	206
Приложение 4. Отношение населения Беларуси к развитию ядерной энергии	207

Глоссарий терминов, используемых в тексте¹:

Активность. Мера радиоактивности какого-либо количества радионуклида. Количество радиоактивного вещества измеряется не только единицами массы (грамм, миллиграмм и т.д.), но и активностью, которая равняется числу ядерных превращений (распадов) в единицу времени. Чем больше ядерных превращений испытывают атомы данного вещества в секунду, тем выше его активность и тем большую опасность оно может представлять для человека. Единицей активности в СИ является распад в секунду (расп/с). Эта единица получила название беккерель (Бк). Наиболее часто используемой внесистемной единицей активности является кюри (Ки), что соответствует активности 1 г радия. $1 \text{ Ки} = 3,7 \times 10^{10} \text{ Бк}$.

Атом. Мельчайшая, неделимая химическим путем частица химического элемента.

Атомная энергетика. Отрасль энергетики, использующая ядерную энергию для целей электрификации и теплофикации.

Беккерель (Бк). Единица измерения активности, которая показывает, сколько атомов в одной пробе распадается в течение одной секунды. 1 Бк соответствует одному радиоактивному распаду в секунду. Обычно активность указывается на 1 кубический метр (м^3) воздуха или на 1 килограмм (кг) продуктов питания. В беккерелях может указываться как активность всех находящихся в одной пробе радиоактивных элементов, так и активность какого-нибудь одного элемента (например, цезия-137). Для измерения активности используется старая внесистемная единица измерения – кюри (Ки). 1 Ки соответствует $3,7 \times 10^{10}$ Бк. 1 Бк равен 27 миллиардным долям Кюри или 27 пикокюри.

Бэр. Внесистемная единица измерения эффективной и эквивалентной доз. $1 \text{ бэр} = 0,01 \text{ Зв}$. Биологический эквивалент рентгена.

Генетические последствия облучения. Последствия, которые появляются у потомства из-за облучения половых клеток родителей.

Грей (Гр). Единица измерения поглощенной дозы. 1 Гр – это поглощенная доза любого ионизирующего излучения, при которой в 1 кг вещества поглощается 1 Дж энергии излучения ($1 \text{ Гр} = 1 \text{ Дж/кг}$). Единицей измерения

¹ По материалам www.chernobyl.info Режим доступа 15.06.2009.

поглощенной дозы в системе СИ принят джоуль на килограмм (Дж/кг). Ранее использовалась внесистемная единица рад.

Деактивация. Удаление или уменьшение радиоактивного загрязнения при помощи химических или физических мер (смывание или химическая очистка).

Доза поглощенная. Величина энергии ионизирующего излучения, переданная веществу. Единицами измерения являются грей, рад.

Доза эквивалентная. Поглощенная доза в органе или ткани, умноженная на соответствующий весовой коэффициент для данного вида излучения. Учитывает биологическую эффективность различных видов ионизирующего излучения, поскольку при одной и той же поглощенной дозе альфа-, бета- и гамма-излучения оказывают неодинаковое воздействие. Относительную биологическую эффективность излучения характеризует его коэффициент качества (к), отражающий способность излучения данного вида повреждать ткани организма. Единицей измерения эквивалентной дозы в СИ является зиверт (Зв). $1 \text{ Зв} = 1 \text{ Дж/кг} = k \cdot 1 \text{ Гр}$, т.е. эквивалентная доза 1 Зв соответствует поглощенной дозе 1 Гр ионизирующего излучения, коэффициент качества которого равняется 1. Внесистемной единицей эквивалентной дозы является бэр – биологический эквивалент рентгена. $1 \text{ Зв} = 100 \text{ бэр}$.

Доза эффективная. Величина воздействия ионизирующего излучения, используемая как мера риска возникновения отдаленных последствий облучения организма человека и отдельных его органов с учетом их радиочувствительности. Единица эффективной дозы – зиверт (Зв). Внесистемной единицей является бэр.

Доза эффективная (эквивалентная) годовая. Сумма эффективной (эквивалентной) дозы внешнего облучения человека, полученной за календарный год, и ожидаемой эффективной (эквивалентной) дозы внутреннего облучения, обусловленной поступлением в организм радионуклидов за этот же год. Единица годовой эффективной дозы – зиверт (Зв).

Дозиметр. Прибор для измерения дозы излучения.

Допустимые нормы. Уровень содержания радионуклидов и иных веществ в пищевых продуктах, который считается безопасным для здоровья.

Единицы измерения радиоактивности. Наиболее распространенными единицами измерения радиоактивности почвы и продуктов питания являются беккерель (Бк) и кюри (Ки). Обычно активность указывается на 1 кг продуктов

питания. Такая активность называется удельной. На картах указывается активность на единицу площади, например, квадратный километр. Цезий-137 – это наиболее распространенный долгоживущий (период полураспада 30 лет) радиоактивный элемент на загрязненных территориях после аварии. Поэтому карты и уровни загрязнения в большинстве случаев имеют в виду загрязнение цезием-137. Уровень загрязнения территории $1\text{Ки}/\text{км}^2$ сам по себе еще ничего не говорит о том, какое облучение получили люди, живущие на этой территории. Мерой вредного воздействия радиоактивного излучения на человека является доза облучения, которая измеряется в зивертах (Зв). Соответствующие учреждения по вопросам преодоления последствий катастрофы на ЧАЭС в трех пострадавших странах исходят из того, что люди, проживающие на территории с уровнем загрязнения от 1 до $5\text{Ки}/\text{км}^2$, получают в среднем за год эффективную дозу от 0,5 до 1 мЗв. В странах Европейского Союза 1 мЗв считается предельно допустимой дозой за год для жителей в окрестностях атомной электростанции.

Естественная радиоактивность. Под естественным радиационным фоном понимают дозу облучения, получаемую от естественных источников радиоактивного излучения (космического излучения и излучения естественных, природных, радиоактивных элементов, таких, как уран или радон). Единицы измерения – зиверт (Зв) и миллизиверт (мЗв).

Естественный (природный) радиационный фон. Неотъемлемый фактор внешней среды, связанный с химическим строением планеты Земля и энергией космоса. Естественный радиационный фон создается космическим излучением, радиоактивностью воды, воздуха, растений и животных. В среднем доза облучения, получаемая человеком за счет естественного фона, составляет в среднем 1–2 мЗв в год, причем наибольший вклад в нее вносит радон – природный радиоактивный газ, всегда присутствующий в горных породах, прежде всего гранитах.

Загрязнение радиоактивное. Присутствие радиоактивных веществ на поверхности, внутри материала, в воздухе или в другом месте, в количестве, превышающем уровни, принятые в установленном порядке.

Защитные меры. Меры, используемые для защиты от действия ионизирующих излучений.

Зиверт. Единица измерения эффективной и эквивалентной дозы в системе СИ. Наиболее часто используемой дольной единицей зиверта является его тысячная доля – миллизиверт. $1 \text{ зиверт (Зв)} = 1000 \text{ миллизивертов (мЗв)}$.

Йод. Один из радиоактивных элементов, выброшенных в окружающую среду в результате аварии на Чернобыльской АЭС. С точки зрения лучевой нагрузки, йод представлял наибольшую опасность в первые недели после аварии. Период полураспада йода составляет 8 дней. Так, например, в Беларуси в первые дни после аварии почти повсеместно отмечались повышенные уровни присутствия йода. Человеческий организм не может отличить радиоактивный йод от природного и накапливает его в первую очередь в щитовидной железе. Радиоактивный йод является причиной увеличения числа случаев заболеваемости раком щитовидной железы.

Кюри (Ки). Старая внесистемная, но все еще используемая единица измерения активности, которая показывает, сколько атомов в одной пробе распадается в течение одной секунды. 1 Ки соответствует $3,7 \cdot 10^{10} \text{ Бк}$. Или $1 \text{ Бк} = 27 \text{ миллиардным долям Ки}$ или 27 пикокюри .

Ликвидаторы. Люди, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на месте происшествия. Среди них были рабочие, занимавшиеся очисткой территории; строители; водители; солдаты; персонал, ведущий радиационные наблюдения; ученые; представители властей.

Облучение. Процесс взаимодействия ионизирующего излучения со средой, в том числе с организмом человека.

Период полураспада. Мера продолжительности радиоактивного воздействия элемента на окружающую среду. Так, например, период полураспада цезия-137 составляет 30 лет. Это значит, что из определенного количества атомов вещества через 30 лет останется лишь половина. А еще через 30 лет таких атомов останется лишь одна четверть и т.д. Радиоактивный йод-131, который также был выброшен в среду в результате аварии, имеет период полураспада 8 дней, поэтому через несколько месяцев после аварии он уже почти полностью распался.

Радиационный риск. Вероятность наступления эффектов облучения. Различают детерминистские и стохастические последствия, а также соматические и генетические последствия облучения.

Радиоактивность. Процесс распада неустойчивых атомных ядер одного химического элемента на ядра других химических элементов, при котором испускаются ядерные излучения. Эта цепочка распадов (см. период полураспада) продолжается, пока не будет достигнут стабильный (нерадиоактивный) элемент. Поэтому у каждого химического элемента есть его радиоактивные разновидности. Так, например, цезий имеет такие разновидности, как цезий-134 и цезий-137, йод существует в виде йода-131 и йода-129. Эти разновидности называют еще изотопами или радионуклидами. Радиоактивные элементы обозначаются на письме следующим образом: обозначение элемента в химической системе (для цезия – Cs) дополняется числом массы атомного ядра этого элемента – Cs 137.

Радиоактивное излучение (альфа-, бета- и гамма). Радиоактивные элементы испускают различные виды радиоактивного излучения. Эти виды излучения отличаются друг от друга проникающей способностью. Йод-131 и цезий-137, к примеру, являются в основном гамма-излучателями, стронций-90 – бета-излучателем. Гамма-излучение обладает большой проникающей способностью. Проникающая способность бета-излучения напротив очень мала, несколько сантиметров в тканях организма и несколько метров в воздухе.

Эффекты излучения детерминированные. Клинически выявляемые вредные биологические эффекты, вызванные ионизирующим излучением, в отношении которых предполагается существование порога, ниже которого эффект отсутствует, а выше – тяжесть эффекта зависит от дозы. К детерминированным пороговым эффектам относятся, в частности, лучевая болезнь и аномалии в развитии плода.

Эффекты излучения соматические. Непосредственные эффекты облучения для человека или животного, подвергшегося воздействию радиации.

Эффекты излучения стохастические. Вредные биологические эффекты, вызванные ионизирующим излучением, не имеющие дозового порога возникновения, вероятность возникновения которых пропорциональна дозе и для которых тяжесть проявления не зависит от дозы. К стохастическим (вероятностным) беспороговым эффектам относятся, в частности, злокачественные опухоли, лейкозы, наследственные болезни.

Глоссарий, используемых понятий и концепций:

Биовласть – термин, обозначающий переход власти к политическим практикам и стратегиям подчинения и контроля индивида с точки зрения его биологической жизни (Фуко 1996).

Биополитика – совокупность мер по регулированию вопросов народонаселения, физического здоровья и биологической жизни населения, проживающего на конкретной территории.

Гуманный дискурс – дискурс научных дискуссий и концепций влияния последствий Чернобыльской катастрофы на человека и окружающую среду, основанный на гипотезе приемлемого риска и беспорогового влияния радиации на здоровье человека.

Дискурс-коалиция – совокупность смыслов и значений, разделяемых публичными акторами или институтами и выраженных в дискурсивных практиках. Дискурс-коалиция – это совокупность повествований, акторов, производящих повествования, и практик, на которых основывается данная дискурсивная деятельность (Најег 1995: 65).

Коллективная память – совокупность представлений о прошлом, о пережитом событии, разделяемых и поддерживаемых социальными или этническими группами, а также выраженных в социальных институтах (Хальбвакс 2007, Рикёр 2004).

Общественные организации – добровольные объединения граждан, основанные на совместной деятельности для защиты интересов людей, для реализации социальных, гражданских и иных прав, в соответствии с уставными целями.

Чернобыльские общественные организации – добровольные объединения граждан с целью оказания помощи и содействия социальным группам, пострадавшим в результате катастрофы на ЧАЭС.

Общество риска – концепция, рассматривающая проблему риска в обществе модерна, которое характеризуется “искусственно созданной неуверенностью” (Бек 2000). Данная концепция основана на тезисе о производстве рисков, переходящих из одной формы в другую, от техногенных рисков к рискам, созданным экспертным знанием.

Политика Чернобыля – совокупность смыслообразующих практик публичных акторов в поле чернобыльской политики. Ссылаясь на используемое

Најер определение политики в области защиты окружающей среды “как набора социально одобренных практик, через которые познается экологический кризис” (1996), политика *Чернобыля* рассматривается в данном исследовании как набор социальных практик, через которые определяется, формируется *Чернобыль*.

Практики – как объективация способов деятельности субъектов в политическом и социальном пространстве, придание действию значения и смысла, разделяемого акторами данного сообщества.

Публичные акторы – совокупность субъектов политики, действующих в общем публичном пространстве, производящих действие по отношению к тем же объектам социальной реальности.

Риск – ситуация неопределенности, вызванная различными факторами (техногенными, научными, политическими или социальными) и представляющая потенциальную опасность. Риск можно определить как “систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, которые порождаются процессом модернизации” (Бек 2000). В социологии риска данный термин определяется также как *качество*, как “результат процесса наделения качеством (qualification), способствующий уменьшению неуверенности и неопределенности, которые окружают деятельность, химическое вещество или промышленный объект” (Borratz 2008: 13).

Техногенный дискурс – дискурс научных дискуссий и концепций влияния последствий Чернобыльской катастрофы на человека и окружающую среду, основанный на гипотезе дозового влияния радиации на здоровье человека и возможного проживания на территориях с повышенным уровнем радиоактивного загрязнения.

Чернобыль – от географического названия населенного пункта и АЭС, на которой в 1986 году произошла авария, приведшая к экологической, социальной и гуманитарной катастрофе. В данном контексте *Чернобыль* употребляется как совокупность смыслов и значений, связанных с катастрофой на ЧАЭС.

Чернобыльская политика – комплекс государственных мер, направленных на ликвидацию, минимизацию и преодоление последствий катастрофы на ЧАЭС в Беларуси. Основным инструментом чернобыльской политики в Беларуси с 1991 года по сегодняшний день является Государственная программа.

Перечень аббревиатур, используемых в тексте:

НАНБ – Национальная академия наук Беларуси,
БНФ – Белорусский Народный Фронт,
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика,
ВОЗ (WHO) – Всемирная организация здравоохранения,
ВС – Верховный Совет,
МАГАТЭ (IAEA) – Международное агентство по атомной энергии,
НИИ – научно-исследовательский институт,
НКРЗ – Национальная комиссия по радиационной защите,
ПРООН (UNDP) – Программа развития Организации Объединенных Наций,
СССР – Союз Советских Социалистических Республик,
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика,
ЧАЭС – Чернобыльская атомная электростанция,
ЮНИСЕФ (UNICEF) – Детский фонд Организации Объединенных Наций.

Список имен, используемых в тексте:

Адамович А., писатель, в 1989 году был избран народным депутатом СССР от Белорусской ССР, автор статей и художественных произведений о Чернобыльской катастрофе, одним из первых в Беларуси заявил о масштабах катастрофы и деятельности официальных лиц.

Астахов Л., заместитель директора НИИ радиационной медицины Министерства охраны здоровья БССР, доктор медицинских наук.

Белокая Т., врач, лидер общественной организации – комитета “Дети Чернобыля”, эксперт в области вопросов экологии.

Бурьяк В., заместитель министра здравоохранения БССР, главный санитарный врач БССР.

Гуськова А., член-корреспондент Академии медицинских наук СССР.

Зайченко А., заместитель главного санитарного врача СССР.

Зам Астрид, доктор политических наук, директор Международного образовательного центра (Минск), исследователь чернобыльских проблем, автор статей и монографии по вопросам чернобыльской политики и атомной энергетики.

Ильин Л., профессор, председатель Национальной комиссии по радиационной защите СССР.

Калякин С., политик, лидер Партии коммунистов белорусской (ПКБ).

Кенигсберг Я., доктор биологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, председатель Национальной комиссии по радиационной защите при Совете Министров Беларуси.

Кондрусев А., главный санитарный врач СССР и его заместитель.

Конопля Е., директор Института радиобиологии НАН Беларуси.

Крутавцова Т., заместитель председателя Гомельского областного исполнительного комитета.

Лепин Г., профессор, доктор технических наук, организатор и первый председатель Всесоюзной организации “Союз Чернобыль”, учрежденной в 1988 году в Чернобыле.

Малько М., кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Объединенного института энергетических и ядерных исследований “Сосны”.

Матюхин В., профессор, в 1988-1993 гг. директор НИИ радиационной медицины Министерства здравоохранения Республики Беларусь, в 1994-2005 гг. главный научный сотрудник Института физиологии Национальной академии наук Беларуси.

Михалевич А., академик, доктор технических наук, профессор, с 1991 года директор Института проблем энергетики Национальной академии наук Беларуси, в 2001-2004 гг. генеральный директор Объединенного института энергетических и ядерных исследований.

Нестеренко В., профессор, директор Института радиационной безопасности “Белрад”.

Никтиченко И., доктор сельскохозяйственных наук, профессор, член-корреспондент НАНБ.

Петряев Е., профессор, директор Института радиобиологии.

Платонов В., народный депутат СССР, президент Академии Наук БССР.

Романовский А., заведующий отделом здравоохранения Гомельского областного исполнительного комитета.

Смоляр И., председатель постоянной Комиссии Верховного Совета БССР 12 созыва по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и обеспечения безопасного проживания населения республики.

Федюшин Е., кандидат технических наук, директор института гуманитарных и экологических технологий Международной академии информационных технологий.

Юшко В., кандидат технических наук, главный технолог производственно-технического отдела РУП “БелНИПИэнергопром”.

Яковенко В., писатель, лидер и организатор социально-экологического союза “Чернобыль”.

Ярошинская А., журналистка, в 1989 году была избрана народным депутатом СССР от Украинской ССР, автор книг “Чернобыль с нами: документальная повесть” (1991) и “Чернобыль. 20 лет спустя: преступление без наказания” (2006).

I. ВВЕДЕНИЕ

26 апреля 1986 года произошел взрыв на Чернобыльской атомной станции (ЧАЭС), что привело к практически полному разрушению четвертого энергоблока станции и выбросу в атмосферу и в окружающую среду большого количества радиоактивных веществ². Несмотря на то, что сама станция расположена на территории Украины (на момент взрыва на территории УССР), более 60% радиоактивных осадков выпало на территорию Белорусской ССР. Радиоактивное облако прошло не только над западной территорией СССР, но и над Восточной Европой, Скандинавией, Великобританией и восточной частью США.

Взрыв на четвертом энергоблоке спровоцировал катастрофу, превосходившую Нагасаки и Хиросиму по выбросу в атмосферу и окружающую среду радиоактивных элементов, а также аварии на других атомных электростанциях³. Авария на ЧАЭС оказала огромное влияние на территории и население, что выражалось в совокупности последствий – медицинских, экологических, социальных и политических. Катастрофа на ЧАЭС представляет собой не только техногенную катастрофу, но и вызов для совокупности политических, научных и социальных институтов современного общества. Как отметили Ульрих Бек (1986) по поводу катастроф в Чернобыле и в Бхопале⁴ и Најег (1996) по поводу экологических кризисов, данные ситуации кроме технической, производят и социальные угрозы.

Прошло более двадцати лет с аварии на ЧАЭС, однако последствия данной катастрофы все еще ощутимы. В данном исследовании понятие *Чернобыль* вводится как концепт, чтобы передавать смысл и значение не столько географического места и факта аварии на АЭС, сколько некоторую социально-политическую проблему, выраженную в комплексе последствий. Если Чернобыльская атомная электростанция остановлена и больше не производит

²“Облако, образовавшееся от горящего реактора, разнесло различные радиоактивные материалы, и прежде всего радионуклиды йода и цезия по большей части территории Европы. Радиоактивный йод-131, делающий основной вклад в дозы облучения щитовидной железы, имеет короткий период полураспада (8 дней), и в течение первых недель после аварии в основном распался. Радиоактивный цезий-137, являющийся источником внешнего и внутреннего облучения, имеет гораздо больший период полураспада (30 лет), и измерения все еще показывают его присутствие в почве и некоторых пищевых продуктах во многих районах Европы” (Чернобыльский Форум: 2003–2005: 10).

³ Авария на Трехмильном острове (Three Mile Island Nuclear Generating Station, США) 28 марта 1979 года.

⁴ Авария на химическом заводе в Индии в 1984 году.

энергию, то *Чернобыль* до сих пор производит влияние на социальные и политические отношения.

Речь идет не только об изменениях и влиянии на окружающую среду и человека на пострадавших территориях, но и о влиянии на развитие и использование атомной энергетики в мире, об изменении направлений и парадигм научных исследований, о трансформациях советского режима и, в частности, о политических изменениях в наиболее пострадавших государствах – Беларуси, Украины и России. Многие исследователи, например, придерживаются метафорического сравнения аварии на ЧАЭС и краха СССР (Адамовіч 1992; Marples 1996). При этом речь идет не только о совпадении двух процессов во времени, но и об их взаимообусловленности. В начале 1990-х годов в Беларуси, так же как и в Украине, формирование системы принятия решений и политической элиты, реализация новых политических практик и опыта были продиктованы в том числе и *Чернобылем*. Данный период характеризовался массовыми антикоммунистическими движениями, которые стали впоследствии использовать чернобыльскую тематику для мобилизации населения.

1.1. Краткий обзор академической проблематики чернобыльской политики и политики Чернобыля в Беларуси: гипотеза, объект и предмет исследования

С точки зрения исследования политики Беларуси, изучение *Чернобыля* является примером, позволяющим охватить весь спектр политических и социальных отношений, потому что отражает специфику формирования политического пространства в Беларуси, начиная с 1986 года, периода перестройки, и заканчивая 2008 годом – периодом консолидации режима Лукашенко. Долгое время в советской, постсоветской и западной науке последствия катастрофы на ЧАЭС для Беларуси были недооценены, и считалось, что основной удар на себя приняла Украина (Marples 1996). Тем не менее, экологические, медицинские и социальные последствия катастрофы на ЧАЭС имели место и для Беларуси и до сих пор оказывают воздействие на политические, социальные и национальные процессы в Беларуси.

Таким образом, говоря о роли *Чернобыля* в исследовании поля политики Беларуси, можно выделить следующие характеристики. Во-первых, *Чернобыль*, несмотря на привязанность к определенному событию, является незавершенным процессом, который оказывал и продолжает оказывать воздействие на

окружающую среду, социальную и политическую жизнь Беларуси. Во-вторых, *Чернобыль* оказал существенное влияние на формирование коллективных представлений как части совместно пережитого опыта. Он формирует коллективную память (Хальбвакс 2007, Рикёр 2004) и историю, которая используется как актуальный аргумент в политических отношениях. В-третьих, *Чернобыль* связан с процессом политических изменений в Беларуси: с обретением Беларусью независимости, с гражданской и социальной мобилизацией начала 1990-х годов, с развитием деятельности политических партий и с электоральным процессом.

На современном этапе *Чернобыль* является актуальной темой в политических отношениях в Беларуси, а *чернобыльская политика* остается одной из самых значимых и масштабных в области государственного управления. Hajer определяет политику в области защиты окружающей среды (авайроментальная политика) “как набор социально одобренных практик, через которые познается экологический кризис”⁵ (Hajer 1996: 2). Опираясь на данное определение, *чернобыльская политика* (*Chernobyl policy*) рассматривается в контексте данного исследования как набор действий, мер по ликвидации и преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС, а *политику Чернобыля* (*Politics of Chernobyl*) – как набор социальных практик, через которые определяется, формируется *Чернобыль*.

Опираясь на тезис о том, что *Чернобыль* до сих пор оказывает воздействие на социальную и политическую жизнь, следует отметить, что кроме экологических, социальных и политических изменений к последствиям аварии на ЧАЭС можно отнести и изменения самого *Чернобыля*. Речь идет о символизации *Чернобыля*, превращения из географического места и названия АЭС в совокупность образов, символов и знаков, передающих различные смыслы и значения. *Чернобыль* стал “полисемическим символом” (Phillips 2004: 159), через который происходит осмысление катастрофы и ее последствий. *Чернобыль* становится, используя понятие, предложенное Бергером и Лукманом, символическим универсумом, пространством смысла и значений, объединяющий повседневные, институционализованные, практики и практики маргинальные (Бергер, Лукман 1995: 161). Символизация *Чернобыля* обусловлена и тем, что аварийные и поставарийные события выступают объектом не только социального

⁵ Тут и далее перевод цитат автора.

конструирования, но и объектом политического конструирования. Следует напомнить, что первые посткатастрофные действия были связаны с сокрытием и искажением информации о масштабах и последствиях аварии (Ярошинская 1996; 2006), что может быть интерпретировано как попытки придать произошедшему иные смыслы и значения. Поэтому, когда речь идет о *политике Чернобыля* как совокупности социальных практик, через которые определяется *Чернобыль*, именуется в виду, прежде всего, практики конструирования постчернобыльской реальности, которые выражаются и в дискуссиях о принятии Государственной программы по ликвидации/преодолению последствий на ЧАЭС, и в разработке научной концепции проживания на загрязненных территориях, и в участии в политической акции или в деятельности общественной организации.

На данный момент *Чернобыль* представляет собой поле, где возможны действия акторов, говорящих о *Чернобыле* и действующих от имени *Чернобыля*: политические партии, участвующие с 1989 года в Чернобыльском марше; государство или государственные институты, реализующие политику в области преодоления последствий на ЧАЭС; научные учреждения и ученые, исследующие последствия катастрофы; общественные организации, работающие с пострадавшими территориями и группами; СМИ, публицизирующие чернобыльские проблемы.

С одной стороны, в Беларуси на государственном уровне определения *Чернобыля* как совокупности проблем и того, каким образом должна строиться чернобыльская политика, кажутся однозначными. С другой стороны, *Чернобыль* нуждается в большем переопределении с точки зрения некоторых ученых и общественных организаций и политических деятелей. И если в конце 1980-х – в начале 1990-х происходила некоторая борьба за определение *Чернобыля* и взаимодействия между политическими партиями, депутатами Верховного Совета, писателями и учеными, то остается вопрос о том, возобновляется ли “борьба за значение” (Бурдые 1993; Нажер 1995) на современном этапе. Другими словами, данный аспект можно обозначить как динамику конструирования *Чернобыля* не только как политики, но и как системы смыслов и значений: совокупность действий акторов по определению (конструированию) *Чернобыля* на различных этапах. *Чернобыль* определяется не только как смысловое поле, но и как поле противостояния, борьбы, контроля за определение его смыслов и

значений. Борьба за символическое определение *Чернобыля* производит разделения, формирующие коалиции (Hajer 1995).

Данная символическая борьба за *Чернобыль* определяется также возможностями влияния на формирование социальных представлений и вмешательством в повседневность. Контроль за определение *Чернобыля* важен для институтов власти не только с точки зрения влияния на формирование социальных представлений, но и с точки зрения легитимации государственного (внешнего) вмешательства в частные, повседневные социальные практики: контроль за здоровьем пострадавшего населения, учет радиоактивного заражения, контроль за перемещением, наделение статусом и дальнейшая его категоризация. Поэтому важным, с точки зрения практик конструирования *Чернобыля*, является то, через какие категории определяется *Чернобыль* со стороны институтов власти и через какие категории *Чернобыль* определяется или оспаривается другими акторами.

Таким образом, в центре исследования стоит вопрос о том, как *Чернобыльская катастрофа* как совокупность последствий для человека и окружающей среды транслируется публичными акторами, определяющими проблемы, вызванные катастрофой на ЧАЭС. Можно предположить, что *Чернобыль* это не только реальные последствия катастрофы и их влияния на человека и окружающую среду, это и проявления в социально-политических практиках конструирования постчернобыльской реальности.

Как понимается катастрофа на ЧАЭС и ее последствия? В каких практиках это выражается? Как конструируется чернобыльская политика? Как и кем фреймируется, определяется, создается постчернобыльская реальность?

Основная *гипотеза* данного исследования заключается в том, что в символической борьбе за определение смыслов и значений *Чернобыля* образуются и действуют различные акторы, следующие различным логикам и интерпретациям последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и способов их управления, и формирующие дискурс-коалиции. Определение взаимоотношений между дискурс-коалициями в *Чернобыльской политике* на разных этапах и является *исследовательской проблемой*, выявляющей не только динамику социально-политических отношений, но и динамику конструирования смыслов и значений *Чернобыля* в поле политики Беларуси.

Объектом данного диссертационного исследования являются *социально-политические отношения* в области политики ликвидации, преодоления и минимизации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в Белорусской ССР с 1986 по 1991 год и в Республики Беларусь с 1991 до 2008 года.

Предметом данного исследования являются *дискурс-коалиции*, отражающие социально-политические отношения в области политики ликвидации, преодоления и минимизации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в Белорусской ССР и в Республике Беларусь.

1.2. Задачи и цели исследования

С точки зрения социально-политического анализа, *Чернобыль* представляет собой комплексную проблему изменений в социальной и политической реальности. В связи с этим одной из задач данного исследования является определение и представление *Чернобыля* через теоретизацию и концептуализацию социального и политического опыта, обусловленного последствиями Чернобыльской катастрофы.

Целью нашего исследования является изучение практик, которые лежат в основе чернобыльской политики и конструируют восприятие проблем, вызванных катастрофой на ЧАЭС, и способы их решения. Если рассматривать чернобыльскую политику как комплекс мер по решению проблем, связанных с преодолением последствий катастрофы на ЧАЭС, то в основе данной политики лежит не только совокупность проблем (загрязненные территории и пострадавшее население), но и практики, конструирующие данные проблемы и их решения. Данные практики прежде всего политические, потому что, в первую очередь, имеют отношение к принятию решений и использованию государственных механизмов регулирования, а во вторую очередь, это практики, основанные на применении власти, устанавливающие отношения подчинения. Именно в контексте политических и властных отношений различные группы могут предлагать различные видения проблем и тем самым обеспечивать и создавать среду соперничества и конкуренции за право и возможность “навязывать” свою точку зрения в принятии политических решений.

Следует также отметить, что данные практики основываются на специфическом знании – техническом, медицинском, биологическом и гуманитарном. Другими словами, можно сказать, что научные институты и ученые, занимающиеся исследованием последствий катастрофы на ЧАЭС, в

частности влиянием радиации, выступают акторами чернобыльской политики, потому что знание, которое они производят, служит основой политических практик конструирования постчернобыльской реальности. Поэтому одной из задач исследования является изучение практик производства “чернобыльского знания” или знания о последствиях катастрофы на ЧАЭС.

Задачей данного исследования является также установление того, как и каким образом катастрофа на ЧАЭС, и в частности ее последствия, были опосредованы (manage) политикой ликвидации, преодоления и минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС сначала в период СССР и БССР, а затем и в период Республики Беларусь.

Формирование направлений и приоритетов чернобыльской политики зависело от того, как и каким образом понимались последствия катастрофы, как определялись проблемы, которые данная политика призвана была разрешить. Поэтому на разных этапах чернобыльская политика определялась и осуществлялась по-разному в зависимости от того, какие акторы имели возможность влияния на определение того, что такое *Чернобыль*. И в данном контексте задачей является отразить динамику изменений конструирования *Чернобыля*.

Главной задачей данного исследования является, используя дискурс-анализ, воссоздать, как конструируются и формируются концепции чернобыльской политики, мобилизующие различные дискурс-коалиции. Для того, чтобы отследить формирование и проанализировать проявления дискурс-коалиций в чернобыльской политике, необходимо обратить внимание на то, как и каким образом *Чернобыль* начал появляться в дискурсе публичных акторов. Дискурс-коалиции в чернобыльской политике формируются разными акторами – политиками, учеными, лидерами политических партий и общественных организаций, писателями и журналистами.

1.3. Новизна и актуальность темы исследования

Актуальность и новизна данного исследования заключается, прежде всего, в используемых источниках, примененных методах и концепциях к анализу постсоветского социального и политического опыта, а также в разработанной теме исследования, затрагивающей периоды постсоветской трансформации и становления политического режима в Беларуси и выводящей на передний план и

увязывающей между собой вопросы чернобыльской и ядерной политики в Беларуси.

Работа представляет собой оригинальное исследование, в котором осуществлены:

- обобщение и анализ теоретической литературы по осмыслению последствий Чернобыльской катастрофы;
- комплексное использование оригинальных источников – архивных материалов Национального архива Республики Беларусь; научной и академической литературы; материалов экспертных и глубинных интервью;
- применение конструктивистского подхода к исследованию политических и социальных отношений в Беларуси;
- выявление и обнаружение *Чернобыля* в социальных и политических практиках;
- определение и изучение *чернобыльской политики* и политики *Чернобыля*;
- использование актуальных концепций и теорий политических и социальных наук: “риск”, “биовласть”, “политическая экология”;
- применение методологии дискурс-коалиций к анализу политики Беларуси: проведение анализа дискурса основных акторов чернобыльской политики и выявление основных дискурс-коалиций;
- изучение дискурса ученых и научных концепций, касающихся последствий чернобыльской катастрофы;
- определение периодов и характера взаимодействий дискурс-коалиций в чернобыльской политике;
- исследование формирующегося ядерного дискурса в области политики использования атомной энергии в Беларуси.

1.4. Основные тезисы

1. В чернобыльской политике Беларуси сформировались дискурс-коалиции, отражающие особенности социально-политических отношений в Беларуси, а именно публичных акторов и их контекст-взаимодействия.

2. Отношения между дискурс-коалициями указывают на различные дискурсивные элементы, а также позволяют выявить периоды взаимоотношений, сопряженных с изменением поля политики Беларуси.
3. Элементы дискурса риска и биополитики стали основными риторическими инструментами дискурс-коалиций в чернобыльской политике.
4. Научный дискурс является составляющей частью дискурс-коалиции в чернобыльской политике, определяющей не только принятие политического решения, но и соотношения дискурс-коалиций.
5. Дискурс-коалиции в чернобыльской политике определяют развитие ядерного дискурса и ядерной политики в Беларуси.

1.5. Структура диссертации

Вторая глава данного исследования посвящена представлению основных направлений и подходов в социальных науках к изучению последствий катастрофы на ЧАЭС. Также в данной главе уделяется внимание теориям, используемым в данном исследовании. Таким образом, проблема *Чернобыля* помещается в теоретический контекст социологии риска, социологии знания и социологии власти. Изучение *Чернобыля* в предложенном теоретическом контексте сопряжено с некоторыми методологическими проблемами, которые будут также представлены в данной главе. В частности, речь идет о качественном и количественном измерении *социологии Чернобыля*.

Третья глава исследования посвящена концептуализации *Чернобыля*, суть которой состоит в систематизации знаний о *Чернобыле* – о катастрофе на ЧАЭС 26 апреля 1986 года, о процессах, которые за ней последовали, о последствиях, к которым они привели, и о влиянии, которое они до сих пор оказывают на пострадавшие государства и население. Другим словами, третья глава данного исследования посвящена *проблеме интерпретации Чернобыля*, который изначально появляется как событие, требующее объяснения и понимания: “Чернобыль – это тайна, которую нам еще предстоит разгадать. Непрочтенный знак. Может быть, загадка на двадцать первый век. Вызов ему. Стало ясно: кроме коммунистических, национальных и новых религиозных вызовов, среди которых живем и выживаем, впереди нас ждут другие вызовы, более свирепые и

тотальные, но пока еще скрытые от глаза. Но что-то уже после Чернобыля приоткрылось...”⁶

В данной главе основная задача – показать, что *Чернобыль* представляет собой конструкт или результат практик акторов по конструированию (пост)чернобыльской реальности. Основными объектами конструирования выступают последствия Чернобыльской катастрофы, которые отражаются на человеке и природе. Понятие *эффекты Чернобыля* помогает определить всю совокупность последствий для социальной и политической реальности, а также параметры *Чернобыля* как конструкта. Далее *Чернобыль* вводится как дискурс в поле политики Беларуси. В определении дискурса *Чернобыля* внимание уделяется его основной характеристике как противоречивого дискурса. В определении *Чернобыля* в поле политики Беларуси важным является введение на разделение чернобыльской политики “ликвидации” и “преодоления” последствий, а также характеристика основных акторов.

Четвертая глава направлена на то, чтобы описать и выявить основные дискурсивные практики и риторические инструменты дискурса “ликвидации”. В данной главе анализируется политический дискурс, а именно дискурс советской власти и дискурс президента Беларуси Лукашенко. В дискурсе советской власти акцент делается на аварийном дискурсе и дискурсе здравоохранения. Далее предлагается анализ научного дискурса, где основным элементом является дискурс о влиянии радиации на здоровье человека: дискурс Концепции “35 бэр” советских ученых и дискурс “Концепции защитных мер в восстановительный период” белорусских ученых.

В пятой главе проводится анализ дискурса акторов, которых можно отнести к коалиции “преодоления”: дискурс *Чернобыля* в Верховном Совете 11 и 12 созыва, *Чернобыль* в дискурсе Белорусского Народного Фронта (БНФ), альтернативный дискурс “опальных” ученых, дискурс общественных организаций и объединений. В данной главе главным вопросом является дискурс “преодоления”, необходимый акторам, прежде всего, для того, чтобы проводить конкурентную борьбу в политическом поле *Чернобыля* или быть для них способом идентификации в политическом и социальном пространстве.

⁶ Алексеевич С. (2006). Чернобыльская молитва. Интервью автора с самой собой о пропущенной истории и о том, почему Чернобыль ставит под сомнение нашу картину мира. Москва: Время.

В шестой главе данной работы акцент сделан на основные периоды взаимодействия обозначенных дискурс-коалиций и присутствие элементов дискурса риска и биовласти. Также в данной главе внимание уделено и новым вызовам в политике Беларуси, которые представляют собой проект строительства атомной станции на территории Беларуси и формирование ядерного дискурса или дискурса в области использования ядерной энергии, который может привести или к появлению новой дискурс-коалиции, или к трансформации уже существующей.

II. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И РАЗРАБОТАННОСТЬ ТЕМЫ

2.1. Научные подходы к изучению последствий катастрофы на ЧАЭС

Для определения основных научных направлений в области изучения последствий катастрофы на ЧАЭС было проведено библиографическое исследование. Проведение библиографического поиска и анализ литературы позволили выявить основные подходы к анализу чернобыльской проблематики: 1) анализ социально-психологических последствий, направленный на выявление психологического состояния населения (самоубийства, радиофобия, отношение к радиационному риску); 2) экологические исследования (изменения флоры и фауны под радиационным воздействием); 3) экономический анализ (освоение территорий, аграрная политика); 4) социологические исследования (освоение групп переселенцев, отношение населения к риску и радиационной безопасности).

Особое место в перечне существующих источников по катастрофе на ЧАЭС и её последствий занимают экспертные, научные отчеты - отчеты правительственных комиссий, международных организаций, независимых экспертных групп и научных институтов. Все они создают знание о *Чернобыле*, дающее представление о масштабах ущерба и последствиях для населения и окружающей среды. Экспертное знание о *Чернобыле*, выраженное в ряде отчетов и докладов, строится вокруг оценки экологических, медицинских, социальных и экономических последствий катастрофы на ЧАЭС.

Исследования *Чернобыля*, проведенные в рамках социально-гуманитарных наук можно условно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести *социологические исследования*, которые, в первую очередь, касались изучения общественных реакций на произошедшее событие (Verplanken, 1991),

выявляющих как степень восприятия рисков до и после катастрофы на ЧАЭС (Fischhoff, Slovic, Lichtenstein, Read and Combs 1978; Vlek and Stallen 1981; Drottz-Sjöberg and Sjöberg 1990), так и отношение к ядерной энергии (Earle and Cvetkovich 1990; Eiser, Spears and Webley 1989; Eiser, Hannover, Mann, Morin, Van der Pligt and Webley 1990; Luke 1987; De Boer and Catsburg 1988). Также в данной группе исследований следует отметить те, которые были направлены на изучение роли средств массовой информации в освещении событий катастрофы на ЧАЭС и событий в посткатастрофный период (Otway, Haastrup, Cannell, Gianitsopoulos and Paruccini 1988; Peters, Albrecht, Hennen and Stegelmann 1990).

Во вторую очередь, среди социологических исследований следует выделить работы в области социологии риска, в частности социологии постчернобыльских рисков: Зыкова И.А., Архангельская Г.В., Звонова И.А. (2001) «Чернобыль и социум: оценки риска» и Чешевик А.Б. (ред.) (2001) «Факторы риска последствий Чернобыльской катастрофы». Последняя работа представляет собой анализ совокупности факторов, влияющих на появление, восприятие и управления рисками, возникшими в результате катастрофы на ЧАЭС в Беларуси.

В рамках социологического подхода к анализу последствий катастрофы на ЧАЭС необходимо выделить вклад социологии общественного мнения. В частности речь идет о социологических исследованиях (Бабосов 1992; 1995; 1996; 2001; 2005), проводимых Институтом социологии АН РБ. Бабосов (1996, 2005) проводит социологический анализ последствий катастрофы на ЧАЭС для населения и территории Беларуси, используя в основном данные опросов общественного мнения и различных групп населения, пострадавшего от катастрофы и проживающего на загрязненных территориях. В фокусе внимания данных исследований лежат в основном вопросы о социальных последствиях катастрофы, а именно, адаптации различных групп населения к изменившимся от радиоактивного воздействия условиям жизнедеятельности, а также восприятия радиационного риска, о медицинских последствиях, а именно изменения в структуре заболеваемости населения и степень обеспокоенности населения за состояние собственного здоровья.

Ко второй группе исследований следует отнести *философские исследования*, связанные с критическим анализом новых вызов, которые произвел *Чернобыль*. К ним можно отнести работы немецких философов Гюнтера Андерса (Anders 2006) и Ульриха Бека (2000), которые в своих исследованиях делают акцент на

изменениях современной эпохи, связанных с появлением новых опасностей и неопределенностей, которые, по их мнению, должны привести к осмыслению нового социального опыта: «Чернобыль – это конец «других», конец всех наших строго культивировавших возможностей дистанцироваться друг от друга, ставший очевидным после радиоактивного заражения. От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века – нельзя. В этом их своеобразная культурная и политическая сила. Эта сила – в угрозе опасности, которая не признает охранных зон и дифференциаций современного мира» (Бек 2000:5).

Среди политико-правовых исследований, следует выделить исследования, которые затрагивали аспекты формирования правовой системы и государственных механизмов в области политики преодоления последствий катастрофы на ЧАЭС (Демичев 1997; 2000; 2001; 2006). Демичев (1997, 2006) анализирует последствия катастрофы на ЧАЭС с точки зрения функций государства и выделяет в качестве специализированной функции в системе функций государства функцию преодоления последствий чернобыльской катастрофы. Автор проводит анализ законодательных актов и иных нормативных документов Республики Беларусь, опираясь на «Государственные программы по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС», на основе чего проводит периодизацию становления данной функции государства (1997), а впоследствии сравнительный анализ данной функции в Украине, России и Беларуси (2006).

Важным аспектом в характеристике научных исследований по данной тематике в Беларуси является то, что практически полностью отсутствуют исторические исследования на основе архивных материалов и документов, предоставляющих информацию как о ходе ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, так и о формировании политической системы в начале 1990ых годов. Заметим, что в это же время в Украине, проводятся исследования по изучению и оценки роли *Чернобыля* в историческом процессе (Барановская 2006).

Следующей группой исследования последствий Чернобыльской катастрофы являются антропологические исследования. Анализом *Чернобыля* с точки зрения социальных наук активно занимается научная лаборатория социальных исследований Канского университета, LAZAR (Франция). Публикация «Silences de Tchernobyl. L'avenir contaminé»⁷ (2004, 2006), при участии специалистов из

⁷ «Молчания Чернобыля. Зараженное будущее»

данной лаборатории Grandazzi, Lemarchand, представляет собой существенный вклад в развитие научной мысли и общественного осмысления катастрофы на ЧАЭС. Данная книга, изданная в 2004 и переизданная в 2006, представляет собой сборник исследовательских статей, интервью со специалистами и свидетельств очевидцев аварии, пытающихся ответить на главные вопросы о том, что такое *Чернобыль*, какие последствия катастрофы оказали влияние на социальную и природную среду и в чем именно это влияние состоит. Также важным аспектом данной публикации является установление связи между последствиями Чернобыльской катастрофы и развитием научной мысли: как и каким образом современная наука должна ответить новым вызовам постчернобыльской реальности. Эту идею развивает Lemarchand в своей докторской диссертации «Социальная антропология технонаучных обществ» (Канский университет 2000), где он пытается ответить на вопрос о том, как социальная и философская мысль нового времени или нового модерна отвечает новым социальным изменениям. Исследуя на основе большого эмпирического материала изменения социальных представлений о прошлом и будущем, о времени и месте, связанных с чернобыльской катастрофой, Lemarchand приходит к выводу о том, что *Чернобыль* обозначил новую эпоху или новое время, то, что У.Бек назвал «обществом риска», в котором опасность и неуверенность становятся главными социальными показателями.

Исследованием чернобыльской темы занимается также американский антрополог Petryna, делая акцент преимущественно на исследовании изменений социальных практик, в том числе телесных. В своей статье «Sarcophagus: Chernobyl in Historical Light» (1995) Petryna впервые задается вопросами о том, как сочетается личный и социальный опыт и историческое представление *Чернобыля*, восприятие советской власти до и после *Чернобыля*, восприятие собственной биологической жизни. Исследуя *Чернобыль* с применением этнографических методов, Petryna постепенно в своей статье реконструирует и воссоздает картину событий и обстоятельств *Чернобыля* через ряд свидетельств, отражающих определенные социальные практики. Книга «Life Exposed. Biological Citizens after Chernobyl» (Petryna, 2002) представляет результаты долгосрочного исследования последствий *Чернобыля* для биологической жизни. А именно в данной книге Petryna отвечает на вопрос, как «жизнь» становится

частью политики и науки, формирующих «биологическое гражданство» и как события 1986 года определили курс формирования нации в Украине.

Другими словами, можно сказать, что Петруна проводит антропологическое исследование того, как происходит восприятие политикой и наукой тех изменений, которые последовали после *Чернобыля*, как риск, боль и страдание постепенно превращаются в научные и политические инструменты. Во многом основанная на материале данной книги, статья «Biological Citizenship: The Science and Politics of Chernobyl-Exposed Populations» (Petryna, 2004), показывает то, как формируется новый правовой и политический режим, основанный на использовании радиационного риска и страдания, новая модель биологического гражданства, с одной стороны области политического регулирования, а, с другой стороны, образа жизни, повседневных форм выживания. Важным является и то, что автор исследует чернобыльские последствия через призму политических трансформаций. Особенно этот аспект проявляется в её книге, где одним из основных направлений анализа становится процесс перехода от советского режима и формирование постсоветского гражданства как части построения национальной идентичности.

Чернобыль это не только радиационное заражение, это и заражение идеей борьбы, выживания и противостояния, это образ жизни. Phillips (2004), продолжая антропологическое исследование последствий катастрофы на ЧАЭС, говорит о некотором «шестом чувстве», или общественном сознании или самосознании (*awareness plus*), которое возникает у населения пострадавшего от катастрофы, очевидцев и участников ликвидации аварии, которое им позволяет по-другому воспринимать не только окружающую действительность, но и их собственную повседневность. Phillips в своей статье «Chernobyl's Sixth Sense: The Symbolism of an Ever-Present Awareness» исследует представления о *Чернобыле* в академическом и публичном дискурсе, в литературе и музеях. Символика чернобыльской катастрофы служит определенным ресурсом для формирования и определения представлений у пострадавшего населения и непосредственно участников ликвидации. Символы *Чернобыля* представляют собой ресурс для конструирования новой социальной реальности, основанной на совместно пережитом опыте и на изменениях, которые за собой повлекла катастрофа на ЧАЭС. *Чернобыль* в данном контексте предстает как символическая основа для формирования коллективной памяти пострадавшего населения.

Знание о *Чернобыле* как части социальной и политической реальности формируется на основе различных источников, научных и художественных. Представленный обзор литературы и материалов дает представление о том, на каком уровне изученности и осмысления находятся проблемы, вызванные последствиями аварии на ЧАЭС, а также позволяет определить некоторую перспективу изучения последствий аварии на ЧАЭС. В социологических исследованиях акцент делается в большей степени на исследовании рисков, вызванных катастрофой на ЧАЭС, а также на изучении общественного мнения, отношения к ядерной энергетике. Новые вызовы, которые собой представляет использование ядерной энергии и её последствия для политики, общества и науки, представляют предмет изучения социальной философии. С точки зрения политико-правовых исследований, предметом изучения являются действия государственных органов по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС с целью выявить механизм государственного регулирования посткатастрофной ситуации. Для социальной антропологии интерес представляют проблемы, вызванные последствиями катастрофы на ЧАЭС, изменяющие телесные практики пострадавшего населения, а также отношения к собственному здоровью, медицине и политике, а также возможные символические проявления Чернобыля. Данные направления исследования проблем Чернобыля в социальных науках, позволяют очертить перспективы дальнейшего исследования: изучения Чернобыля в контексте социальных и политических практик, выявляющих дискурсивные составляющие конструирования значения и смыслов Чернобыля в поле политики Беларуси.

2.2. Теоретические и концептуальные рамки исследования

Следуя в данной работе основам конструктивистского анализа (Бергер, Лукман 1995), мы предлагаем исследование *Чернобыля* в поле политики Беларуси как совокупности практик, определяющих смысл и значение Чернобыльской катастрофы и ее последствий. Основоположники конструктивизма в социологии знания Бергер и Лукман исследовали процесс формирования повседневного знания и, основываясь на методологической традиции Вебера и Дюркгейма, пытались выявить процесс объективации субъективных смыслов. В данном исследовании предполагается отследить процесс объективации субъективных смыслов, представлений и значений на примере практик конструирования *Чернобыля*, а именно то, как из различных

субъективных значений Чернобыльской катастрофы формируются концепции или видение *Чернобыля*.

Ссылаясь на Фуко, можно сказать, что проблема *Чернобыля* включает в себя научный, этический и политический аспект. В исследовании безумия, сексуальности и преступности Фуко пытался выявить составляющую “определенной объективности, становление политического и управление собой, совершенствование этики и практики, которые соотносятся с самими собой”.⁸ Феномен *Чернобыля*, а именно те изменения, которые он вызвал в природной, социальной и политической среде, наталкивают на вопрос об изменениях стратегий власти и доминирующих форм знания. *Чернобыль* – это определенное пространство опыта, это “действие, в котором принимают участие истина, властные отношения, а также способы соотносить себя с другими” (Фуко, интервью с Полем Рабиноу).

В качестве теоретического контекста в данном исследовании выступают в *социологии риска* теория риска, связанная с концепцией общества риска (Бек 2000) и качественного подхода к риску (Wortz 2008), с точки зрения того, как происходит наделение *Чернобыля* компонентами дискурса риска; в *социологии знания* с точки зрения процесса конструирования научного факта (Callon 1979, Latour 1989) и появления в постчернобыльской реальности новых “рискованных соединений” выступает концепция политической экологии (Latour 2004); в *социологии власти* – концепция биовласти (Фуко 1996), с точки зрения того, как *Чернобыль* становится властной стратегией, совокупностью политических и дискурсивных практик, отражающих демографические и биологические изменения.

2.2.1. Социология риска

Ульрих Бек в своей книге “Общество риска. На пути к другому модерну” (1986) рисует картину нового общества, где индивид вынужден самостоятельно выстраивать защиту и бороться против неопределенности. Современная наука становится областью множества мнений и суждений, где каждый может найти свое, ему подходящее объяснение, где экспертное знание, долгое время монополизировавшее поле “неизвестного”, становится противоречивым и порождает ситуацию еще большей неуверенности и неопределенности. Наука,

⁸Фуко Мишель “Полемика. Политика. Проблематизация”, интервью с Полем Рабиноу. http://traditio.ru/lib/fuko_probl.htm

претендовавшая на объяснение реальности и на подчинение окружающего мира природных явлений, превращается сама в комплексное явление, подверженное влиянию многочисленных социальных акторов – медиа, политики, протестных движений, – и требующее всестороннего объяснения.

Таким образом, по мнению Бека, на смену ощущению безопасности и защищенности приходит чувство опасности, тревоги и страха. Нельзя сказать, что данные настроения отсутствовали в индустриальном обществе, они носили скорее латентный характер. Говоря о переходе от “старого” к “новому” модерну, Бек указывает на обострение восприятия опасности, преодоление латентности и усложнение действий акторов модернизации.

Бек описывает новую реальность, используя термины “опасность” и “угроза”, чтобы передать эмоциональную составляющую нового, другого модерна, где страх и тревога в социальной реальности выходят на передний план. Ощущение страха и тревоги Бек сводит к категории “риска”, той, которая определяет или может определить как состояние индивида в политическом, социальном и природном окружении, так и отношение к нему. Опасность, согласно Беку, становится все менее предсказуемой, потому что, как ни странно, заключена в самой структуре знания. Несмотря на то, что “новые угрозы выражаются на языке химических формул, биологических взаимосвязей и медико-диагностических понятий” (Бек 2000: 34), не само знание порождает опасность, а знание о незнании полных последствий того или иного феномена, чаще всего самой наукой и произведенного. Именно поэтому в данном случае Бек и говорит не о реальной угрозе, конкретной, материально выраженной, а о “грозящей возможности” того, что когда-нибудь обязательно произойдет.

Немецкий философ Гюнтер Андерс (Anders 1986, ed. 2006) говорит о том, что в современном обществе риск и опасность заключаются вовсе не в преодолении латентности опасности, а в осознании того, что эта опасность может быть или есть невидима, то есть она не поддается ни визуальному, ни чувственному осмыслению. В этом и заключается опасность нового модерна – в уменьшении значимости чувственного (как контакта с внешней средой) и социального опыта индивида (Бек 2000: 36). Таким образом, Бек ставит под сомнение научную рациональность, подтверждая это тезисом о “демократизации естественных наук”, которые научились учитывать некоторое право общества на выражение собственного мнения. В данном случае, согласно

Беку, научная рациональность выступает как легитимное прикрытие научно-технического прогресса.

Согласно концепции “общества риска” Бека, развитие науки приводит к производству не только нового знания, но и новой неуверенности и непредсказуемости, которые не поддаются подсчету и вероятности, тех инструментов, которые заложены в самой науке. Однако по Borgaz (2008) данный подход имеет существенные недостатки: сложность эмпирического подтверждения, а также трудность в изучении таких аспектов, как проявление риска в практиках и дискурсах (Borgaz 2008: 11). Borgaz предлагает рассматривать трансформирующееся понятие риска, как “результат процесса наделяния качеством, способствующий уменьшению неуверенности и неопределенности, окружающих деятельность, химическое вещество или промышленный объект” (Borgaz 2008: 13). Таким образом, разделяя два процесса – придание риску количественного (quantification) и качественного (qualification) значения, Borgaz предлагает исследовать не только сами риски, но и изучать процессы создания рисков, а именно социальное и политическое конструирование рисков.

Риск в современном обществе определяется степенью знания или представления о том, какую опасность или угрозу несет тот или иной объект или тот или иной феномен. Поэтому на передний план в изучении риска, особенно техногенного, выходит социология знания или социология науки, а именно изучение роли науки в создании научных фактов и социальном конструировании рисков. Таким образом, знание о природных, социальных и иных феноменах создается и производится в обстановке не только неизвестности, но и неуверенности в том, что данная *причина* приведет к данному *следствию*, что, в свою очередь, не приведет к новой *причине* и к совершенно непредсказуемому *следствию*. Возрастает разрыв между неуверенностью и знанием, а именно в науке “известные неизвестные” (*known unknowns*) уступают место “неизвестным неизвестным” (*unknown unknowns*) (Borgaz 2008: 15). Чтобы сократить данный разрыв, наука должна находить новые формы не только в методологии изучения неизвестного феномена, но и в отношениях с обществом.

2.2.2. Социология знания

Jasanoff (2005) использует понятие “регулятивной или регулирующей науки”, которая “постоянно извлекает из названия “наука” необходимую легитимацию, но социологически это совершенно отличный от базисного исследования вид деятельности” (Jasanoff 2005: 108) И в отличие от обычной науки, чьими механизмами продвижения служат “неизвестность, неопределенность, условность и неожиданность”, “регулятивная наука” нуждается в механизмах защиты и закрытости, таких, как ограниченные экспертные сообщества, потому что должна оставаться в “черном ящике” (*black-boxed*) и подтверждать свой определенный и безусловный статус. Jasanoff расширяет не только роль науки в политике, но и наделяет ее характеристиками власти, а именно не только области выработки научного знания как обоснования для принятия тех или иных политических решений, но и способа влияния на принятие тех, а не иных политических решений. Наука – знание о технологиях и способах его производства – не только вписывается в контекст разделения властей на основании исключительной компетенции, но и претендует на роль политического актора, чьими характеристиками являются борьба за ресурсы, властные отношения и способы доминирования.

Callon (1979) говорит, в частности, о появлении новых акторов, способных комбинировать политические стратегии и научные инновации в неуверенном окружении, произведенном новыми технологиями. Государство как, прежде всего, совокупность административных учреждений и институтов, не в состоянии оценить технически и политически инновационное внедрение, как, например, в истории внедрения электрических машин: “Государство не обладает практически никакой способностью анализа, которая была бы ему свойственна. (...) Это отсутствие анализа касается как технологий, так и социальной системы. (...) Администрация не способна перевести в язык политики технические различия, которые появляются в ситуации инноваций” (Callon 1979: 445-446). В данном случае речь идет не о беспомощности и бессилии административных органов, а скорее о невозможности конвертировать технические обоснования в политический выбор, что приводит либо к “сверхполитизированному”, либо к “сверхтехническому” способу администрирования инноваций: “Администрация находится в сложном положении, разделенная между политикой и техникой, переходя от одного к другому, не имея возможности установить между ними

отношения взаимопонимания” (Callon 1979: 446). При этом нужно отметить, что наука характеризуется не только состязательностью в политическом пространстве, но и высокой конкурентностью внутри научного сообщества, что приводит к исключению некоторых акторов, научных суждений и предположений, из процесса легитимации политических решений.

Что касается вопроса легитимности научного знания, то в данном случае можно сослаться на разделение, которое приводят Clark, Majone (1985), на “сверхъестественную” и “гражданскую” легитимность научного исследования. В первом случае речь идет о легитимности “производной от высшей власти, которой не задаются вопросы”, во втором случае речь идет о “некоторой свободной договоренности или контракте, обязательстве следовать определенным правилам, о согласии на некоторые процедуры” (Clark, Majone 1985: 16). Под гражданской легитимностью Clark, Majone понимают, прежде всего, современный конституциональный строй и экономические системы. Другими словами, в данном случае речь идет, с одной стороны, о незыблемости, неделимости и неоспоримости научного знания, а с другой стороны, речь идет о знании, основанном на дискуссии и дебатах, на определенных правилах принятия этого знания, как академическим сообществом, так и обществом в целом.

В своих работах Callon, Latour предлагают не столько социологический анализ научных фактов, сколько обозначают появление возможной новой парадигмы или направления исследования “технонауки”, позволяющей рассмотреть и объяснить создание научного факта через совокупность условий и практик, процессов и дискурсов, техник и технологий, составляющих “науку в действии” (Latour 1989). Создание научного факта представляет собой процесс, обусловленный многими обстоятельствами, материальными объектами, научными инструментариями, институтами, другими исследователями, окружением и местом производства знания – все это составляет, согласно Latour, *сеть*, которую создает ученый и использует в качестве диспозитива для конструирования факта. Данный процесс является процессом социального конструирования и конструирования многочисленных предшествующих практик, которые сложно отследить: “Мы не утверждаем только то, что факты социально конструированы. Мы хотели бы также отразить, что процесс конструирования задействует некоторые диспозитивы, которые во многом затрудняют обнаружение следов их производства” (Latour, Woolgar 1988: 180).

Исследования научного факта как процесса конструирования не снимает вопроса о том, что является определяющим – контекст, в котором данный факт производится, или содержание, значения, данные и переменные, которыми ученый наделяет научный факт. Согласно же этих авторов, определяющим является связующий элемент между контекстом и содержанием производства научного факта, выраженный в процессе *перевода*, не просто перехода от сложного и непонятного к простому и понятному, а именно сочетания всего многообразия факторов, акторов и сети, создающих *условия* для продвижения научного факта через всю совокупность мнений, суждений и других научных фактов и физических обстоятельств. Другими словами, при создании теории ученый должен уметь учитывать различные, не только научные, интересы для того, чтобы научный факт приобрел форму такового. Именно поэтому некоторые современные тенденции социологии науки стремятся к социологии социального факта, позволяющего, прежде всего, раскрыть научную деятельность или деятельность по производству научного факта как социальный феномен, объяснимый другими социальными феноменами.

Согласно Borgaz (1990), данная концепция предлагает рассматривать науку в динамике, не прогрессивной и не регрессивной, а в интеракционистской: “Исследователь воздействует на свои объекты исследования, которые в свою очередь влияют на исследователя и на сеть, которая его окружает и которая взаимодействует с исследователем, а также структурирует и моделирует научные объекты, придает им значения. Таким образом, вырисовывается комплексная схема взаимодействий и передвижения ресурсов, различных средств и научных объектов, которые лишают всякого смысла разрыв между внешней и внутренней средой лаборатории” (Borgaz 1990: 143).

Приведенные современные тенденции в социологии науки и знания уделяют внимание не столько отношению власти и знания, сколько переопределению образа общества и формы демократии. В частности Callon, Lascoumes, Barthe (2001) ставят под сомнение сущность представительной демократии, основываясь на критическом анализе экспертизы, которая находится на службе у политиков. Вывод на передний план мнения экспертов не только усиливает демократизацию науки (Beck 2000) – то есть возможность каждого иметь доступ к научным фактам и собственное научное суждение, но и позволяет вывести научные дебаты из лабораторий на публичную сцену. Происходит некоторая

подмена публичными дебатами научных споров и борьбы мнений, которые теряют свою значимость. И, согласно авторам, избежать данного изменения в сторону увеличения присутствия научного мнения в политических практиках возможно путем создания новых процедур диалога, где будут задействованы различные акторы, с одной стороны, усиливающие плюралистический компонент, а с другой стороны, создающие среду научного спора и борьбы мнений.

Согласно концепции “политической экологии”, предложенной Латуром (Latour 2004), и его основному тезису последнее время человечество занималось тем, что пыталось увеличить все больше и больше разрыв между обществом и природой, отводя для науки роль арбитра. Поэтому, чтобы сблизить человека и окружающую среду, необходимо переоценить роль науки и знания в этой системе. Для этого необходимо, прежде всего, освободиться от того понятия “природы”, которое сформировалось на протяжении веков. Используя методы социологии науки, Латур реконструирует то, как в современных условиях развитие политики и науки пришло к данному пониманию природы и к данному демократическому устройству.⁹ Для этого необходимо различать практику и теорию “политической экологии”, где последнее – это процесс создания представлений о природе, а первое – это наука, мораль, право и политика, но никак не природа. Экологические кризисы, таким образом, не имеют никакого отношения к природе или окружающему миру, а только к обществу, которое наделило природные вещи смыслами “риска”, “опасности” и “угрозы”. “Простые” вещи, элементарные, те, что существуют в природе, стали опасными вещами в обществе.¹⁰ Проблемы экологии – это не то, что происходит с природой и с окружающим нас миром, а то, что происходит с обществом в данной окружающей среде.

⁹ Латур использует платоновский “миф о пещере” для того, чтобы обозначит зарождение этой двойственности природы и знания о природе (общества), мира вещей и мира идей, объективного и субъективного, где “ученый” имеет право “выйти из пещеры” и познать истину вещей, обладать самой верховной политической властью: “заставить говорить немой мир, говорить истину и ее не обсуждать, положить конец бесконечными прениям в форме бесспорного авторитета знания о вещах” (Latour 2004: 28).

¹⁰ В данном случае Латур использует аллегорию “лысые” вещи и “косматые” вещи (2004: 38). Латур говорит о кризисе объективности, а именно о появлении и разрастании так называемых рискованных соединений (“косматые вещи”), то, что Бек определяет как неуверенность и неспособность науки объяснить некоторые явления, другими словами то, что было простым и понятным, становится опасным и сложным. *Неприкосновенный запас* № 2 (46), 2006, <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/>

Данное переосмысление “экологической” и “политической” реальности приводит Латура к мысли, что из-за этого ложного представления о природе сложилось ложное представление об обустройстве общества, которое называется демократическим и в котором индивид, обладая основными правами и свободами, кажется лишенным свободы мыслить и быть собой в окружающем его мире. Этот принцип существования общества является предопределенным, и множество неизлечимых экологических кризисов, природных катастроф, опасных вирусов и болезней не смогут пошатнуть устоявшийся порядок вещей. Латур, таким образом, предлагает задуматься и поучаствовать в создании новой или другой политики, где “политическая экология” уже не будет просто формой политики, включающей вопросы природы в демократическое функционирование общества. Она будет изменять не природу, а общественное устройство.

2.2.3. Социология власти

Фуко в своей концепции “биовласти” подчеркивал, что в современном мире совершается переход от “права меча” к современной форме права над жизнью. Он отмечает, что власть над жизнью начала изменяться еще в XII веке. Это выражалось в двух основных формах: в форме “политики человеческого тела”, а именно в наборе процедур контроля, подчинения, увеличения способностей, выраженных в совокупности телесных практик и в форме “биополитики народонаселения”, направленной на управление продолжением рода и выживанием населения в целом.

В первом случае речь идет о жизни, как о физическом воплощении (теле), во втором жизнь воспринимается как форма, дающая жизнь другому. Все это сопровождалось историческими переменами и эволюцией политической власти и, в конечном счете, привело к современной стратегии власти над жизнью: “Прежнее могущество смерти, в котором символизировалась власть суверена, теперь тщательно скрыто управлением телами и расчетливым заведением жизнью. Быстрое развитие в классическую эпоху различных дисциплин: школ, коллежей, казарм, мастерских; появление в поле политических практик и экономических наблюдений проблем рождаемости, долголетия, общественного здоровья, жилища, миграции; словом – взрыв различных и многочисленных техник подчинения тел и контроля за населением” (Фуко 1996: 243). Стратегии власти над жизнью, которые выражены как в совокупности мер по регулированию вопросов демографии и здоровья населения, так и в наборе

дисциплинарных практик, эксплицитных и неэксплицитных, но выраженных в дискурсивных практиках властных субъектов.

В качестве концептуальной основы данного исследования будут выступать концепция дискурса или дискурсивных практик и отношений (Фуко 1996), а также концепция дискурс-коалиций (Hajer 1995).

Согласно одному из основных тезисов Фуко, в обществе нет ничего фундаментального. Дискурс, в концепции Фуко, появляется в контексте исследования власти. В “Археологии знания” (1996) Фуко определяет дискурс как не просто речевой акт, а как пересечение субъективного и объективного, как способ отобразить не только смысл действий индивидов, но и смысл существования институтов и практик власти. Дискурсивные практики – это часть отношений, политических и социальных. Дискурсивные отношения, с одной стороны, существуют независимо, отдельно от дискурса, “они не связывают между собой концепты и слова, не устанавливают между фразами и препозициями дедуктивные или риторические структуры” (Фуко 1996: 47), а с другой стороны, направляют дискурс, “ограничивают или навязывают ему определенные формы, или принуждают в некоторых случаях выражать определенные вещи” (Фуко 1996: 47). Дискурсивные отношения представляют собой формат, окружение дискурса, это одновременно контекст и производное от дискурса. Согласно Фуко, именно они определяют предел дискурса, объекты и связи, которые он устанавливает: “Эти отношения характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых он разворачивается, а самый дискурс, понятый как чистая практика” (Фуко 1996: 47). Именно дискурс как чистая практика и выступает основным объектом стратегий власти, направленных, прежде всего, на определение условий, формата, предела существования дискурса, чтобы чистая практика была практикой институционализированной, читаемой и понятной, “чтобы хоть частично овладеть стремительным разрастанием дискурса, чтобы его изобилие было избавлено от своей наиболее опасной части и чтобы его беспорядок был организован в соответствии с фигурами, позволяющими избежать чего-то самого неконтролируемого; все происходит так, как если бы захотели стереть все, вплоть до следов его вторжения в игры мысли и языка” (Фуко 1996: 78).

Работа Hajer (1995), посвященная анализу дискурса об окружающей среде (environmental discourse) с применением концепции “дискурс-коалиции”,

основывается на концепции Фуко. Согласно Најер, речь идет об анализе дискурса не только с точки зрения микро- и макростратегий власти, но и с точки зрения стиля, содержания и способа аргументации, определяющей позицию дискурса в политических и социальных отношениях – доминирование, подчинение или равновесие, оппозиция или конформизм. Таким образом, определение политики, или принятие политического решения, есть ничто иное как результат столкновения различных дискурсов, выражающих различные видения (концепции) политики в данной конкретной области. Најер разработал новый подход к анализу дискурса, концепцию дискурс-коалиции, основанную на идеи “взаимодействия дискурсов” и “дискурсивной гегемонии” (Најер 1995: 59), а также институционального контекста как первичного условия формирования дискурсов. В данном подходе дискурс понимается как “специфическая совокупность идей, концептов и категоризации, которые произведены, перепроизведены и трансформированы в определенный набор практик и через которые придается значение социальной и физической реальностям” (Најер 1995: 60). А дискурс-коалиция – это совокупность повествований, акторов, производящих повествования, и практик, на которых основывается данная дискурсивная деятельность (Најер 1995: 65).

Для анализа процесса конструирования *Чернобыля* будет использоваться методология дискурс-анализа и концепция дискурс-коалиций. Дискурс является проявлением и отражением социальных практик и помогает выявить процесс наделения смыслом и значением действий. В случае анализа *Чернобыля* как совокупности социальных практик, анализ дискурса помогает рассматривать *Чернобыль* не только как совокупность дискуссий, научных и политических, о последствиях катастрофы на ЧАЭС, но и как совокупность различных факторов, влияющих на формирование *Чернобыля* как проблемы. В данном контексте *чернобыльская политика* определяется в зависимости от того, как конструируется *Чернобыль* различными акторами, какие смыслы и значения последнего станут основополагающими для формирования и реализации политики.

2.3. Методологические аспекты исследования

Одним из главных вопросов исследования является вопрос определения или обозначения *Чернобыля*, т.е. концептуализации *Чернобыля* как объекта анализа. Когда мы говорим о *Чернобыле*, речь идет о событии, аварии, о процессе

ликвидации и минимизации, и о последствиях (социальных, медицинских, экологических). Для того чтобы анализировать социальный феномен, какова бы ни была его природа, необходимо обнаружить “выходы” данного феномена в реальности, а именно те его проявления, которые можно наблюдать эмпирически. С методологической точки зрения, речь идет о классическом подходе анализа “социальных фактов”, предложенном Э.Дюркгеймом (Durkheim 1995). Применительно к феномену *Чернобыля* речь может идти об *эффектах Чернобыля*, а именно о совокупности последствий взрыва на Чернобыльской станции, повлекших социальные, экологические, экономические и социальные трансформации, которые приобрели характеристики объективно существующей социальной реальности. Таким образом, отталкиваясь от реальных фактов, можно выстраивать схемы объяснения реальности, приводящие к построению некоторых теоретических обоснований.

2.3.1. Свойства объекта исследования

Необходимо отметить, что при изучении *Чернобыля* исследователь сталкивается с противоречивым объектом, который наполнен различными, иногда противоположными представлениями и смыслами. В связи с этим иногда сложно отделить “чернобыльский факт” от научного и политического конструирования “чернобыльского факта”. Это выражено, например, в оценке последствий катастрофы на ЧАЭС различными акторами: учеными, политиками, жителями пострадавших территорий и независимыми экспертами. Большие противоречия в научной и политической среде вызывает оценка последствий радиационного заражения для здоровья людей, влияние доз радиации: какие изменения здоровья связывать с радиационным заражением в результате аварии на ЧАЭС, а какие нет. Как отмечает Petryna (2006: 9), международное сообщество, научный комитет ООН в частности, признали зависимость роста заболеваний рака щитовидной железы у детей, проживающих на пострадавших территориях, от последствий катастрофы, а остальные нарушения здоровья связывают с “информационным стрессом” (Сергеев 1988; WHO 1996), с “соматизацией страха” (Rumiantseva et al. 1996; Guskova 1995), с восприятием риска (Drottz-Sjoberg et al. 1995; Havenaar et al. 1997) или с “психологическими расстройствами” (Чернобыльский форум 2006). Это вызвало определенную критику со стороны украинских, белорусских и российских ученых как недооценка влияния радиации даже в малых дозах на физиологические

изменения человека (Pilinskaya 1999; Bondar et al. 1996; Яблоков, Нестеренко 2007).

Еще одна трудность изучения *Чернобыля* связана с процессами локализации и делокализации: с одной стороны, *Чернобыль* невозможно четко очертить, он, как радиация, повсюду, но с другой стороны, *Чернобыль* – это название географического места. Гюнтер Андерс в своем обращении к Шестому международному медицинскому конгрессу против ядерной войны “Десять положений о Чернобыле” (Anders 1986, ed. 2006) предлагает, переформулировав свой тезис “Хиросима повсюду”, говорить о том, что *Чернобыль* повсюду, потому что его невозможно измерить и локализовать, невозможно обнаружить источник до тех пор, пока “нам будут говорить о том, что существует разница между мирным и военным атомом” (Anders 1986, ed. 2006: 317). Проблема локализации *Чернобыля* заключается в том, что данному явлению невозможно обозначить физические рамки его влияния и тем более будущего, потенциального воздействия. Можно зафиксировать территории радиоактивного загрязнения на карте, выразить радиацию в зивертах и беккерелях, но нейтрализовать ее влияние практически невозможно, потому что *Чернобыль* – это еще и образ мысли и восприятия окружающей действительности для тех, кого коснулась Чернобыльская катастрофа. Также следует отметить, что *Чернобыль* изменил комплексное восприятие реальности – социальной, политической, экономической, поскольку заставляет постоянно искать аналогии между теми или иными событиями в политике, экономике, культуре и последствиями аварии. Не случайно вокруг *Чернобыля* возникло так много метафор и мифов – “политический Чернобыль”, “культурный Чернобыль”, использующих смысловое значение *катастрофы* и *ликвидации последствий* (Chernousenko 1991).

2.3.2. Качественные и количественные характеристики исследования

Принимая во внимание данные свойства объекта, противоречивость и делокализованность, исследование последствий катастрофы сталкивается с проблемой, связанной с применением количественных и качественных данных. Несоответствие информации, сложности с измерением опасности, которая представляет собой радиация, осложняют процесс перевода влияния последствий катастрофы на ЧАЭС в количественные показатели. Поэтому на передний план данного исследования выходят качественные данные в сочетании с

количественными. Речь идет не столько об уже ставшем классическим противостоянии между количественным и качественным подходом в социологических исследованиях, а скорее об ограничениях, с которыми сталкивается исключительно качественный или исключительно количественный анализ. В перспективе данного исследования количественный анализ сталкивается с рядом препятствий, которые можно выделить на примере *социологии риска* и *общественного мнения* применительно к постчернобыльским проблемам.

Принимая во внимание не только количественную, но и качественную сторону риска, некоторые исследователи определяют риск как деятельность по наделению феномена качеством риска (Wong 2008). Данный подход к определению риска утверждает, что “риск есть результат социального процесса, вовлекающего различных акторов” (Wong 2008: 39). Данное утверждение обнаруживает проблему *объективации*, с одной стороны, связанной с проблемой извлечения (extraction) риска из социальной реальности, а с другой стороны, с проблемой перевода (translation) риска в количественные данные и социологические понятия.

Что касается процесса перевода риска, то, с одной стороны, концепция “общества риска” (Beck) проектирует контуры общества модерна, где главная роль в создании ситуации неуверенности и опасности отводится экспертам и ученым. С другой стороны, психологический или психометрический подход к рискам (Fischhoff, Slovic, Lichtenstein, Read, and Combs 1978), сосредотачивается на процессе восприятия рисков (risk perception), не указывая на то, каким образом промышленные, технологические, химические объекты превращаются в рискованные в социальном и политическом поле. Другими словами, можно сказать, что изучение восприятия рисков не позволяют увидеть происхождение того или иного риска, потому что он появляется уже как сформированная данность: “Опасность, которую собой представляет деятельность, а также характеристики, которыми ее наделяют индивиды, уже заключены там. Анкеты и опросы по восприятию риска позволяют его обнаружить, выделить основные детерминанты (как, например, пол, этническое происхождение или социальная принадлежность индивидов), но они не объясняют их происхождения. Они в большей степени указывают на роль медиа в распространении информации, влияющей на восприятие рисков” (Wong 2008: 44). Процесс определения той

или иной ситуации, как ситуации риска, концентрировался как вокруг роли экспертов и ученых, так и вокруг процесса восприятия рисков, в то время как важным в процессе определения риска является выявление *условий* возникновения риска, взаимодействия различных факторов и акторов приведших к ситуации обнаружения риска.

Указание на данное упущение открывает возможности для анализа процессов, социальных и политических, по конструированию рисков, а именно позволяет увязать процесс наделения феномена качествами риска с политическими практиками. С данными процессами как раз и связана проблема обнаружения или извлечения риска именно как деятельности, сочетающей в себе компонент *объекта* промышленного производства, химической субстанции или новой технологии и *отношения* по поводу данного компонента (Bograz 2008: 40). Речь в данном случае идет не только о деятельности по наделению качеством риска, но и о социальном контексте, в котором данный риск конструируется. В перспективе данного исследования деятельность по наделению объекта качеством риска можно поместить в контекст социальных и политических практик, как компонент общих социальных и политических практик по конструированию *Чернобыля*, а не выделять ее исключительно как процесс социального и политического конструирования риска.

Если же вернуться к проблеме извлечения риска, то здесь определяющими факторами являются фактор *опасности* и фактор *узнаваемости* (Bograz 2008: 43). Именно последний фактор и является определяющим в процессе извлечения риска, потому что он делает риск видимым: “из потери узнаваемости извлекается качество риска” (Bograz 2008: 44). Авария на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС послужила тем событием, которое не только извлекло наружу совокупность рисков, связанных с использованием атомной энергии в мирных целях, но положило начало процессу социального и политического конструирования риска. Принятие во внимание фактора узнаваемости в процессе извлечения риска не решает при этом вопроса видимости риска в условиях краткосрочного и долгосрочного влияния радиации на здоровье населения и окружающую среду. Радиация невидима, и ее присутствие и влияние физически практически не ощутимы, что уменьшает значительно роль чувственного опыта в определении опасности.

Перевод феномена риска только в количественные данные позволяет обнаружить перспективу применения и использования данных результатов в проектировании ситуации риска с точки зрения вероятности. Именно фактор *вероятности* становится основополагающим в процессе *объективации* риска посредством перевода исключительно в количественные данные: придать ситуации неуверенности и опасности определенные значения (value), значит определить степень вероятности ее последствий и сделать ее максимально предсказуемой.

В социологии постчернобыльских рисков присутствует данный фактор вероятности, но он в равной степени указывает на радиационные риски и на риски их научного обоснования, еще раз подчеркивая многосторонний и многофакторный характер процесса конструирования риска: “Стратегия по снижению последствий катастрофы на ЧАЭС зависит от корректности оценок степени риска, которая с точки зрения ее научного обоснования страдает значительной неопределенностью. Последнее наиболее очевидно обусловлено расхождением между прогнозами и реальностью количества случаев онкологической заболеваемости, в т.ч. рака щитовидной железы” (Чецевик 2001: 295).

Важным критическим и методологическим упущением в социологии риска и анализе последствий катастрофы на ЧАЭС является использование данных опросов целевых групп и опросов общественного мнения. В данном случае можно использовать непримиримые аргументы о сущности и целесообразности применения общественного мнения, как в качественной, так и в количественной социологии (Шампань 1997; Бурдые 1993), затрагивая вопросы как техник проведения опроса, так и техник навязывания мнений и политического использования их результатов. Также следует упомянуть о возникающем противоречии между общественным мнением и аттитюдом, которые зачастую интерпретируются как отражение доминирующего политического дискурса. Однако кроме данных уже озвученных недостатков социологии общественного мнения в использовании данных опроса в изучении последствий катастрофы на ЧАЭС в Беларуси следует учитывать несколько факторов, влияющих на процесс формирования общественного мнения: институты, проводящие опрос, используемый инструментарий, доступность и опубликованность данных и их политическое применение.

Что касается актуальных примеров социологии общественного мнения, то здесь стоит привести пример сравнения исследований отношений населения к ядерной энергии, проведенных в рамках проекта RINOVA¹¹ в Литве и в Беларуси Институтом социологии Академии наук.¹² Литва и Беларусь оказались на пороге с одной стороны несопоставимых, а с другой стороны сравнимых событий: в Литве закрытие Игналинской АЭС, а в Беларуси принятие решения о строительстве собственной АЭС. Если Игналинская АЭС уже остановлена¹³, то новая белорусская АЭС ещё не построена¹⁴, однако общественное мнение в обеих странах находится в сравнимом противоречивом состоянии. Что позволяет не только провести некоторое сравнение ожиданий населения, но также методологических способов формирования общественного мнения.

По результатам данных исследований в обоих случаях, и в Литве и в Беларуси наблюдается положительная динамика общественного мнения по отношению к использованию ядерной энергии, однако подходы к её изучению и возможные интерпретации представляются разными. В проекте RINOVA общественное мнение используется для выявления *восприятия* населением ядерной энергии с точки зрения символического значения и политического участия. Другими словами, необходимость строительства новой АЭС рассматривается в перспективе общественного мнения и демократических процессов, таких, как проведение референдума. В исследовании общественного мнения Институтом социологии НАНБ речь идет об изучении *отношения* населения к ядерной энергии уже в перспективе строительства собственной АЭС, как решения политического и необходимого для развития энергетической отрасли в Беларуси. В данном случае изучение общественного мнения является инструментом и служит в большей степени не для выработки решений по изменению политического курса, а для выработки способов влияния на

¹¹ “Risk perceptions, public communication and innovative governance in knowledge society” (RINOVA) (2007-2009). “Public Perceptions of Nuclear Power in Lithuania: Symbolic Meanings, Public Participation and a Quest for Democracy” Aistė Balžekienė, Leonardas Rinkevičius, 1st ISA Forum of Sociology, Barcelona, September 8, 2008. www.riskanduncertainty.net/TG04/Barselona_balzekiene_rinkevicius.ppt

¹² Научно-исследовательская работа “Изучение общественного мнения по проблеме ядерной энергетики и разработка рекомендаций по повышению степени доверия населения к строительству АЭС в Республике Беларусь”, Институт социологии, Минск, 2008.

¹³ Программа об остановке и дальнейшего вывода из эксплуатации Игналинской АЭС была принята Правительством Литвы в феврале 2001, в 2005 году был остановлен первый блок, а 31 декабря 2009 года второй блок. 12 октября 2008 года проводился референдум по продлению работы Игналинской АЭС, который не состоялся из-за невысокой явки.

¹⁴ Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 от 31 января 2008 г.

общественное мнение, а именно для разработки мер информационной политики для качественного и количественного изменения отношения населения к ядерной энергии.

Данные выводы и примеры указывают на то, что производство социологического знания о последствиях катастрофы на ЧАЭС представляет собой не только перспективу для проведения качественного исследования, но и предмет изучения социологии знания. Речь в данном случае идет не о преимуществах одного подхода перед другим, а о возможностях, которые представляет собой качественная социология к анализу постчернобыльских процессов, которые не выражаются исключительно в социологии риска и общественного мнения. В рамках данного исследования с применением конструктивистского анализа стратегий власти, социально-политических и дискурсивных практик публичных акторов, использование качественных методов сбора и анализа информации является более уместным, принимая во внимание работу с оригинальными источниками.

2.4. Источники

В данном исследовании используются следующие методы сбора и анализа информации: анализ печатных средств массовой информации – *Советская Белоруссия*, *Гомельская правда* и *Прыпяцкая праўда*¹⁵; анализ исторических материалов, архивных документов; анализ нормативно-правовых актов; дискурс-анализ публичных выступлений; анализ глубинных и экспертных интервью, анализ статистических и социологических данных. Также в исследовании используются элементы институционального анализа, контент- и ивент-анализа.

Эмпирической основой для проведения данного исследования является информация, полученная в ходе проведения интервью со свидетелями и акторами *Чернобыля* – учеными, белорусскими и зарубежными специалистами в области ядерной физики, биологами, медиками, общественными и политическими деятелями, лидерами и активистами политических партий.

¹⁵ Данные издания представляют три уровня, республиканский, областной и районный, за период с апреля 1986 года по 1991 год и представляют сравнительную перспективу анализа информации о Чернобыльской катастрофе, в том числе освещение событий на республиканском уровне и на пострадавших территориях, Гомельской области и Наровлянского района.

Необходимо выделить работу с оригинальными источниками. В контексте данного исследования была проведена определенная архивная работа¹⁶, которая выявила ряд важных проблем. Следует отметить, что в Беларуси не ведется историческая и архивная работа ни по Чернобыльской катастрофе, ни по чернобыльской политике, что во многом осложняет социологический и политологический анализ проблем, вызванных последствиями катастрофы на ЧАЭС. Также в ходе проведения исследования мы столкнулись с проблемой недоступности материалов по Государственным программам ликвидации (преодолению) последствий на период с 1990 по 1995 год и на период с 1996 по 2000 год. Материалы по данным программам отсутствуют в публичных библиотеках. И только благодаря работе в национальных архивах удалось выяснить, что в период с 1990 по 1995 год целостная программа не существовала, несмотря на ошибочное мнение о том, что такая программа реализовывалась (Демичев 2006). Удалось выяснить, что принятая в 1990 году программа, начиная с июня 1990 года дорабатывалась на каждый год с внесением изменений и дополнений вплоть до 1993 года, когда был принят проект “Неотложные меры на 1993-1995 годы и приоритетные направления до 2000 года Государственной программы по преодолению последствий в РБ катастрофы на ЧАЭС на 1990-1995 годы”. Таким образом, отсутствие целостного подхода и комплексной исторической работы с материалами по последствиям катастрофы на ЧАЭС во многом осложняли работу исследователям в смежных дисциплинах.

Что касается непосредственно самих архивных материалов, использованных в данном исследовании, то в основном это материалы Национального архива Республики Беларусь. Особый интерес для данного исследования представляют следующие фонды Национального архива: фонд ЦК КПБ (Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии Ф.4п); фонд Совета Министров (Ф.7); фонд Государственного комитета по преодолению последствий аварии на ЧАЭС (Госкомчернобыль, Ф.507); фонд Верховного Совета (Ф.968). В данном исследовании из фондов использовались следующие материалы: из фонда ЦК КПБ использовались протоколы пленума Гомельского обкома КПБ за 1986 год (опись №154), также письма и жалобы из сектора писем ЦК КПБ за период 1984-1992 гг. (опись №156); из фонда Совета Министров использовались

¹⁶ Работа в архивах в ноябре-декабре 2008 года состоялась во многом благодаря рекомендациям Александра Долговского в рамках международного исследовательского проекта “Политика и общество после Чернобыля”, <http://www.after-chernobyl.de/index.php/en>

постановления, документы о ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, а также жалобы и письма трудящихся из приемной Совета Министров БССР по жалобам и письмам трудящихся и документы об их рассмотрении (опись №10). Из фонда Госкомчернобыля использовались документы, касающиеся разработки государственных программ в период с 1991 по 1994 год (опись №1, 2, 4). Из фонда Верховного Совета БССР, а затем Республики Беларусь, использовались протоколы заседаний Верховного Совета 11 и 12 созыва (опись №1).

К оригинальным источникам, использованным в данной работе, относятся уникальные документы из личного архива Астрид Зам, касающиеся периода разработки и принятия научных концепций безопасного проживания на пострадавших от радиации территориях с 1990 по 1995 год. В частности, в данном исследовании использовались следующие документы: проекты Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы, разработанные группой ученых под руководством профессора Петряева в период с 1993 по 1995 год; Концепция основных защитных мер для населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях Беларуси, разработанная в 1993 году группой ученых под руководством профессора Нестеренко; замечания на Концепцию, разработанную рабочей группой профессора Петряева, от группы ученых Збаровского, Лепина, Малько, Нестеренко от 21 декабря 1995 года; рецензия профессора Нестеренко на Концепцию, разработанную рабочей группой профессора Петряева.

Использование данных материалов в сочетании с другими источниками, материалы газет и проведенных интервью, позволили сформировать оригинальную эмпирическую базу для проведения исследования.

III. ЧЕРНОБЫЛЬ КАК ОБЪЕКТ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА

3.1. Параметры *Чернобыля* как конструкта

3.1.1. Последствия

Некоторые исследователи говорят о том, что авария на Чернобыльской АЭС разделила реальность на до и после *Чернобыля* (Chernousenko 1991; Petryna 1995; Phillips 2004) и обозначила переломный момент, прерывистость между настоящим и прошлым, указывающий на необходимость пересмотреть не

только идею мирного атома, но и роль науки в социальных процессах, политическое устройство и роль гражданского общества. В данной аварии главными оказались не столько причины, сколько её последствия, хотя по результатам исследований причин и было рекомендовано закрыть ряд станций, действовавших на основе такого же реактора.¹⁷ Авария на ЧАЭС оказалась реальна по своим последствиям, которые на многие десятилетия определили изменения в окружающей среде, социальном и политическом пространстве. Процессы, начавшиеся после аварии на ЧАЭС, выраженные в социальных, экологических, политических, экономических и общественных трансформациях, поставили перед исследователями ряд проблем и задач. *Чернобыль* представляет собой комплексный объект исследования, требующий многостороннего знания об обществе и комбинации подходов и методов.

Последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС произвели определенное воздействие на социальную и политическую реальности, изменили окружающую среду, состояние здоровья людей, социальную структуру населения, действия государственных институтов. Схематично мы можем представить области жизнедеятельности человека, которые были затронуты последствиями катастрофы следующим образом:

¹⁷ После аварии на ЧАЭС была поставлена под сомнения безопасность функционирования всех АЭС, построенных на базе реактора РБМК, а именно так называемая европейская линия АЭС. Курская, Смоленская, Игналинская АЭС были включены в “список Легасова”, станции, рекомендованные для закрытия после аварии на ЧАЭС. (Медведев 1990).

Таблица № 1. “Эффекты Чернобыля”

Окружающая среда	Загрязнение радиоизотопами йода-131, йода-132, теллура-132, цезием-137, стронцием-90, плутонием-238, -239, -240 почвы, воздуха и вод. Загрязнением цезием-137 подверглась территория площадью 46,45 тыс. км ² (20% территории); стронцием-90 – 21,1 тыс. км ² (10% территории); плутонием-238, -239, -240 – 4,0 тыс. км ² (2% территории).
Здоровье, медицина	Увеличение онкологических заболеваний у населения ¹⁸ , с 1990 года резкое увеличение рака щитовидной железы у взрослых и детей; рост неонкологических заболеваний, в частности кровеносной и лимфатической систем, у пострадавшего населения; генетические изменения; развитие институтов радиологической медицины.
Социальная структура	Демографические изменения структуры общества: естественный прирост ¹⁹ на 2009 г. составляет минус 2,6 (в 1986 году он составлял 7,4, а в 1991 году – 1,1) ²⁰ ; общая смертность с 1990 по 2004 год возросла в Беларуси на 43%. Появление социальных групп чернобыльцы – ликвидаторы, переселенцы, инвалиды Чернобыля.
Наука	Приостановление проектов строительства АЭС на территории Беларуси вблизи Минска и Витебска; введение по рекомендации Научной комиссии с 1998 года моратория на строительство ядерных объектов; разработка научных концепций проживания на загрязненных радионуклидами территориях (1990, 1998), защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению (1995), реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС (2002).
Политика	Государственные программы по ликвидации, минимизации, преодолению последствий на периоды 1990-1995; 1996-2000; 2001-2005; 2006-2010; создание Государственного комитета по вопросам последствий катастрофы на ЧАЭС “Госкомчернобыль”; принятие чернобыльских законов на сессиях Верховного Совета БССР и РБ “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС” (1991) и “О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС” (1991); проблемы последствий катастрофы на ЧАЭС в программах политических партий; проведение Белорусским Народным Фронтом, начиная с 1989 года, акции “Чернобыльский шлях”.
Гражданское общество	Начиная с 1989 года появление и деятельность чернобыльских общественных организаций: фонды помощи, ассоциации, клубы.

Источник: на основе Яблоков, Нестеренко 2007.

¹⁸ С 1973 году в Беларуси утвержден регистр онкологических заболеваний “Республиканский автоматизированный канцер-регистр”. В период с 1986 по 1991 год происходит заметный рост онкологических заболеваний в Беларуси, в частности увеличиваются количества злокачественных новообразований: “Характерной чертой для большинства областей является выраженный рост показателей заболеваемости раком щитовидной железы в послеаварийный период. Вместе с тем заболеваемость этими опухолями возросла и в Витебской области, которая считается в наименьшей мере затронутой йодным ударом” (Министерство здравоохранения Республики Беларусь, 1993).

¹⁹ По данным национального статистического комитета Республики Беларусь. http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2010_1/pril/9.pdf

²⁰ “Анализ заболеваемости населения, пострадавшего от катастрофы на ЧАЭС”, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Минск, 1993

Влияние взрыва на ЧАЭС можно наблюдать в изменениях окружающей среды (состояние экологии); в действиях публичных акторов (действия по ликвидации последствий и разработка первых чернобыльских законов); в социальной системе (появление новых социальных групп – чернобыльцы, ликвидаторы, переселенцы) и в изменении здоровья населения (влияние малых доз радиации, увеличение случаев рака щитовидной железы). В этом смысле можно говорить об *эффектах Чернобыля*, которые не только проявляются в окружающей среде, но воздействуют на территории, население и на социальную и политическую системы. Взрыв и выброс радиоактивных элементов, а также последующие действия государства по устранению последствий катастрофы привели к возникновению последствий, в которых и выражается современный *Чернобыль* и обусловлена постчернобыльская реальность.

Говоря о трудностях, связанных с идентификацией и локализацией опасности (Anders 1986, ed. 2006; Beck 1987), которую представляет собой радиация, выброшенная вследствие Чернобыльской катастрофы, следует отметить, что эффекты *Чернобыля* помогают зафиксировать и детерминировать последствия катастрофы, которые выражаются в различных показателях и придают влиянию радиации реальное воплощение. Информацию об этих изменениях содержат разнообразные научные и статистические отчеты, государственных институтов и международных организаций, которые позволяют говорить о том, что *Чернобыль* продолжал воздействовать на общество последние 20 лет. Проанализировав данные документы, можно составить перечень показателей по группам, позволяющих установить то, как *Чернобыль* выражается в социальной реальности. В статических показателях это может быть выражено следующим образом: показатели социального развития, показатели экономического развития и показатели государственных расходов. Первая группа показателей отражает изменения в составе населения и состоянии территорий, вторая группа показателей свидетельствует об изменениях в деятельности людей, а третья выражает деятельность государства по отношению к населению и территориям.

Таблица № 2. “Показатели *Чернобыля*”

Социальные показатели (состояние населения и территорий)	Экономические показатели (деятельность населения)	Показатели государственных расходов (деятельность государства по отношению к населению и территориям)
1. Численность населения 2. Коэффициенты рождаемости и смертности 3. Естественный прирост населения 4. Младенческая смертность и детская заболеваемость 5. Миграционные потоки 6. Возрастной состав населения 7. Распределение радиоактивного загрязнения по регионам 8. Количество населенных пунктов в зонах с различной степенью загрязнения	1. Показатели промышленного и сельскохозяйственного производства на загрязненных и незагрязненных территориях 2. Численность экономически активного населения 3. Уровень безработицы и развития рынка труда 4. Состав расходов и структура доходов домашних хозяйств 5. Среднемесячная заработная плата 6. Среднемесячное пенсионное пособие 7. Число сельскохозяйственных предприятий и площадь сельскохозяйственных угодий 8. Индекс валового объема сельскохозяйственного производства	1. Доля расходов государственного бюджета на ликвидацию (минимизацию и преодоление) последствий Чернобыльской катастрофы 2. Капитальные вложения на пострадавших территориях 3. Структура капитальных загрat 4. Структура расходов по специальным государственным программам 5. Строительство медицинских учреждений 6. Ежемесячная фиксированная доплата отдельным категориям граждан 7. Жилищное строительство за счет Чернобыльского фонда 8. Доходы и расходы районных и городских бюджетов

Источник: на основе МАГАТЭ 2006; UNDP, UNICEF 2002; World Bank 2002; UN Chernobyl Forum 2005; Яблоков, Нестеренко 2007; Национальный доклад Республики Беларусь 2003, 2006.

Таким образом, последствия катастрофы на ЧАЭС фиксируются и выражаются в коэффициентах, процентных соотношениях и других статистических показателях: в квадратных километрах, гектарах и акрах, в кубических метрах, в кюри и зивертах. Постчернобыльская реальность предстает в том числе и как результат конструирования знания о последствиях катастрофы на ЧАЭС.

Можно сказать, что *Чернобыль* как конструкт состоит из следующих элементов: авария и причины; радиоактивное загрязнение (делокализация и релокализация, йод-131, цезий-137, стронций-90, трансурановые элементы, карты и территории); экологические последствия (загрязнения почвы – вертикальная и горизонтальная миграция радионуклидов, переход на растения, животных, загрязнение поверхностных и грунтовых вод, воздуха, леса и луга); облучение населения (облучение щитовидной железы йодным ударом, среднегодовая эффективная доза облучения, коллективная доза облучения и

индивидуальная доза облучения – мЗв в год на человека); медицинские последствия (рак щитовидной железы, заболевания ликвидаторов, разные виды лейкозов, рак молочной железы, болезни неонкологической природы, генетические последствия); социально-экономический ущерб; социально-психологические и демографические последствия.

Таким образом, *Чернобыль* можно охарактеризовать как совокупность практик, обусловленных последствиями катастрофы на ЧАЭС. В контексте данного исследования, *это политические и социальные практики, отражающие определенное действие, производство смыслов и значений и восприятие постчернобыльской реальности*. Социальные и политические практики, которые составляют *Чернобыль*, являются практиками, которые отражают объективно существующую реальность, определяют смысл действия в определенном институциональном контексте и ограничивают коллективный опыт или, говоря термином Бурдьё, образуют пространство опыта. Практики – это способы влияния на действительность (Хархордин, Волков 2008). Другими словами, практики, составляющие *Чернобыль*, представляют собой способы действий акторов, субъектов по отношению к *Чернобылю* как феномену, изменяющему реальность: действия, направленные на конструирование постчернобыльской реальности. В данном контексте речь идет о практиках конструирования *Чернобыля*, которые концентрируются вокруг чернобыльской территории и населения.

3.1.2. Население

Чернобыль привел к формированию определенных чернобыльских групп – чернобыльцев, которые включают ликвидаторов и их семьи, переселенцев, самоселов, пострадавших по медицинским показателям. По разным данным эти категории могут насчитывать от 3 до 4 миллионов человек.²¹ Чернобыльцы – это не только специфическая адресная группа политики государства, но и особая социальная субкультурная группа. Здесь можно согласиться с предположением Шевцова, который считает, что в данном случае имеют место все признаки культурной группы: “особая устойчивая самоидентификация принадлежащих к ней лиц, выделение их в определенную группу другими людьми, особая субкультура, тип поведения, даже особый юридический статус

²¹ Разные данные по количеству пострадавшего населения представлены в таблице “Число пострадавших от Чернобыльской катастрофы в Беларуси, Украине, и Европейской части России”.

(наличие различных чернобыльских льгот или памяти о таковых, если они отняты). Кроме того, очевидны зачатки организованного поведения участников группы – создано множество общественных “чернобыльских” организаций” (Шевцов, Хвеженко 2002).

Таблица № 3. “Число пострадавших от Чернобыльской катастрофы в Беларуси, Украине, и Европейской части России”.

Группы населения		Тысяч человек	
		Разные данные ²²	Cardis and al., 1996
Эвакуированные и переселенные ²³	Беларусь	135 000	135 000
	Украина	162 000	
	Россия	52 400	
Жившие на территории с загрязнением цезием-137 >555 кБк/м ² (15 Ки / км ²)			270 000
Проживавших на территории с загрязнением цезием-137 более 37 кБк / м ² (1 Ки / км ²)	Беларусь	2 000 000	6 800 000
	Украина	3 500 000	
	Россия	2 700 000	
Ликвидаторы	Беларусь	130 000	200 000 (1986–1987)
	Украина	360 000	
	Россия	250 000	
	Другие страны	Не менее 90 000 ²⁴	
Всего		9 379 400	7 405 000

Источник: Яблоков, Нестеренко (2007, стр.41).

²² Доклад Генерального секретаря ООН на 56-й сессии, 2001. Оптимизация международных усилий в деле изучения, смягчения и минимизации последствий чернобыльской катастрофы.

⁸

October

(<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/568/11/PDF/N0156811.pdf?OpenElement>)

²³ Эвакуированные из города Припяти и ж/д станции Янов (49 614 чел.), а затем через 6-11 дней — из 30-километровой зоны вокруг АЭС (41 792 чел. в Украине, 24 725 в Беларуси — всего 116 231 чел.), и, наконец, в 1986–1987 гг. — с территорий с плотностью загрязнения свыше 15 Ки / км²: в Украине — 70 483 человек, в России — 78 600, в Беларуси — 110 275. Общее число людей вынужденных покинуть свои дома из-за чернобыльского загрязнения составило около 350 400 человек.

²⁴ Казахстан (31 720; Каминский А. Период полного распада. Экспресс-К. № 75, 26 апреля. 2006, www.express-k.kz_search.ph), Армения (более 3000; Оганесян Н. М., Оганесян А. Н., Погосян А. С., Абрамян А. К. и др. 2006. Медицинские последствия аварии на Чернобыльской АЭС в Армении. К 20-летию аварии. In: Inter. Conf. “Twenty Years after Chernobyl Accident. Future Outlook. April 24–26, 2006, Kiev, Ukraine”, Abstracts Proc. pp. 142–144), Молдова, Грузия, Израиль, Германия, США, Великобритания и другие страны.

В связи с катастрофой на ЧАЭС население Беларуси, так же как и территория, претерпели изменения в виде новых классификаций. Классификации, примитивные или научные, отражают определенную систему отношений и изменения в данной системе (Durkheim, Mauss 1903), а так же порождают институты, которые в свою очередь формируют способы идентификации (Douglas 1986).

Нужно отметить, что категория “пострадавшее население” появляется не сразу после катастрофы: сначала речь идет о жертвах взрыва на ЧАЭС, а затем уже о “потерпевшем населении”. Классификация пострадавшего населения проводится и закрепляется в нормативно-правовых актах, а именно в Законе “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС”, принятом в трех пострадавших государствах, России, Беларуси и Украины. Классификация пострадавшего населения определяет статус, права и обязанности данных групп. В частности, в Законе Республики Беларусь “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС” от 22 февраля 1991 г. №634-ХІІ пострадавшее население состоит из двух групп: участники ликвидации последствий и потерпевшее население. Если группа участников ликвидации (ликвидаторы) определяется данным законом по критерию участия в работах по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в период 1986-1989 гг.. То группа “потерпевшее население”, согласно статье 14, определяется несколькими условиями: во-первых, это граждане, которые проживали (проживают) и работали (работают) на территории радиоактивного загрязнения, а во-вторых, это дети и подростки, у которых выявлены заболевания кроветворных органов (острые лейкозы), щитовидной железы (аденома, рак) и злокачественные опухоли, обусловленные радиоактивным заражением.

Категория “потерпевшее население” складывается из населения по территориальному критерию – проживающего (проживавшего) на загрязненных территориях, а также по критерию медицинских последствий для здоровья человека, вызванных радиоактивным заражением. Окончательное определение категории пострадавшего населения сформировалось только к 2001 году. Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 06.04.1999 года был принят перечень заболеваний, обусловленных радиационным воздействием и научно установлена взаимосвязь между радиоактивным

облучением и медицинскими последствиями: острые лейкозы, аденома, рак щитовидной железы и злокачественные опухоли. Данным перечнем были установлены заболевания, развитие которых связано с непосредственным радиационным воздействием (4 вида), и заболевания, возникновения которых может быть связано с радиационным воздействием (13 видов). Определение данной взаимосвязи входит в полномочия специальных межведомственных экспертных советов.²⁵ Таким образом, был окончательно утвержден критерий медицинских последствий для чернобыльского населения.

Принятый 6 января 2009 года “Закон о социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, других радиационных аварий” изменяет категорию “чернобыльское население”, смещая акцент в сторону населения, потерпевшего от катастрофы на ЧАЭС и других радиационных аварий. Таким образом, категория “потерпевшего населения” становится шире, охватывая различные случаи радиационных аварий: “К населению, потерпевшему от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, относятся: граждане, постоянно (преимущественно) проживающие на территории радиоактивного загрязнения; граждане, эвакуированные, отселенные, самостоятельно выехавшие с территории радиоактивного загрязнения из зоны эвакуации (отчуждения), зоны первоочередного отселения и зоны последующего отселения (включая детей, находившихся во внутриутробном состоянии), за исключением прибывших на данную территорию после 1 января 1990 года; граждане, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь, вызванную последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий (далее – граждане, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь), инвалиды, в отношении которых установлена причинная связь увечья или заболевания, приведших к инвалидности, с катастрофой на Чернобыльской АЭС, другими радиационными авариями (далее – инвалиды вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий); дети-инвалиды в возрасте до 18 лет, в отношении которых установлена причинная связь увечья или заболевания, приведших к инвалидности, с катастрофой на Чернобыльской АЭС, другими радиационными авариями (далее – дети-инвалиды вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий)” (ст.14).

²⁵ Приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 06.04.1999 N 105

Существуют и другие классификации *чернобыльского населения*. Так, в одной из них в качестве критерия предлагается степень воздействия, которое оказал *Чернобыль* на их социальную, повседневную жизнь, а также степень их зависимости от государственной поддержки (UNDP, UNICEF 2002). Первую категорию составляет “небольшая, но значимая часть населения, оказавшаяся не в силах самостоятельно выйти из порочного круга проблем и сталкивающаяся с неуклонным снижением качества жизни, нуждается в существенной материальной поддержке для восстановления нормальных жизненных условий. В эту группу, вероятно насчитывающую от ста до двухсот тысяч человек, входят люди, продолжающие проживать на сильно загрязненных территориях и не способные самостоятельно обеспечивать себя: безработные переселенцы, а также те, чье здоровье находится под непосредственной угрозой, в том числе лица, заболевшие раком щитовидной железы”.²⁶ Вторую категорию пострадавшего населения составляют “люди, ход жизни которых был серьезно нарушен Чернобылем, но которые уже в состоянии обеспечивать себя сами. Приблизительная численность этой группы – несколько сотен тысяч человек. В нее входят переселенцы, сумевшие трудоустроиться, а также значительное количество участников работ по ликвидации последствий аварии” (UNDP, UNICEF 2002, p.4). И третья группа, самая многочисленная, включает, согласно авторам данного подхода, “несколько миллионов человек в трех странах. Влияние аварии на жизнь этих людей заключается, главным образом, в приобретении ими “имиджа” фактических или потенциальных жертв Чернобыля; в ряде случаев эти люди сами стали воспринимать себя подобным образом” (UNDP, UNICEF 2002, p.4). В данной классификации критериями выступают как социальная включенность групп переселенцев, так и влияние Чернобыля на социальные практики не пострадавшего напрямую населения.

3.1.3. Территория

Понятие “чернобыльская территория” включает в себя географические пространства с различным уровнем радиационного загрязнения и представляют собой результат практик локализации *Чернобыля*, а именно попыток очертить

²⁶ На сильно загрязненных территориях с плотностью загрязнения 15-40 кюри на квадратный километр постоянно проживает от 150 до 200 тысяч человек. “The Human Consequences of the Chernobyl Nuclear Accident. A Strategy for Recovery” A Report Commissioned by UNDP and UNICEF with the support of UN-OCHA and WHO, 2002: 3

не только зону поражения радиацией, но и зафиксировать физическое присутствие последствий чернобыльской катастрофы.

К первым практикам локализации чернобыльской территории можно отнести появление 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС, включающей и все населенные пункты, попадающие в эту зону²⁷. Данная зона называлась сначала “циркульной”, потому, что представляла собой территорию, очерченную циркулем на карте с центром в эпицентре аварии и с радиусом в 30 километров, что соответствовало требованиям радиационной безопасности при аварийных ситуациях на АЭС. Установленные границы 30-километровой зоны являлись условными обозначениями, так как отражали лишь фактическое значение территории в километрах, перенесенное с карты, а не реальное значение пострадавшей территории. Таким образом, те населенные пункты, которые не попадали в данную 30-километровую зону, но находившиеся в непосредственной близости от эпицентра взрыва, 40-45 километров, не были переселены в первые дни после аварии. Данные попытки локализации *Чернобыля* отражают то, какой существовал разрыв между представлениями о последствиях и реальными, фактическими последствиями аварии. Попытки очертить территориально *Чернобыль* подтверждает еще раз мысль о том, что *Чернобыль* и его последствия трудно локализовать, так же как оградить влияние радиации, которая представляет собой источник невидимой опасности.

К практикам локализации следует отнести и публикации карт радиоактивного загрязнения на территории Беларуси. “Грибная” карта, опубликованная в газете “Гомельская правда” 23 мая 1989 года, иллюстрирует не только места, разрешенные для сбора грибов на территории Беларуси, но и предлагает деление территории по новому критерию, отражающему “пятнистость” распределения радиоактивных элементов. Согласно профессору Никитченко и председателю комитета “Дети Чернобыля” Белоокой²⁸, данная карта практически единственная отражала реальную ситуацию и масштабы радиоактивного загрязнения на территории Беларуси, затрагивающие не только Гомельскую и Могилевскую области, а также Брестскую, Минскую и часть Витебской области. Именно поэтому дальнейшие практики локализации *Чернобыля* были направлены на установление зон радиоактивного загрязнения,

²⁷ В Приложении № 1 представлены карты радиоактивного загрязнения территории БССР на 10 мая 1986 года.

²⁸ На основе интервью: Никитченко Минск 17.10.07, Белоокая Минск 10.11.07.

для того, чтобы снять все возможные противоречия по поводу обозначения территории *Чернобыля*.

Последующая локализация *Чернобыля* закреплена в нормативно-правовых актах, устанавливающих статус данных территорий, порядок перемещения и управления. Так, согласно Закону Республики Беларусь “О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС”²⁹ от 12 ноября 1991 года “чернобыльская территория” представлена территориями и зонами радиоактивного загрязнения: зона проживания с периодическим радиационным контролем (1-5 Ки/км²), зона с правом отселения (5-15 Ки/км²), зона последующего отселения (15-40 Ки/км²), зона первоочередного отселения (больше 40 Ки/км²), зона эвакуации или отчуждения (территории, прилегающие к ЧАЭС и 30-километровая зона).

Основными критериями данной классификации являются возможность проживания населения (величина среднегодовой эффективной дозы облучения населения); уровень радиоактивного загрязнения территории (плотность загрязнения почв радионуклидами); возможность получения чистой продукции. До 1999 года действовали измененные критерии классификации зон. Так, например, критерий получения продукции до изменений 1999 года определялся как “возможность получения экологически чистой продукции”. А с поправками от 12 мая 1999 года определяется как возможность получения продукции, содержание радионуклидов которой не превышает республиканских допустимых уровней. В данном случае речь не идет уже об “экологически чистой продукции”, получение которой просто невозможно на некоторых территориях. Новая формулировка также позволяет увеличить количество территорий допустимых для проживания. К тем же изменениям следует отнести изменения критерия загрязнения территории, который до 1999 года определялся как “уровень загрязнения территории и отдельных экологических систем”. То есть уровень загрязнения не привязывался только к загрязнению почв, а рассматривался в совокупности с различными параметрами (воздух, водные ресурсы, флора и фауна), составляющими систему.

В изменениях к данному Закону все больше просматриваются тенденции власти к минимизации Чернобыля в социальных практиках, а также к

²⁹ Изменения и дополнения: Закон Республики Беларусь от 12 мая 1999 г. №258-3 (Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1999 г., №19-20: 339.

приравниванию последствий катастрофы на ЧАЭС к другим социально-экономическим проблемам, регулируемым государственной политикой. Если с точки зрения власти *забота о человеке* была основным элементом черновыльської политики, то постепенно *забота о населении* становится центральным элементом данной политики. Так в тексте Закона с поправками от 12 мая 1999 года степень воздействия радиации на *человека* заменяется степенью воздействия радиации на *население*. Что свидетельствует, с одной стороны, что *Чернобыль* приобретает значение коллективных практик, а с другой стороны, с точки зрения конструирования, постчерновыльської реальности, *Чернобыль* начинает приобретать объективированное значение, как часть объективно существующей реальности. *Чернобыль* становится в один ряд с социальной защитой населения, с вопросами безопасности, благополучия, здравоохранения, как составная часть политических практик “заботы о населении”.

Данные изменения способствуют увеличению территорий, пригодных для человеческой жизнедеятельности и соответствуют стратегиям власти по освоению “черновыльської территории”, определение которой остается в области принятия политического решения, а значит, представляет собой способ и возможность воздействия на постчерновыльську реальность.

Согласно данным Таблицы №4 произошло изменение общего количества населенных пунктов на загрязненных территориях, а также изменение статуса территорий, то есть переход территории из одного типа “зоны” в другой. Данная динамика отражает не только количественные изменения населенных пунктов, но также качественное изменение условий для проживания на данных территориях, которые обусловлены двумя факторами – плотностью радиоактивного загрязнения почв цезием-137, стронцием-90, плутонием-238, -239, -240, а также годовой эффективной дозой облучения согласно “Каталогу годовых эффективных доз облучения жителей населенных пунктов для Республики Беларусь (для целей зонирования)”³⁰. При этом нужно принимать во внимание, что изменение годовой эффективной дозы облучения связано не только с плотностью радиоактивного загрязнения, но и с социальным

³⁰ Каталог утвержден Министерством здравоохранения, согласован с Комитетом по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, согласно “Методическими указаниями по отнесению населенных пунктов и объектов к зонам радиоактивного загрязнения” Министерства по чрезвычайным ситуациям 3 августа 1998 года.

поведением, в частности с соблюдением правил потребления. Изменение статуса территории, например, зоны проживания с периодическим радиационным контролем в “чистую” зону, влечет за собой и изменения статуса проживающего на ней населения, отмены различных льгот согласно Закону о социальной защите населения, пострадавшего от аварии на Чернобыльской АЭС.

Таблица № 4. “Динамика изменения статуса чернобыльской территории 2002-2009”

Постановление Совета Министров Республики Беларусь	Зона проживания с периодическим радиационным контролем	Зона с правом на отселение	Зона последующего отселения	Общее количество населенных пунктов
Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 августа 2002 г. №1076 “Об утверждении Перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения” Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. №714	1665 Брестская область – 110 Витебская область – 2 Гомельская область – 756 Гродненская область – 134 Минская область – 147 Могилевская область – 516	1022 Брестская область – 11 Гомельская область – 687 Гродненская область – 3 Минская область – 17 Могилевская область – 304	86 Брестская область – 37 Гомельская область – 36 Могилевская область – 13	2773
Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2004 г. №1623 “Об утверждении Перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения” (изменения и дополнения постановлениями Совета Министров от 27 марта 2006 г. №411, от 26 октября 2007 г. №1407, от 22 октября 2008 г. №1575)	1770 Брестская область – 108 Витебская область – 2 Гомельская область – 810 Гродненская область – 124 Минская область – 143 Могилевская область – 583	843 Брестская область – 39 Гомельская область – 590 Гродненская область – 2 Минская область – 5 Могилевская область – 207	28 Гомельская область – 21 Могилевская область – 7	2641

“Об утверждении перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь” Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. №132	1905	480	18	2403
	Брестская область – 114 Витебская – 1 Гомельская область – 950 Гродненская область – 106 Минская – 117 Могилевская область - 617	Брестская область – 5 Гомельская область –352 Минская – 1 Могилевская область -122	Гомельская область –13 Могилевская область –5	

Источник: Степанов 2010.

Такая “зонавая политика” лежит в основе стратегии управления загрязненными территориями, для каждой зоны существует юридический статус, предписывающий как образ деятельности местных властей, так и права и обязанности проживающего населения. Доля “чернобыльской территории” в Беларуси от общей территории составляет 23%, в то время как в России 0,5%, а в Украине 7%.

Говоря о последствиях *Чернобыля*, о чернобыльском населении и территории, мы говорим о различных влияниях последствий катастрофы на ЧАЭС на окружающую среду и социальную реальность, которые могут быть выражены и обнаружены как в *дискурсе*, так и в *действии* акторов. В первом случае речь идет о *смыслах и значениях*, объясняющих и конструирующих постчернобыльскую действительность, а во втором случае речь идет о совокупности политических практик, из которых состоит чернобыльская политика.

Политика Чернобыля – это, прежде всего, результат столкновения различных, местами кардинально противоположных “картин мира”, а именно совокупности норм и ценностей, правил и практик, определяющих и формирующих *Чернобыль* как когнитивную и впоследствии интерпретативную схему. Другими словами, можно сказать, что *политика Чернобыля* представляет собой пространство борьбы и столкновения различного знания и идей о *Чернобыле*, которые репрезентируют различные публичные акторы.

Таким образом, *Чернобыль* представляет собой предмет конструктивистского анализа, направленного на выявление общей системы смыслов и значений, которая определяет действия и поведения акторов.

Пересечение смыслов и представлений различных акторов о том, что есть *Чернобыль*, позволяет им действовать в пространстве политики и формировать общее пространство. Анализ *Чернобыля* в данном подходе возможен в двух измерениях – практическом и дискурсивном. С одной стороны, анализ дискурсивных практик позволяет нам определить *Чернобыль* как совокупность идей и знаний о том, как воздействуют последствия аварии на ЧАЭС на окружающую действительность. С другой стороны, анализ политических практик позволяет нам определить *Чернобыль* как совокупность действий акторов, формирующих чернобыльскую политику.

3.2. Чернобыль как дискурс

На протяжении более 20 лет с момента аварии на Чернобыльской АЭС восприятие данного события и его последствий существенно менялось. Можно сказать, что исследование *Чернобыля* сопряжено, прежде всего, с исследованием представлений о *Чернобыле*: разные акторы вкладывают разный смысл в это понятие, основываясь на пережитом опыте и восприятии, то есть формируют собственное представление. С катастрофой на ЧАЭС связаны различные процессы, хотя сама авария – это исторический факт. Другими словами *Чернобыля* как аварии уже нет, есть только изменения, которые произошли в результате аварии – природные, экологические, социальные, политические. В данном контексте речь идет о трансформации смыслового содержания самого понятия *Чернобыль*.

Чернобыль является ядром определенной лингвистической, смысловой структуры. Начнем с того, что само название “Чернобыль” употребляется без уточнения смыслового содержания и является своего рода собирательным понятием, под которое подпадает все, что имело отношение к событию – аварии на ЧАЭС 26 апреля 1986 года. В той же смысловой структуре вокруг центрального понятия “Чернобыль” появляется целый ряд ассоциативных и новых понятий: *переселение* (переселенцы), *самоселы*³¹, *ликвидаторы*, *запрещенная зона*, *гробовые*³²: “Чернобыль принес в нашу жизнь новые слова, среди которых “ликвидаторы”, “дети Чернобыля”, “чернобыльский воротник”, “чернобыльский СПИД”, “чернобыльский след”, “чернобыльское загрязнение”

³¹ Самоселы – люди, проживающие в населенных пунктах, подлежащих обязательному отселению.

³² Гробовые – социальная выплата, выделенная жителям пострадавших территорий до принятия решения о дальнейшем отселении.

(Яблоков, Нестеренко 2007: 20). Каждое из этих слов номинирует какое-либо явление или процесс. Они отражают изменения социальной реальности, происшедшее после аварии, появление новых проблем.

Најег (1996) при анализе айвароментального дискурса делает акцент на том, что данный дискурс представляет собой фрагментированный и противоречивый дискурс. Однако дискурсивные элементы, которые противоречат друг другу, отражают на самом деле различные аспекты социальной реальности. В дискурсе *Чернобыля*, который тоже отличается противоречивостью и фрагментарностью, зачастую присутствует противоречие между дискурсивными элементами и между различными видениями постчернобыльской реальности. Сравнение *Чернобыля* в различных дискурсах позволяет увидеть не только их противоречивость, но и то, как конструируется доминантное представление проблемы и как оно проводится в политике.

Важным этапом в формировании *Чернобыля* как дискурса является начальный поставарийный период, где *Чернобыль* начинает формироваться в плоскости отношений между обществом и государством и отражает как первые противоречия, так и первые разделения в обществе. Schmid проводит разделения между образами активной публики и воображаемой публики, которые формировались в советской прессе: к первой относились те, кто не верил сообщениям в прессе и пытался выразить свою активную позицию, а ко второй относились те, к которым обращалась советская пресса с недостоверной информацией о последствиях катастрофы (Schmid 2004: 356).

Анализ первых сообщений об аварии на ЧАЭС, опубликованных в прессе, показывает, что с самого начала ситуация вокруг аварии на ЧАЭС складывалась как противоречивая: последствия аварии на ЧАЭС выступают объектом дезинформации со стороны советской власти (Ярошинская 2006). *Чернобыль* как событие является вызовом для политической власти, потому что представляет собой важное символическое значение, связанное с доверием населения. Это экзистенциальное событие, связанное с неизвестностью, со смертью, со страхом и вызывает чувство тревоги, опасности и незащищенности у большей части населения, что, в свою очередь, увеличивает зависимость населения от действий государства и государственных учреждений.

Первые сообщения в прессе, а также первые пресс-конференции, которые проводились по поводу катастрофы на ЧАЭС, показывают, как *Чернобыль*

представляется в контексте советской идеологии: как совокупность последствий, не наносящих вред и не представляющих угрозы для окружающей среды и населения, но угрожающих советской системе информационной пропаганды. На пресс-конференции для советских и иностранных журналистов 6 мая 1986 года в Москве Ковалев, первый заместитель министра иностранных дел СССР, характеризует ситуацию, сложившуюся вокруг аварии на ЧАЭС, следующим образом: “С другой стороны, домыслы, небывлицы, которые появляются вокруг чернобыльской аварии и которые “загрязняют информационное пространство”, имеют совсем очевидную и при том вражескую Советскому Союзу, нашему народу политическую подоплеку. (...) Наш подход нацелен на то, чтобы информация была ответственная, объективная, точная, взвешенная, а если говорить одним словом – совестливая” (Гомельская правда 07.05.1986: 3).

На пресс-конференции для советских и иностранных журналистов от 15 мая 1986 года в Москве, в которой, в частности, принимал участие профессор Университета Калифорнии Роберт Гейл, доктор Арманд Хамер и член-корреспондент АН СССР Воробьев А.И., чернобыльская катастрофа представлялась, в первую очередь, как событие, показывающее опасность использования ядерной энергии, но не представляющее опасность в настоящем по своим последствиям.

Роберт Гейл: “Предварительные оценки радиационных доз и терапевтических стратегий были, насколько это казалось возможным, исключительно правильными. (...) Самый важный урок аварии в Чернобыле заключается в том, что она показала, что наука и медицина не имеют национальных границ и нашу ограниченную возможность реагировать на ядерные катастрофы” (Гомельская правда 17.05.1986: 3)

Воробьев А.И.: “Авария показала нам настойчивую необходимость сотрудничества, и не только в научных сферах” (Гомельская правда 17.05.1986: 3)

Вице-президент Академии наук СССР академик Велихов на конференции 26 мая 1986 года с группой иностранных журналистов характеризует катастрофу на ЧАЭС как незначительный инцидент в глобальном масштабе, используемый как ресурс в идеологической борьбе Запада: “И тем не менее где-то на Западе еще очень эмоционально подходят к оценке того, что случилось,

стараются получить от аварии свои интересы. Всем нам не нужно забывать, что без атомной энергетики нам не обойтись. А это значит, что необходимо сконцентрировать коллективные усилия для обеспечения ее безопасности, развития международного сотрудничества. (...) Я еще острее осознал необходимость усиления борьбы за ликвидацию ядерного оружия. Чернобыль предупреждает нас: мы пережили только маленький инцидент по сравнению с термоядерной катастрофой” (Гомельская правда 28.05.1986: 3).

С другой стороны, жалобы и заявления, которые поступали в приемную Совета Министров БССР, показывают неоднозначные реакции советских граждан: как готовность помочь, так и беспокойство, тревогу и требования. Что может служить доказательством, с одной стороны, того, что поставарийная ситуация с самого начала, с самого первого публичного выступления является объектом дезинформации и искажения реальной ситуации. А с другой стороны, показывает, что на фоне мобилизации, вызванной работами по ликвидации аварии, наблюдались элементы и социальной мобилизации.

Согласно справке о письмах трудящихся, поступивших в Совет Министров БССР в связи с аварией на Чернобыльской АЭС от 08.12.1986³³, с момента аварии в приемную Совета Министров поступило 520 письменных и устных обращений граждан, среди которых в основном обращения о готовности оказать помощь, принять переселенцев из загрязненных территорий, предложить добровольное участие в ликвидации. Однако в ряде обращений (около 14%) “вместе с признательностью и благодарностью за предпринимаемые Партией и Правительством меры по оказанию помощи пострадавшим выражалась забота по сохранению здоровья людей, в особенности, детей”.³⁴

Обращения, выражавшие тревогу и обеспокоенность в связи со сложившейся ситуацией после катастрофы на ЧАЭС, поступали в основном в Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии (ЦК КПБ) на имя Слюнькова, первого секретаря ЦК КПБ.³⁵ В качестве примера можно привести выдержки из некоторых писем и обращений, свидетельствующих о том, что практически с первых дней после аварии жители населенных пунктов,

³³ Национальный архив, фонд №7 (Совет Министров РБ 1986-1991 гг.), опись 10, дело №614, листы 150-154.

³⁴ *Ibid.*, лист 157.

³⁵ Национальный архив, фонд № 4п (партийный), опись №156, дело 238.

находившихся в зоне действия последствий, выражали обеспокоенность своим положением и действиями органов власти.

Письмо от эвакуированных женщин Наровлянского района, находящихся в городе Гродно на турбазе “Неман” от 29 июля 1986 года: “Ведь этот год объявлен годом мира, а для нас этот год стал “годом слез”. Рухнули наши мечты и планы. Мы со всей уверенностью заявляем, что ни мы, ни наши дети обратно в Наровлю и Наровлянский район не вернемся, пока там не будет нормальный радиоактивный фон. Мы требуем, чтобы наши люди из Наровлянского района были эвакуированы не только по документам, а наяву. Разрушаются молодые семьи. Неужели в нашей стране не найдется уголок для горстки людей, чтобы жить нормальной жизнью? Если наши власти не в состоянии решить эти вопросы, может нам обратиться в МАГАТЭ?”³⁶

Письмо от жителей Брагинского, Хойницкого и Наровлянского районов от 11 июня 1986 года: “5, 6, 7 июня радиация в Брагине, Хойниках, Наровле, в зонах где живут люди, была свыше 3-3.5 милиренген, в отдельных местах, где живут люди она на эти дни достигала 30-35. Люди живут в этой зоне, их заставляют работать на земле, полоть свеклу, хотят строить, несмотря на страшную пыль, которая содержит повышенную радиацию. Люди живут в зоне где жить нельзя и никто их не собирается выселять. Местные власти умышленно занижают радиацию, чтобы не выселять людей и не делать себе дополнительные трудности, хотя военные сказали выселить к радиус 80 км. Партийные и советские органы отказываются это сделать. Правительство Украины выселило своих людей, а белорусское правительство не думает о людях. Забота о человеке у нас проявляется только с трибуны партийного съезда. Мы, Жители Брагинского, Хойницкого, Наровлянских районов обречены на вымирание, обращаемся в ЦК КПСС, которому ещё верим. СПАСИТЕ НАС!!! НЕ ДЕРЖИТЕ НАС В ЗОНЕ ЭКСПЕРИМЕНТА, РАДИ ДИСЕРТАЦИЙ, КОТОРЫЕ НАЧНУТ СЫПАТЬСЯ КАК С НЕБА”.³⁷

В формировании *Чернобыля* как дискурса на начальном поставарийном этапе важно также отметить, что *Чернобыль* формируется не только в плоскости тревоги и обеспокоенности за здоровье, но и за окружающую среду. Последствия катастрофы на ЧАЭС изменили не только природное окружение и

³⁶ Национальный архив, фонд №4п (партийный), опись №156, дело 238, лист 93-94. Тут и далее материалы (письма и обращения граждан) подаются в авторской орфографии.

³⁷ *Ibid.*, лист 97.

среду обитания человека, но и само отношение между человеком и окружающей средой: “Авария на ЧАЭС, это страшная катастрофа из-за преступной безответственности отдельных лиц и ведомств, вывела проблемы ядерной угрозы из плоскости предположений в реальную повседневность многих регионов Белоруссии. Авария разрушила гармонию в отношениях природы и человека на значительной части территории республики”.³⁸

Представление об окружающей среде конструируется через *Чернобыль*, а именно через дискурс загрязнения окружающей среды и через практики локализации *Чернобыля*, такие, как составление и публикация карт с территориями с различным уровнем загрязнения. Например, после публикации первых карт в 1988 и 1989 году в редакции газет, а также в приемную Совета Министров БССР стали поступать письма и жалобы, выражавшие озабоченность состоянием окружающей среды не только на пострадавших территориях, но и на территориях вблизи крупных промышленных объектов, как, например, химический завод в Новополоцке на севере Беларуси.³⁹ Также во время обсуждения Государственной программы по ликвидации последствий в БССР на 1990-1995 гг. *Чернобыль* появляется и в контексте общего экологического равновесия: “Рассматривая последствия аварии, мы не можем уйти от всего того, что делается в нарушении экологического равновесия отдельными отраслями народного хозяйства республики. Мы полагаем, что правительству необходимо создать такой экономический механизм, который делал бы невыгодным расточительство природных ресурсов, загрязнения окружающей среды”.⁴⁰

Чернобыль как дискурс можно охарактеризовать как дискурс противоречивый, который формируется с самого начала как противоречие и столкновение политического представления о последствиях катастрофы (выступления на первых пресс-конференциях) и социального (письма и жалобы от пострадавшего населения). Эти противоречия заложили основу для появления разделений, которые затем обрели форму политических и

³⁸ Архив Верховного Совета №968, опись 1 дело 2145 “Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25-27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 года”, выступление Смоляра, лист 36.

³⁹ Национальный архив РБ, фонд 4п, опись №156.

⁴⁰ Архив Верховного Совета №968, опись 1 дело 2145 “Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25-27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 года”, лист 44.

оформились в дискурс-коалиции. *Чернобыль* как дискурс отражает и айвароментальную специфику, а именно изменения отношения между природой и человеком, то, каким образом через дискурсивные практики *Чернобыля* формируется тревога об экологической обстановке. Формирование *Чернобыля* как дискурса на начальном этапе отразило основные тенденции и области политических практик: символическая борьба за *Чернобыль* будет вестись исключительно в политическом поле с использованием риторики о влиянии радиации на здоровье человека и на окружающую среду с меньшим акцентом на ответственности власти, ее деятельности и бездеятельности.

3.3. Чернобыль в поле политики Беларуси

Чернобыльская политика, а именно комплекс государственных мер по ликвидации, а затем преодолению и минимизации, последствий катастрофы на ЧАЭС, начала формироваться с первых дней аварии. После распада СССР *чернобыльская политика* в пострадавших государствах Беларуси, Украины и России продолжала реализовываться на уровне государственной политики. Важным периодом в реализации *чернобыльской политики* является период конца 1980-х начала 1990-х годов, так как обозначен не только политическими изменениями, но и изменениями в подходе к чернобыльским проблемам, появлением альтернативного дискурса в чернобыльской политике. Так, принятие Верховным Советом 12 созыва в 1990 году постановления “О мерах по ускорению реализации Государственной программы”, в котором происходит изменение названия государственной политики с “ликвидации” на “преодоление” последствий, позволяет говорить о формировании различных дискурс-коалиций в политике Беларуси: дискурс-коалиция “ликвидации” и дискурс-коалиция “преодоления”.

3.3.1. Государственные институты

Государственные органы, реализующие политику в области ликвидации последствий на ЧАЭС, являются одновременно носителями определенных принципов организации публичной власти в Беларуси, где основным является принцип вертикали власти: президент Республики Беларусь; парламент — Национальное собрание Республики Беларусь (Верховный Совет, Президиум Верховного Совета, постоянные и временные комиссии Верховного Совета до вступления в силу Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на Республиканском референдуме 24 ноября 1996

года); правительство — Совет Министров, министерства, государственные комитеты и иные республиканские органы государственного управления, в деятельности которых данные проблемы приоритетны; местные органы управления и самоуправления; общие суды и хозяйственные суды — при решении хозяйственных споров, возникающих в рамках преодоления последствий Чернобыльской катастрофы; прокуратура и ее органы на местах; Комитет государственного контроля (Демичев 2000). Координирующим органом в реализации чернобыльской политики выступает комитет Комчернобыль, основанный в 1988 году и на данный момент являющийся департаментом по ликвидации последствий на ЧАЭС при Министерстве чрезвычайных ситуаций, осуществляющий своей деятельностью реализацию государственных проектов.

Законодательной основой осуществления чернобыльской политики служат законодательные акты, принятые в начале 1990-х годов: Закон Республики Беларусь от 22 февраля 1991 г. №634-XII “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС”; Закон Республики Беларусь от 12 ноября 1991 г. №1227-XII “О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС”; Закон Республики Беларусь от 5 января 1998 г. №122-3 “О радиационной безопасности населения”.

Деятельность президента в современной системе принятия политических решений в сфере чернобыльской политики направлена, прежде всего, на выполнение контрольных функций. Об этом свидетельствует характер, принятых им нормативно-правовых актов, которые в основном касаются вопросов финансирования и целесообразности использования средств.⁴¹ Следует отметить, что введение института президентства⁴² сыграло

⁴¹ Декрет Президента Республики Беларусь от 12 июля 2002 г. № 16 “Об упорядочении использования средств, направляемых на ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС”, Декрет Президента Республики Беларусь от 4 июня 1997 г. №13 “Об упорядочении выплаты денежных компенсаций за имущество, находящееся на территории радиоактивного загрязнения”, Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 1995 г. №349 “Об упорядочении некоторых льгот для отдельных категорий граждан”.

⁴² Согласно Конституции 1994 г., с изменениями и дополнениями, принятыми на Республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., Президент Республики Беларусь является главой государства и обладает большими властными полномочиями в области внешней и внутренней политики и обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти и, таким образом, располагает огромными возможностями для реализации государственной политики в области

определяющую роль как для политической системы в целом, так и для черновыльсской политики в частности, где президент остается главным институтом инициативы, реализации и контроля политики. Что касается черновыльсской политики, то можно сказать, что с 1994 года, а именно с принятия первой Программы неотложных мер по выходу из кризиса, президент осуществляет регулирование политики в области преодоления последствий на ЧАЭС через усиление роли государства в экономике в целом. Затем разработка и применение программно-целевого метода, где основным механизмом реализации являются целевые программы, позволили ведение черновыльсской политики через принятие и реализацию государственных программ, рассчитанных на пятилетний срок. Данный документ разрабатывается и утверждается Кабинетом Министров после принятия в Национальном собрании.

Одной из первых мер, принятой президентом в области регулирования черновыльсской политики, является Указ №121 “О реализации на территории Республики Беларусь системы раннего предупреждения, обеспечивающей радиационный мониторинг в районах, прилегающих к действовавшим атомным электростанциям” от 24 марта 1995 года. Следующим шагом было внедрение механизма рабочих поездок на загрязненные территории Гомельской и Могилевской областей, первый из таких визитов состоялся в апреле 1995 года.

Таким образом, за период существования в Беларуси института президентства, а также деятельности Администрации президента сложилась “определенная система контроля за реализацией черновыльсского законодательства и национальных программ минимизации последствий черновыльсской катастрофы: периодические (не менее двух раз в год) рабочие поездки Президента в загрязненные радионуклидами регионы страны и рассмотрение на месте проблем социальной защиты пострадавшего населения; разработка конкретных мероприятий по реализации поручений Президента с указанием сроков исполнения, ответственных за исполнение должностных лиц, формы контроля и прочее” (Демичев 2001). Сложившаяся система контроля есть не что иное, как реализация функций президента в области управления,

минимизации последствий Чернобыльсской катастрофы. Кроме того, Президент как глава государства имеет реальные возможности для реализации комплекса проблем черновыльсской катастрофы через Правительство — Совет Министров, которое в соответствии со ст. 106 Конституции Республики Беларусь подотчетно в своей деятельности Президенту и ответственно перед парламентом (Демичев 2001).

которые сводятся в большей степени к контролю органов исполнительной власти. Данный механизм контроля, кроме того, что он является эффективным с точки зрения реализации конкретных мер в чернобыльской политике, носит и символический характер, потому что направлен на проявление заботы о чернобыльском населении и территории.

Изменения в чернобыльской политике стали возможны после закрепления формы правления, институционального и политического порядка в Беларуси, а именно с установлением президентской республики с 1994 года. Чернобыльская политика становится одним из приоритетов формирующейся политической системы, где действия государственных институтов направлены на то, чтобы свести влияние *Чернобыля* на социальную и политическую реальность к минимуму. Если говорить о взаимосвязи между политическими изменениями и чернобыльской политикой, то следует упомянуть следующие изменения: признано возможным возвращение людей на зараженные радиационные земли; проведено уменьшение защитных мероприятий на землях с уровнем радиоактивности 1-5 кюри на квадратный километр, жители этих районов лишены денежных компенсаций; уменьшены бюджетные ассигнования на ликвидацию чернобыльских последствий при ухудшении здоровья населения; уменьшены реальные размеры денежных компенсаций жителям районов с радиоактивностью свыше 5 кюри на квадратный километр (Плюснин 2006: 132).

3.3.2. Общественные организации и объединения

Появление общественных организаций как акторов чернобыльской политики было связано, прежде всего, с процессом демократических преобразований начала 1990-х, который начался практически во всех бывших советских республиках. Данный период для Беларуси был обозначен рядом значительных политических трансформаций: образование политических партий, общественных объединений, появление независимой прессы. Именно в этих условиях общественные организации и движения начали претендовать на участие в политическом процессе. В 1994 году в Беларуси согласно Реестру Министерства юстиции РБ насчитывалось около 630 зарегистрированных общественных организаций, чья деятельность касалась различных аспектов социальной и гражданской жизни. Общественные организации принимали самые разнообразные формы: фонды, ассоциации, общины, клубы, союзы,

благотворительные организации, центры, федерации, общества, комитеты, товарищества, объединения и движения. Также как и их деятельность касалась разнообразных аспектов социальной жизни и категорий населения – правозащитных, экологических,⁴³ чернобыльских, детских, организаций инвалидов, организаций ветеранов, молодежных. Также в этот период в Беларуси начинали действовать и иностранные организации.

Определенное влияние на формирование общественных организаций в Беларуси оказали практики социального и политического активизма в советский период, особенно это касается практик айвароментального активизма. Dawson (1996) для характеристики процессов социальной мобилизации периода перестройки и начального постсоветского периода используют теории социальных движений, мобилизации ресурсов и теории идентичности и вводит понятия *паттерны мобилизации* и *эконационализм* (eco-nationalism). В качестве паттерн мобилизации Dawson выделяет нехватку ресурсов, неравноценное распределение мобилизационных ресурсов, формы групповой идентичности, основанные на коммунистическом опыте. Предлагая данные паттерны для объяснения мобилизационных процессов периода перестройки, в частности подъема айвароментального и антиядерного активизма, Dawson настаивает на том, что данные паттерны характерны и для постсоветского периода: “тройное наследие, нехватка ресурсов, неравное распределение мобилизационных ресурсов и формирование групповых идентичностей на основе коммунистического опыта, играют также значительную роль в формировании паттернов мобилизации и в постсоветский период” (Dawson 1996: 25).

Эконационализм является феноменом гибридным, а именно сочетающим в себе два фактора социальной и политической мобилизации, – экологическую идею и идею национализма. Согласно Dawson, это феномен конвергенции “айвароментальных и национальных целей”, который объясняет, почему антиядерная идея стала, например, центральным элементом для национальных движений в Литве, Армении и в Украине, но не смогла стать в России. Другими словами, эконационализм помогает объяснить, каким образом экологические

⁴³ По справочнику “Экологические организации на территории бывшего СССР”, к 1992 году в Беларуси насчитывалось около 26 экологических организаций различного типа: от политических партий до групп и музыкальных клубов. http://www.nasledie.ru/oborg/2_8/index.shtml

практики мобилизации стали составной частью политических практик мобилизации в период формирования национальных движений в некоторых постсоветских странах.

В советский период в Беларуси не были настолько распространены общественные организации, как в некоторых других советских республиках, в частности это касается экологических движений. Так речь идет, например, о новой роли айвароментальных групп, которые, начиная с 1988 года, претендовали на место в определении энергетической политики: “в прошлом айвароментальные дискуссии являлись приоритетной задачей научной и интеллектуальной элиты, сейчас же обычные люди могли присоединиться к движению по защите окружающей среды. Коллективное действие, в которое они были вовлечены, было абсолютно невиданным для советской системы, ровным счетом как его вмешательство в процесс принятия политического решения” (Babcock 1997: 10-11). Развитие айвароментального активизма связано, прежде всего, с политическими трансформациями позднего советского режима. (Dawson 1996; Babcock 1997; Rinkevicius 2001).

В частности Dawson (1996) отмечает, что развитие антиядерного движения в советских республиках, а именно в Армении, Литве, Украине и России, стало возможным благодаря двум факторам – началу реформ Горбачева и катастрофе на ЧАЭС (Dawson 1996: 2). Rinkevicius (2001), анализируя ценностные ориентации зеленого движения в Литве, говорит о том, что в 1988-1989 годах на ранних стадиях своего развития дискурс айвароментального движения в Литве был направлен в большей степени на критику тоталитарного режима в СССР (Rinkevicius 2001: 73).

Формы “экологического протеста”, “общественные движения” или “публичные группы интересов” зависели от степени политических трансформаций. Так, например, в эпоху Брежнева экологический протест развивался “в форме социальных движений, состоявших из лидеров, имеющих возможности устанавливать коммуникацию друг с другом через академическую и медийную среду” (Babcock, 1997: 11). А в период *перестройки* речь идет о феномене “айвароментального активизма”, где на передний план выходят публичные группы интересов. Например, Babcock (1997) показывает, что “советские айвароментальные группы” играли значительную роль в начале демократизации в России, однако так и не смогли закрепиться в политическом

процессе новой политической системы. Rinkevicius (2001) наоборот иллюстрирует то, каким образом зеленое движение в Литве с 1988 по 2000 год прошло несколько этапов своего формирования, от радикального до консенсусно-ориентированного движения.

Денисюк (2003) отмечает, что в СССР в конце 1988 года наблюдался определенный кризис организованных форм движения, обозначенный поиском и переходом к новым формам организации, с учетом роли и значения структуры организации. Именно в этот период происходит завершение развития общественного движения с появлением самостоятельных организаций партийного типа и народных фронтов. Денисюк выделяет в качестве фактора формирования общественного сектора преемственность форм гражданского сопротивления, которые выражались в разные периоды в различных способах проявления и выражения политической воли и социального интереса. Таким образом, автор говорит о том, что “можно определить единую нить культурно-исторической и общественно-политической преемственности от “врагов народа” сталинского периода (за исключением невинно оклеветанных граждан) к “шестидесятникам”, от них – к диссидентам 70-х и начала 1980-х годов, далее – к “неформалам” второй половины 1980-х и начала 1990-х, и, наконец, – к демократам 1990-х годов” (Денисюк, 2003: 57). Практики общественных организаций в Беларуси связаны в большей степени с деятельностью “самостоятельных организаций”, а именно молодежных и интеллектуальных групп. К таким “самостоятельным организациям”, ориентированным в основном на молодую аудиторию, можно отнести следующие объединения и клубы, которые к 1994 году насчитывали по разным подсчетам 3,5 тысяч человек: “Талака”, “Тутейшыя”, “Паходня”, “Современник”, “Узгор’е”, “Моладзік” (Бабосов, Матусевич 1989: 10-11).

Среди многообразия общественных организаций начала 1990-х годов особое место занимают черныбыльские и экологические организации, которые появляются изначально как равноправные акторы формирующегося гражданского общества. При этом нужно отметить, что экологические организации имели некоторую традицию, основанную на опыте “айвароментального активизма” в период перестройки, в то время как черныбыльские организации представляли собой совершенно новый опыт и решали совершенно новые проблемы. Важным в процессе формирования

данного общественного сектора являются непосредственно сами взаимоотношения, которые выстраиваются между экологическими и чернобыльскими организациями. Взаимоотношения, которые приводят к развитию чернобыльских организаций и к ослаблению экологических организаций в начале 1990-х годов, учитывая что именно в этот период экологическая идея могла бы стать политической платформой в Беларуси.

После катастрофы на ЧАЭС, а именно после того, как в большинстве западных стран появилась первая более или менее объективная информация, произошел подъем антиядерного движения. В странах бывшего СССР в начале 1990-х антиядерная тематика стала скорее составной частью антикоммунистического дискурса: “обман”, “преступления” и “ответственность” замещали тему опасности атомной энергетики. Несмотря на некоторые успешные гражданские инициативы, такие, как, например, сбор подписей против строительства АЭС в Витебской области в Беларуси в 1988 году, данная тематика стала скорее приоритетной задачей ученых, нежели деятельности общественных движений в Беларуси (Навумчык 2006: 25-26). Это было связано и с тем, что имевшие место в советский период антиядерные протестные практики так и не смогли образоваться в социальное движение: “Антиядерное движение не смогло создать предпосылки для формирования в СССР единого движения, ни в борьбе против атомной энергетики, ни в борьбе за охрану окружающей среды” (Dawson 1993: 4).⁴⁴ Антиядерные настроения в СССР, которые бесспорно имели место, были “оформлены” в другие организации, которые были привязаны к коммунистической идеологии, как, например, движение “Борьбы за мир”. Raviot отмечает, что в СССР “экологическая идея” существовала, но в других формах, не как в странах Запада в формах движений или политических партий, а в виде товариществ огородников, дружин охраны природы, общества защиты живой природы и краеведческих организаций (Raviot 2001).

Нужно отметить, что авария на ЧАЭС послужила только тем фактором, который позволил появление некоторых форм антиядерного движения в постсоветских странах, но не привел к его институциональному оформлению в

⁴⁴ Взаимосвязь экологической идеи и национальной идеи появляется также в некоторых публикациях Ю.Шевцова, А. Хвеженко *Чернобыльский социум. Первая постиндустриальная нация планеты? Часть третья: Чернобыльская идеология*. Сборник статей. Издательство “Белый свет” и Альманах Геополитика, Минск, 2002.

социальное движение и изменению ядерных политик данных государств. В частности, Dawson отмечает, что после 1991 года в Украине, России и Армении начался откат от принятых ранее политических решений в области использовании ядерной энергии, это касается, прежде всего, моратория на строительство атомных станций в Украине и России (Dawson 1996: 175) Так и не успев оформиться, антиядерное движение уступило свое место в формирующемся публичном пространстве экологическим движениям и чернобыльским организациям.

Если говорить о деятельности чернобыльских общественных организаций и объединениях на современном этапе, то в белорусском законодательстве их деятельность разделена на два вида – техническую и гуманитарную помощь. В этой области мы можем выделить, основываясь на законодательной базе и практической деятельности, несколько видов организаций: международные организации, международные неправительственные организации, иностранные неправительственные организации, местные неправительственные организации, работающие с иностранными партнерами, занимающиеся технической и гуманитарной помощью, научным и межкультурным сотрудничеством; общественные и благотворительные организации, занимающиеся исключительно деятельностью, связанной с оказанием гуманитарной помощи и с организацией выезда детей на оздоровление за границу.

На начало 2000-х годов в Беларуси насчитывалось около 100 неправительственных,⁴⁵ общественных и благотворительных организаций и объединений, которые занимаются решением чернобыльских проблем. Количество данных организаций настолько превышает количество организаций в других секторах гражданского общества, особенно прав человека, демократии и гражданского образования, что их роль, место и степень влияния на политическую систему становятся определяющими в отношениях общества и государства. В данном случае нельзя не отметить тот факт, что все организации, осуществляющие свою деятельность в Беларуси, будь то гуманитарная помощь, или техническая поддержка, проходят строгую и обязательную процедуру регистрации и их денежные средства и потоки

⁴⁵ Речь идет об общественных организациях, зарегистрированных в Едином регистре Министерства юстиции на 2005 год. Однако, следует отметить, что количество реально действующих значительно меньше. Согласно Т.Белоокой, председателя организации “Дети Чернобыля”, на начало 2007 года их можно было насчитать около 20. (интервью от 10.11.07, Минск).

находятся впоследствии под контролем государственных органов – Департамента по гуманитарной помощи, Управления делами президента и отдела Государственной службы безопасности.

Деятельность общественных объединений и организаций регулируется Конституцией, Гражданским кодексом и законодательными актами Республики Беларусь, в том числе Законом Республики Беларусь “Об общественных объединениях” от 4 октября 1994 г. № 3254-ХІІ. Значительную роль в области регулирования деятельности общественных организаций, а именно в области использования иностранной безвозмездной помощи, играют декреты и указы Президента Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 22.10.2003 г. №460 “О международной технической помощи, предоставляемой Республике Беларусь”; Декрет Президента Республики Беларусь от 28.11.2003 г. №24 “О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи”; Указ Президента Республики Беларусь от 28.11.2003 г. №537 “Об утверждении Положения о порядке осуществления контроля за целевым использованием иностранной безвозмездной помощи”.

3.3.3. Научные институты и сообщества

Институты или центры, разрабатывающие научное разрешение постчернобыльских проблем, являются своеобразными центрами производства научного знания для принятия политических решений в области чернобыльской политики. Данными институтами являются Республиканский научный центр радиационной медицины и экологии человека, Институт радиобиологии, Институт леса, белорусский научно-исследовательский Институт сельскохозяйственной радиологии.

Роль научных институтов и сообществ в чернобыльской политике выражается в первую очередь в разработке и принятии научных концепций: концепция “35 бэр”⁴⁶; концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС⁴⁷; концепция содержания зон отчуждения⁴⁸; концепция защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь,

⁴⁶ Данная концепция была предложена в 1989 году вице-президентом АН СССР Ильиным Л.А. в период разработки и подготовки первой государственной комплексной программы на 1990-1995 годы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Концепция устанавливает предельно допустимую пожизненную дозу равную 35 бэр.

⁴⁷ Одобрена на заседании Бюро Президиума АН БССР 19 декабря 1990 года.

⁴⁸ Утверждена Председателем Госкомчернобыля Республики Беларусь И.А.Кеником 6.07.94 г.

подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии⁴⁹; концепция проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов⁵⁰; концепция реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС.⁵¹

Разработка и принятие данных концепций имело исключительно важное значение для принятия политических решений, потому что именно на основании данных научно обоснованных концепций последствий чернобыльской катастрофы были разработаны базовые нормативные документы, регулирующие статус загрязненных территорий и права и обязанности проживающего там населения: “Процедура подготовки таких концепций в общих чертах состояла в том, что группы специалистов при академиях наук либо при соответствующих комиссиях верховных советов России, Беларуси и Украины готовили документы, которые обсуждались на сессиях верховных советов как основа законов о правовом режиме территорий, загрязненных радионуклидами в результате аварии на ЧАЭС” (Барьяхтар 1995).

Другими словами, можно сказать, что научное обоснование представляло собой некоторые рамки действий политических акторов, определенную систему восприятия (значений и показателей) чернобыльских проблем, которой должны руководствоваться политические акторы для принятия решений, а значит для осуществления политического действия. Данный принцип организации когнитивной, смысловой матрицы чернобыльских проблем будет затем перенят для разработки государственных программ Республики Беларусь по преодолению последствий катастроф, где одной из главных задач является разработка научных обоснования для принятия политических решений для разрешения чернобыльских проблем.

Данные концепции были приняты на различных этапах формирования политической системы Беларуси и отражают степень и уровень научного подхода к решению чернобыльских проблем и его политическое применение. Кроме этого данные концепции содержат различный научный дискурс,

⁴⁹ Одобрена постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 1995 года. №650. Одобрена Национальной комиссией Беларуси по радиационной защите, протокол №16 от 20 апреля 1995 года.

⁵⁰ Одобрена Президиумом Национальной академии наук Беларуси 19.11.1998 г.

⁵¹ Утверждена Председателем Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь Цалко В.Г., 2002 год.

различные восприятия чернобыльских проблем и путей их решения. В дискуссиях, посвященных научным концепциям, отражаются противоречия и противостояние различных дискурс-коалиций, выражающих различную логику видения чернобыльской политики – “ликвидации” и “преодоления”.

Прежде всего, необходимо обозначить периоды принятия концепций и развития научных дискуссий. Первый период с 1988 по 1991 год связан с принятием концепции Академии наук СССР “35 бэр” и концепции АН БССР о проживании на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС и характеризуется противостоянием между учеными АН СССР, в частности академиком Ильиным Л.А, и учеными АН БССР, разработавшими “белорусскую” концепцию. В данный период важным является дискурс “35 бэр” как дискурс, формирующий коалицию “ликвидации” и вырабатывающий определенные дискурсивные элементы, которые затем будут воспроизведены группой Петряева, разработчиками “Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии”. Принятие данной концепции в 1995 году сопровождается обширными научными дискуссиями и дебатами с 1993 года – начала разработки данной концепции. Следующим этапом можно обозначить период с 1995 до 2002 год. Данный период характеризуется научными дискуссиями до 1998 года. В этом году была принята “Концепция проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов”, после которой вплоть до принятия “Концепции реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС” 2002 года научных дискуссий больше не проводилось, и окончательно оформились две научные дискурс-коалиции чернобыльской политики.

Дискурс-коалицию “ликвидации” составляют дискурс “35 бэр” АН СССР; дискурс ученых группы Петряева, разработавших “Концепцию защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии” (1995 год) и остальные концепции вплоть до 2002 года.

Дискурс-коалицию “преодоления” составляют ученые, которые занимались разработкой “Концепции проживания на загрязненных радионуклидами

территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС” 1990 года, а также дискурс ученых, которые оказывали сопротивление принятию последующих концепций 1995, 1998 и 2002 года. Можно предположить, что основное противостояние приходится на период с 1988 по 1995 год, потому что именно в этот период формируется научный дискурс двух различных коалиций.

3.4.Обобщения

В данной главе представлены параметры, через которые происходит процесс конструирования *Чернобыля*. Данными категориями являются последствия, территория и население. Чернобыльские последствия, выраженные через понятие эффектов *Чернобыля*, отражают совокупность тех изменений, которые произвели последствия катастрофы в социальной и политической реальности. Чернобыльское население и территория также выступают объектом конструирования: изменение статуса потерпевшего населения и пострадавших территорий. Представление дискурса *Чернобыля* в начальный посткатастрофный период выявило противоречивость как основную характеристику дискурса и отразило разделение между политическими и социальными представлениями о последствиях Чернобыльской катастрофы.

Представление *Чернобыля* в поле политики Беларуси позволило выявить и дать характеристику основных акторов, дискурс которых является предметом дальнейшего исследования. Однако к акторам *Чернобыля* также следует отнести международные организации: МАГАТЭ и другие международные организации, входящие в систему ООН (речь идет о деятельности UNDP и программы CORE), также благотворительные организации, занимающиеся оказанием помощи и оздоровлением детей за границей. Отметим, что дискурс данных организаций не является предметом анализа данного исследования, потому что лежит в плоскости международных отношений и представляет собой объект отдельного изучения.

IV. ОФИЦИАЛЬНАЯ ДИСКУРС-КОАЛИЦИЯ “ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ”

4.1. Чернобыль в дискурсе власти

4.1.1. Чернобыль в советском дискурсе

Некоторые исследователи характеризуют катастрофу на ЧАЭС, с одной стороны, как самую масштабную и мощную катастрофу за всю историю

использования атомной энергии в мирных целях, а с другой стороны, как катастрофу, положившую конец СССР (Schmid 2004: 353). Вместе с тем, *Чернобыль* является риторическим инструментом (rhetorical device), который используют различные акторы (политики, ученые, эксперты, экологические и политические движения) как для легитимации и утверждения власти экспертов, так и для оспаривания будущих ядерных проектов. *Чернобыль* как риторический инструмент “был также призван создавать солидарность и национальное единство и, таким образом, привести к нормализации” (Schmid 2004: 355). Поэтому важным является выявление того, как и каким образом *Чернобыль* употребляется и используется в дискурсе власти как риторический инструмент, а именно в дискурсе советской власти и в дискурсе Лукашенко. Другими словами, как фреймируется чернобыльская реальность в дискурсе власти. Можно предположить, что *Чернобыль* в дискурсе-коалиции “ликвидации” используется как для конструирования постчернобыльской реальности без риска радиационного заражения, так и для легитимации мер вмешательства в социальные практики пострадавшего, и не только, населения. Используя характеристику дискурса *Чернобыля* Schmid, приведенную выше, можно сказать, что Чернобыль в дискурсе власти – это дискурс “нормализации”.

Чернобыль может быть рассмотрен как дискурс советской власти, используемый, в первую очередь, для того, чтобы, с одной стороны, показать заботу о населении, а с другой стороны, скрыть все возможные последствия аварии на ЧАЭС, угрожающие не только человеческой жизни, но и политическому и социальному порядку. Таким образом, официальный советский дискурс *Чернобыля* – это дискурс, конструирующий социальную и политическую реальность как реальность неизменившуюся и контролируемую. Дискурс “нормализации” свойственен всем акторам, разделяющим коалицию “ликвидации”, которые пытаются разными способами аргументации, с одной стороны, свести фактор опасности к минимальному, а с другой стороны, воссоздать ситуацию до аварии на ЧАЭС.

Чернобыль в дискурсе власти появляется в соотношении двух основных дискурсов – аварийном дискурсе (дискурс об аварии и последствиях) и дискурсе о радиации. Дискурс радиации состоит из следующих дискурсивных элементов: дискурс о гигиене и здоровье, дискурс радиофобии.

4.1.1.1 Аварийный дискурс

Что касается чернобыльского дискурса как дискурса об аварии, то, в первую очередь, необходимо отметить, что он появляется как часть государственной, советской идеологии, а значит передает смыслы и значения, соответствующие политической системе того времени. Поэтому сокрытие информации – как часть чернобыльского дискурса поставарийного периода – есть не что иное, как составная часть стратегии советской власти в ответ на угрозу и опасность. Ввиду этого для данного дискурса характерно использование военных метафор (Tatu 1986; Commeau-Rufin 1986) и терминологии, указывающих на масштаб и значимость произошедшего. В данном контексте *Чернобыль* появляется и как событие, возбудившее чувство солидарности и чувство врожденной моральной ответственности, воспитанное советской идеологией и которое превратилось в побуждение к действию.

Так, например, для того, чтобы сместить акценты в представлении последствий катастрофы, в советской прессе призывают к патриотическим чувствам советских людей: *Чернобыль* формируется как место для подвига, а не как место трагедии и огромной опасности. Анализ сообщений в прессе, которые появляются после катастрофы на ЧАЭС, в период с мая 1986 года по 1988 год, позволяет говорить о том, что манипуляции власти приводят к тому, что чернобыльская катастрофа формируется как позитивное испытание советского общества, требующего героических поступков. Schmid (2004) проводит анализ публикаций в журнале “Огонек” за период с 1986 по 1995 год и отмечает, что приблизительно до 1988 года ликвидация последствий аварии на ЧАЭС представлялась как героические действия советских военных, медиков, пожарных, что формировало образ *Чернобыля* как места для подвига. В качестве примера можно привести следующий отрывок из выступления доярки Гордеенко на пленуме Гомельского райкома партии: “Вот уже три месяца мы работаем в сложных условиях, возникших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Трудности заключаются в том, что молодые доярки уехали со своими детьми. Нагрузка на нас, оставшихся в колхозе животноводов, возросла. Приходится теперь работать без выходных. Но сложившаяся обстановка объединила людей. Все мы понимаем, что успешное решение задач, которые стоят перед нашим коллективом, зависит от добросовестного, эффективного труда каждого на своем рабочем месте.

Коммунисты, все колхозники полны решимости успешно выполнить планы и обязательства по производству и продаже государству сельскохозяйственной продукции».⁵²

В некоторых исследованиях сообщений в советской прессе, посвященных катастрофе на ЧАЭС, отмечается, что чернобыльский дискурс был направлен на конструирование представлений в обществе о самой катастрофе, ее последствиях и основных участниках. Так, например, Commeau-Rufin (1986), анализируя сообщения, которые появились в советской прессе в первый год после катастрофы, говорит, о том, что основные темы данных посланий выстраивались вокруг четырех главных направлений: рассказ о взрыве и о борьбе с последствиями; трагедия как вызов для советского народа и советской системы; рассказ о технических причинах взрыва, но не о санитарных и медицинских последствиях; влияние катастрофы на внутреннюю и внешнюю политику СССР (Commeau-Rufin 1986: 711).

Что касается рассказа об аварии, то необходимо отметить, что образ катастрофы рисуется как апокалиптический, обозначающий конец света и неуправляемую стихию, а также то, что ликвидация аварии вызвала огромную общую мобилизацию, сравнимую с проведением военных действий. Аргументируя последний довод, Commeau-Rufin говорит о том, что в различных сообщениях, описывающих действия по ликвидации аварии, часто используются военные метафоры: атака, враг, сражение и фронт (Commeau-Rufin 1986: 716).

Следует отметить, что чернобыльская катастрофа в сообщениях прессы становится не испытанием для советских ядерных технологий, а испытанием для советского человека, который может и должен преодолеть и побороть аварию и ее последствия (Commeau-Rufin 1986: 717-721). Таким образом, в аварийном дискурсе *Чернобыля* появляется и формируется образ основных участников аварии и ликвидации последствий – пожарников, медиков, военных, которые затем будут называться одним словом “ликвидаторы”.⁵³

⁵² Из выступления Гордеенко Н.А., доярки колхоза имени Гагарина Брагинского района, партгруппорга, кандидата в члены обкома КПБ, на пленуме Гомельского райкома партии: Национальный архив, фонд 4п, опись №154, дело №317, лист 45.

⁵³ О ликвидаторах говорит и Schmid, анализируя сообщения, которые были опубликованы в журнале “Огонек”, указывая на то, что в большинстве случаев ликвидаторы даже не знали о том, что они делают и с какой опасностью они сталкиваются.

В анализе сообщений средств массовой информации, формировавших *аварийный* дискурс, также важно отметить формирование представления о государстве: через заботу о населении, не только гражданском, но и о ликвидаторах и через укрепление роли государственных институтов, способных, невзирая на обстоятельства, сохранить порядок. Политическая власть продолжает репрезентироваться как вездесущая и всемогущая. Однако даже первая критика государственных действий (в том числе и относительно сокрытия информации) не сразу влияет на изменение данного представления, а отражает укрепление образа заботящегося государства в представлениях государства. *Чернобыль* должен был трансформироваться и войти в повседневный дискурс как дискурс, означающий спокойствие, контроль последствий, успокоение, отсутствие страха. Но несмотря на это, критика *Чернобыля*, изначально направленная на критику использования ядерной энергии, постепенно трансформируется в критику государства (Schmid 2004).

Важным риторическим элементом в аварийном дискурсе выступает также употребление в различных смысловых значениях *безопасности*, в частности в сочетании “опасность-безопасность-опасение”. К примеру, по утверждению Книжникова В.А., члена Национальной комиссии по радиационной защите при Министерстве охраны здоровья СССР, “в Гомеле и районах, что прилегают, обстановка *не опасная* для всех жителей, включая беременных и детей” (Гомельская правда 30.05.1986: 3). Однако, продолжая размышлять о возможных дозовых нагрузках, он говорит о том, что “теоретически есть *опасения* появления отдаленных последствий” (Гомельская правда 30.05.1986: 3).

Используя практически повсеместно *безопасность* как аргумент или фактор, объясняющий сложившуюся радиационную ситуацию, акторы стараются скрыть некоторую информацию, что в итоге выливается в противоречия в дискурсе: “Первая опасность – это опасность переоценки, преувеличения того значения, которое имеет увеличение радиационного фона в Гомеле и районах. Это возрастание незначительное. В связи с этим могут быть неправильные действия, но, к счастью, нам удалось их избежать. Второе – не нужно к изменениям радиационного фона относиться легкомысленно, считать, что везде он нормальный” (Гомельская правда 30.05.1986:3).

Дискурс об ответственности также является составной частью аварийного дискурса советской власти, в частности данный дискурс отражает, с одной стороны, попытки нормализовать поставарийную ситуацию, найти ответственных за случившуюся аварию, взять ситуацию под контроль. А с другой стороны, дискурс об ответственности отражает тревогу советской власти, в частности, когда речь идет о личной ответственности за проводимые мероприятия по ликвидации последствий: “Уместно еще раз предупредить названных руководителей, что все они несут персональную ответственность за безусловное и качественное выполнение в указанные сроки доведенных заданий. А отраслевым отделам обкома, горкома и райкома партии необходимо установить строгий контроль за их осуществлением”.⁵⁴

Однако следует добавить, что аварийный дискурс “ликвидации” формируется в условиях повышенного внимания и интереса граждан страны, особенно пострадавших республик. Например, нельзя однозначно сказать, что население в БССР было полностью дезинформировано по поводу реального масштаба последствий. В данном случае вопрос даже следует ставить не об отсутствии информации о чернобыльской катастрофе, а о наличии различных противоречивых источников информации. В качестве примера можно привести выступление главного редактора “Гомельской правды” Лазько В.А.: “Людей очень волнует отсутствие постоянной информации, особенно от санитарной службы, нередко мы получали не информацию, а дезинформацию. Областная санстанция, например, в своем сообщении, опубликованном в “Гомельской правде”, переданном по телевидению и радио, заявила авторитетно, что малина чистая и ее можно есть. Спустя месяц, когда малину добросовестно съели, главный санитарный врач республики т. Бурдюк в интервью корреспонденту БелГа предостерегает: малину есть ни в коем случае нельзя. Это заявление вызвало у населения волну возмущения. “Гомельской правде” пришлось давать дополнительно разъяснения”.⁵⁵

Данное выступление свидетельствует также о том, что в период ликвидации последствий намечался и местами существовал раскол или противоречие между различными уровнями исполнительной власти, прессой, медиками, и учеными.

⁵⁴ Выступление Камяя на пленуме Гомельского райкома 26 июля 1986 года: Национальный архив, фонд 4п, опись №154, дело №317, лист 26.

⁵⁵ Из выступления редактора газеты “Гомельская правда”, члена обкома КПБ, Лазько В.А. на заседании Гомельского обкома партии, стр.74: Национальный архив, фонд 4п, опись №154, дело 317, лист 74.

Данный раскол приобретет более отчетливое очертание уже к 1988 году и будет служить катализатором для начала формирования дискурса “преодоления” последствий чернобыльской политики.

Также следует напомнить, что в период с мая 1986 по 1988 год граждане обращались с многочисленными просьбами объяснить последствия чернобыльской катастрофы в органы исполнительной власти. Анализ архивных материалов, а именно докладных записок “О письмах трудящихся, поступивших в Совет Министров БССР” в период с июня 1986 года до 1988 года (3 квартал) позволяет показать, как и каким образом *Чернобыль* воспринимался и появлялся в социальных практиках, а также отразить некоторую динамику социального конструирования постчернобыльской реальности. За 1986 год в приемную Совета Министров БССР поступило 626 писем и устных обращений по различным вопросам в связи с аварией на ЧАЭС.⁵⁶ Характер и содержание данных обращений менялись, также как и восприятие аварии на ЧАЭС. Так, например, в первых обращениях граждан на июнь 1986 года упоминание об аварии на ЧАЭС появляется, как готовность оказать помощь, в частности принять эвакуированную семью, детей, перечислить сумму в фонд помощи, провести добровольно время за счет отпуска в работах по ликвидации.⁵⁷

Уже к сентябрю 1986 года начинает меняться характер и содержание обращений и жалоб граждан. Согласно справке о письмах трудящихся, поступивших в Совет Министров БССР в связи с аварией на Чернобыльской АЭС от 23.09.86, наряду с готовностью помочь упоминается *обеспокоенность и тревога* о состоянии здоровья, безопасности проживания и эксплуатации электростанций. В частности в своем коллективном письме, адресованном в газету “Правда”, жители Хойников предлагают не возвращать детей после отдыха в прежние места жительства, а выделять жилье в других местностях (стр.79). Жители отселенных районов, также жители Гомеля, Мозыря и Калинкович пишут письма о недостаточной информированности, после чего редакция газеты “Советская Белоруссия” устраивает круглый стол по вопросам

⁵⁶ Дело № 1099 стр.3. Г.Гринкевич, зав.приемной Совмина БССР по жалобам и письмам трудящихся, “Об итогах рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, поступивших в СМ БССР в 1986 году”, 15.01.87.

⁵⁷ Ф.7 (Совет Министров РБ 1986-1991 гг.), 10 опись, Дело №614, Г. Гринкевич. Докладная записка от 02. 07.86 “О письмах трудящихся, поступивших в Сов.мин БССР в июне 1986”, стр.46.

радиации и ее влиянии на здоровье человека (стр.80). Жители Минска, например, в своих письмах выражали озабоченность строительством вблизи Минска АТЭЦ (Атомная электростанция), основанную на эксплуатации ядерной энергии. Впоследствии данный проект не был завершен, а на его основе была возведена ТЭЦ (теплоэлектростанция) (стр.80). В других письмах выражалась обеспокоенность состоянием безопасности других электростанций, действующих в республике, а также химических предприятий, в частности в Новополоцке (стр.80-81). В качестве примера можно привести письмо жителей Наровлянского района: “Вопрос у нас к вам такой, который волнует все население нашего совхоза. Прожили мы в 10-17 км зоне от Чернобыльской АЭС десять дней. Только потом нас эвакуировали. Но и здесь, в Головчицах, зона неблагоприятная по радиации. Живем мы в своем районе, где по всем данным весь район должен быть эвакуирован. Районное начальство обращается с нами плохо. Сам первый секретарь райкома партии Хоботов Н.Е. с нашим населением обращается грубо, обзывает нас дураками. Ездим в запретную зону заготавливать корма. С Гомеля комиссия проводила с нами беседу, кто где желает жить, но те бумаги наверное спрятали под сукно. Решили строить жилье там, где лучше первому секретарю райкома нашего района. Если кто-то скажет хоть одно слово в не угоду первому секретарю, так он грозит отправить нас работать на Чернобыльскую атомную станцию. К чему нам такие угрозы? А когда мы жили до эвакуации на своих местах, то в такой момент никто с района ни разу не был с нами хотя и 30 минут. Только районные газеты писали совсем обратное. Неоднократно мы просили как районное начальство так и областное выселить нас в другие районы, и в другие области более благополучные по радиации, поселить нас всем совхозом, чтобы мы смогли все вместе жить, работать; жить и воспитывать детей. Но этого никто не сделал. Затыкают нам рот кулаками. (...) Пусть нам разрешают выезд в другие области нашей республики. Когда мы задаем такой вопрос начальству, то они угрожают нам по-всякому и говорят, не хочишь здесь жить, то ты дезертир, подавай заявление, отработай два месяца и уходи на все четыре стороны. Разве это справедливо? (...) Разве нельзя дать нам бумагу и пустить людей в другие области нашей республики, чтобы смогли жить со своими детьми, внуками, правнуками”.⁵⁸

⁵⁸ Коллективное письмо от жителей семи деревень совхоза “Припять” Наровлянского района от

Данные письма и обращения населения свидетельствует о том, что происходили некоторые социальные процессы по конструированию постчернобыльской реальности и по восприятию происходящих изменений и их объяснению, а также мобилизационные процессы, которые легли в основу социальной и политической мобилизации 1989-1990 годов. Поэтому аварийный дискурс формируется и под воздействием данной социальной мобилизации и старается скрыть уже обнаружившиеся противоречия.

Также следует отметить, что, согласно данным материалам, количество писем и жалоб населения, касающихся аварии на ЧАЭС и ее последствий, начиная с 1987 года, начинает уменьшаться. В *Справке о рассмотрении предложений, заявлений и жалоб граждан, поступивших в СМ БССР в I квартале 1987 года, 06.04.87(стр.26-30)* упоминается лишь то, что продолжали поступать письма от граждан, эвакуированных в связи с аварией на ЧАЭС и проживающих в зонах жесткого контроля и что этим обращениям придавалось особое значение. В докладных записках *Об итогах рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, поступивших в СМ БССР* за период с первого полугодия 1987 года по 3 квартал 1988 года письма и жалобы населения, имеющие отношения к аварии на ЧАЭС, не упоминаются. Что может свидетельствовать о том, что появились другие области и сферы для выражения *тревоги и обеспокоенности*, связанной с аварией на ЧАЭС, а также институты социальной мобилизации, такие, как общественные организации и политические партии. Также следует отметить, что уменьшение писем и жалоб может быть связано с падением доверия к институтам власти, поэтому письма и жалобы перестали поступать в партийные органы.

4.1.1.2 Дискурс здравоохранения: гигиена и питание

Дискурс о здоровье и гигиене направлен, прежде всего, на объяснения происходящих изменений в социальной жизни пострадавшего населения. Данный дискурс не только объясняет, но и легитимирует введение института запрета, ограничения и процедур контроля за продуктами питания.

Phillips (2002) анализирует дискурс о “потреблении пищи” в постчернобыльский период в Украинской ССР и выявляет непосредственно то, как меняются отношения между властью и обществом. Данный дискурс, согласно Phillips, вводит разницу между “чистыми” и “грязными” продуктами,

а также веществами, защищающими от радиации, и отражает безуспешные попытки власти оградить от риска заражения население, которое продолжает потреблять обычные продукты и не стремится менять существующий образ жизни.

Потребление “чистых”/“грязных” продуктов питания, а также введение категории защитных веществ, таких как витаминов А, С, Е, бетакаротина, пектина, йода и фолиевой кислоты, способствующих выводу радиации из организма, отражают не только способ влияния на постчернобыльскую реальность путем изменения обычного образа жизни, но также устанавливают прямую зависимость образа жизни от научных исследований и от науки в целом, которая обозначает и усиливает таким образом свое присутствие в каждодневной жизни.

Создание новых классификаций или категорий продуктов потребления, которые условно можно обозначить как “вредные”, “обычные” и “полезные”, представляет собой попытку упорядочивания социальной жизни, контроля над возможными изменениями и сведения риска радиоактивной опасности к минимальному. Также данные введения можно интерпретировать, как попытки ограничить влияние радиации, придать ей форму реальной угрозы. В данном контексте ярким примером является дискурс чиновников и медработников санитарно-эпидемиологической станции, районного отдела здравоохранения и гигиены в первые месяцы после аварии на ЧАЭС, который иллюстрирует, во-первых, политический дискурс “нормализации обстановки”, а во-вторых, многочисленные запреты и ограничение в обыденном образе жизни от потребления до времяпрепровождения.

В первую очередь, дискурс нормализации ситуации отражен в дискурсе, описывающем радиационную обстановку: “Уровень радиации в Гомеле, как и в других районах области, кроме южных, полностью допустимый и удовлетворительный. Поэтому все мы, в том числе и беременные женщины, можем вести себя так, как вели себя до аварии на Чернобыльской АЭС” (Гомельская правда 30.05.1986).

Во-вторых, данный дискурс отражает скорее не заботу о человеке и о его здоровье, а контроль над продуктами питания и сельскохозяйственной продукцией, которая может попасть в чистые районы: “Мы контролируем качество молока и молочных продуктов, мяса и колбасных изделий, яиц, птиц,

овощей. Систематический контроль нас переубеждает, что качество ряда сельскохозяйственной продукции тревоги не вызывает. Контроль не ослабляется” (Гомельская правда 12.06.1986).

Для осуществления контроля над продуктами питания были введено правило дозиметрического контроля для всех продуктов, поступающих в продажу, а также центры контроля. Данные меры контроля продуктов питания были введены советской властью практически сразу после катастрофы, но затем отменены в ряде областей и районов по экономическим причинам (Phillips 2002: 4).

Опубликованные в “Гомельской правде” в период с мая по октябрь 1986 года рекомендации специалистов санэпидстанции под разными названиями⁵⁹ показывает то, каким образом формировался официальный дискурс гигиены и здоровья, как для пострадавшего населения, так и для населения в целом. А действующие памятки для населения, разработанные и опубликованные Институтом радиологии (г. Гомель) показывают то, какие ограничения действуют до сих пор, и как эта область питания и здравоохранения регулируется государственными органами. Данные памятки представляют собой совокупное знание необходимое жителям районов, пострадавших от радиации, для безопасного проживания на данных территориях: правила сбора грибов, охоты, поведения в лесных массивах. Памятки сопровождаются картами лесных хозяйств, размеченных по площади с различным уровнем загрязнения. В них также представлена классификация продуктов питания по следующим группам: аккумуляторы, сильно накапливающие, средне накапливающие, слабо накапливающие. Данная классификация на самом деле практически исключает возможность получения чистых продуктов на загрязненных территориях: категория “чистые/грязные” продукты заменяется категорией “опасные/безопасные” продукты питания, те, которые накапливают вредные радионуклиды в меньшем или большем количестве.

Дискурс здравоохранения, гигиены и питания, вводит различные социальные институты запрета, начиная от продуктов питания, заканчивая правилами потребления и нахождения в лесу. Данный дискурс остается дискурсом противоречивым, потому что не может объяснить все вводимые

⁵⁹ “Точка зрения специалистов” от 30.05.1986, “Тревоги не вызывает” от 12.06.1986, “Исследования обнадеживают” от 09.08.1986, “Хотя опасности нет” от 10.10.1986, “Правила гигиены – обычные” от 25.10.1986.

изменения. Дискурс здравоохранения устанавливает зависимость от научных исследований и только больше увеличивает шанс возрастания социальных рисков и как следствие – возникновение социального конструирования постчернобыльской реальности.

К тем же риторическим инструментам дискурса здравоохранения следует отнести и дискурс о “радиофобии”, а именно способ объяснения изменения окружающей социальной действительности через призму страха и боязни радиоактивного заражения.

Дискурс радиофобии начинает формироваться в контексте сообщений о влиянии радиации на здоровье населения: “В то же время исследования были проведены, и выявлен повышенный уровень тревоги, вызванный обеспокоенностью о рисках здоровья детей и нарушением повседневной жизни у взрослого населения, проживающего на зараженных территориях вне 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС. Данное напряжение и хроническое состояние стресса привели к появлению синдрома радиофобии у части населения, и могут, в теперешней радиационной обстановке, представлять большую угрозу здоровью, нежели влияние радиации” (Ilyin, Pavlovskij 1987: 6).

В первых сообщениях в 1986 году делается акцент на отсутствии взаимосвязи между медицинскими последствиями и уровнем радиационного облучения, полученного населением: “Углубленное медицинское обследование населения показало, что случаев заболевания людей от радиации в области (Гомельской) нет” (заведующий отделом здравоохранения Гомельского областного исполнительного комитета Романовский А.А., “Гомельская правда” 06.12.1986: 3). К 1989 году данный дискурс практически оформился и стал составной частью выступлений медицинских работников и ученых, направленных на демонстрацию ситуацию с заболеваемостью как неизменившуюся: “Структура общей заболеваемости тут (Гомельская и Могилевская области) в прошлом году не изменилась. Уровень детской смертности за последние 3 года имеет устойчивую тенденцию к снижению, в том числе и в потерпевших районах. Прирост больных со злокачественными опухолями тут также не отличается от существующего уровня” (заместитель министра здравоохранения БССР, главный санитарный врач БССР Бурьяк В.М., “Гомельская правда” 09.02.1989: 2-3).

Постепенно к аргументации об отсутствии прямой связи между радиоактивным облучением и заболеваемостью добавляется и психологический фактор населения, переживающего за состояние своего здоровья: “В некоторых районах зарегистрировано повышение соматических заболеваний. (...) Определенный вклад в эти показатели вносит и тревога людей за свое будущее” (профессор Матюхин, директор НИИ радиационной медицины Министерства здравоохранения БССР, “Гомельская правда” 26.04.1989: 3).

Таким образом, дискурс радиофобии формируется в дискурсе о медицинских последствиях аварии на ЧАЭС и возникает в дискурсе медицинских работников и ученых в форме ненавязчивого отрицания изменения здоровья у населения, подвергшегося малым дозам облучения. В дискурсе медицинских работников и ученых понятие “радиофобии” практически не появляется, а выражается в форме психологической реакции населения на возможные эффекты радиации. “Радиофобия” в большей степени востребована в дискурсе партийных работников и чиновников: “Но жизнь преподносит нам проблемы, связанные не только с производством, но и с психологическим состоянием населения. Должна сказать, что, несмотря на принимаемые меры по ликвидации последствий аварии, активную разъяснительную работу, нам не удалось избежать радиофобии” (Крутавцова Т.Ф., заместитель председателя Гомельского областного исполнительного комитета, “Гомельская правда”, 09.02.1989: 2-3).

Можно предположить, что использование “радиофобии” в дискурсе партийных работников служит риторическим инструментом для ответа, реакции на поступающие обращения, жалобы, письма от населения и выражающие обеспокоенность и тревогу состоянием здоровья своим и своих детей. Таким образом, “радиофобия” становится практически одновременно научным и политическим дискурсом, но появляется в различных формах и выражает, прежде всего, сопротивление акторов признать реальными происходящие постчернобыльские изменения в состоянии здоровья населения и в окружающей среде. “Радиофобия” возникает не только как “сопротивление”, но и как картинка постчернобыльского мира, объясняющая многое происходящее и самим акторам, его использующим.

К началу 2000-х годов дискурс радиофобии вновь появляется в научном и в публичном дискурсе и принимает форму “чернобыльского синдрома”,

объясняющего необоснованные страхи населения перед последствиями радиации. В частности элементы данного дискурса становятся востребованы в период принятия решения о строительстве атомной станции на территории Беларуси. Данное переплетение дискурсов связано, прежде всего, с тем, что стратегии белорусской власти по отношению к *Чернобылю* начинают пересекаться со стратегиями советской власти: положить конец *Чернобылю*, освоить зараженные земли и не препятствовать возвращению на них населения, а также развивать использование ядерной энергии в Беларуси.

4.1.2 Чернобыль в дискурсе президента Лукашенко А.Г.

В 1996 году обращение президента по поводу 10-й годовщины катастрофы на ЧАЭС (Советская Белоруссия 26.04.1996) стало тем, что определило как формирование, так и дальнейшее преобразование чернобыльской политики на ближайшее десятилетие. Именно в этой речи Лукашенко, только второй год будучи президентом Республики Беларусь, определил когнитивные, смысловые рамки *Чернобыля* как области государственного регулирования и действия акторов.

Тема *Чернобыля* в данном обращении вводилась через тему последствий, то есть подчеркивалось, что страшна именно не сама авария, которая произошла 26 апреля 1986 года, а последствия этой аварии. Таким образом, *Чернобыль* определяется через совокупность последствий, которые оказали и оказывают влияние на жителей и территорию Беларуси и которые оцениваются по количеству людей и территории, подвергшихся радиологическому заражению: “Более двух миллионов человек, проживавших на четверти территории республики, подверглись радиационному воздействию” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 1).

Построение чернобыльской политики независимой Беларуси должно основываться на извлечении уроков из чернобыльской политики советского периода, а именно необходимо оценить и принять во внимание те политические практики, которые уже были предприняты: “Для того, чтобы найти верные решения на сегодня и завтра, мы должны извлечь уроки из первых десяти лет после Чернобыля. Все мы помним, какое это было время. Масштабы чернобыльской катастрофы вначале не смогли адекватно оценить не только бывшее руководство страны, но и мировое сообщество. Были попытки замалчивания, трагические ошибки” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 1). В

данном случае уместно предположить, что политические практики ликвидации последствий в советский период выступают “path dependency” (Pierson 2000) по отношению к дискурсивным практикам Лукашенко на данном этапе чернобыльской политики.

Так, можно утверждать, что политика замалчивания некоторых последствий чернобыльской катастрофы в период СССР, так же как и принятие неадекватных мер в первое время после аварии, влияют на формирование чернобыльской Беларуси. При попытке привязать *Чернобыль* к советской эпохе Лукашенко делает акцент на том, что именно будучи в составе такой огромной державы как СССР, Беларусь смогла привлечь огромные ресурсы для решения чернобыльских проблем. При этом добавил, что “если бы Советский Союз продолжал существовать, то многие чернобыльские проблемы были бы уже решены” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 1). А также подчеркнул: “Будучи депутатом и выступая против развала Советского Союза, я прежде всего думал о том, что будет, если Беларусь останется с чернобыльской бедой один на один” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 1). В данном контексте *Чернобыль* предстает в двойном аспекте: с одной стороны, как событие советской эпохи, а с другой стороны, как совокупность проблем, которые нужно было разрешить еще во времена существования СССР. Таким образом, ответственность за *Чернобыль*, за сегодняшний в том числе, лежит, прежде всего, на советском руководстве. Двойственность заключается в том, что Лукашенко как бы стремится упрекнуть бывшее руководство страны (политика замалчивания и неадекватная оценка последствий) и одновременно показать, что развал СССР был преждевременным. Непосредственно данным образом и выстраивается взаимосвязь между тем, чем *Чернобыль* был в СССР, и тем, что *Чернобыль* будет собой представлять на современном этапе: другими словами чернобыльская политика не будет формироваться с чистого листа, она будет своеобразным продолжением тех мер, которые уже были предприняты, чернобыльская политика в дискурсе Лукашенко – это непрерывный процесс.

Следующим важным аспектом в формировании *Чернобыля* в политическом дискурсе Лукашенко является определение основных акторов чернобыльской политики и правил взаимодействия между ними. Лукашенко в своей речи определяет *Чернобыль* через сравнение с политической игрой: “Известные политики использовали чернобыльскую трагедию как козырную карту в своей

политической игре. Вместо трезвого и взвешенного отношения к решению проблем, вызванных чернобыльской катастрофой, они практиковали проведение митингов, стремясь оказывать давление на органы власти и управления” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 1). В данном случае *Чернобыль* представляется как своеобразный политический капитал, имеющий важное символическое значение именно в поле политики, потому что является мобилизующим фактором для большей части населения и, следовательно, огромным потенциалом для политических стратегий. Другими словами, *Чернобыль* становится полем взаимодействия и столкновения акторов, которые ведут борьбу за обладание властью говорить и действовать от имени *Чернобыля*. Таким образом, *Чернобыль* еще раз определяется как объект властных отношений и стратегий, а не просто совокупность мер, направленных на решение чернобыльских проблем. Устанавливая данное значение *Чернобыля* в своем дискурсе, Лукашенко также проводит своеобразный раздел между теми, кто принимает конкретные меры по решению чернобыльских проблем, и теми, кто спекулирует на эту тему, между политической властью и ее противниками, определяя, таким образом, тех, между кем будет вестись борьба за *Чернобыль* как совокупность политического и символического капитала.

Также следует отметить, что в данном обращении Лукашенко впервые появляется дискурс о возможности и вероятности возвращения населения на оставленные земли, а также последующего их использования: “Сейчас мы начинаем пожинать плоды ранее совершенно бездумного отселения из чернобыльской зоны вопреки желанию людей. Сегодня многие возвращаются в свои покинутые дома, так как хотят жить и работать в родных местах. Убежден, что власть не имеет права ставить преграды на пути этих людей. Есть надежда, что некоторые пострадавшие районы при целенаправленной государственной поддержке со временем могут быть возвращены к жизни” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 2). Данный аспект очень важен с точки зрения признания самого факта возвращения утраченных земель, что определяет направление как научных исследований, так и чернобыльской политики. К тому же данный факт говорит в пользу того, что основные действия государства или политической власти направлены на то, чтобы положить конец присутствию *Чернобыля* в социальных и политических практиках, а возвращение на загрязненные территории и использование загрязненных земель есть не что

иное, как часть данной стратегии. Этой стратегии также соответствует принятие в 1996 году Кабинетом Министров Республики Беларусь постановления “Об утверждении перечня территорий (населенных пунктов и других объектов), относящихся к зонам радиоактивного загрязнения”, которое вводило изменения в статус загрязненных территорий: в частности, некоторые территории из зоны с правом отселения переходили в зоны проживания с периодическим контролем.⁶⁰

Частью данной стратегии также является дискурс о превращении пострадавших территорий в образцовые населенные пункты, где все направлено на улучшение жизни населения. Таким образом, создается представление о безопасном проживании населения на загрязненных территориях, с минимальным риском для здоровья: “В черновыльских районах должен быть образцовый порядок во всем. Здесь должно быть качественное строительство, высокие стандарты медицинского и бытового обслуживания, работы и отдыха” (Советская Белоруссия 26.04.1996: 2). Чернобыльские территории представляются как территории полного порядка, как своеобразная микросистема, социальная и политическая, где все действует и работает для поддержания определенного равновесия между внешними изменениями (воздействием радиации) и социальной жизнью населения (здоровья, условия проживания). Образ пострадавших территорий в дальнейшем будет исходить из данного стереотипного образца, который будет активно воспроизводиться в средствах массовой информации. Примером же будут служить поселки Брагинского и Хойницкого районов. Между тем, необходимо отметить, что непосредственно такую же тактику по формированию образа проживания на пострадавших территориях использовало советское руководство, когда в прессе проходили репортажи о том, как живет там, кто находится на пострадавших территориях.

В 1999 году в ежегодном послании президента Национальному собранию 8 апреля, накануне очередной годовщины катастрофы на ЧАЭС, Лукашенко озвучивает некоторые новые направления в реализации чернобыльской политики, как раз перед принятием новой государственной программы. В политическом дискурсе Лукашенко *Чернобыль* продолжает формироваться как

⁶⁰ Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь № 116 “Об утверждении перечня территорий (населенных пунктов и других объектов), относящихся к зонам радиоактивного загрязнения”, 19 февраля 1996 года.

исключительно область действий государственных органов по обеспечению *достойной жизни человека* на загрязненных территориях: “Требуют дальнейшего решения проблемы предотвращения воздействия радиации на население, проживающее на загрязненных радионуклидами территориях, определения приоритетных направлений деятельности по его защите в рамках реализации Государственной программы минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС. На решение социальных проблем должна быть направлена деятельность всех ветвей государственной власти, органов местного самоуправления. Этому следует подчинить работу социально-потребительского комплекса, включая обеспечение жильем, продовольствием, учреждениями социальной инфраструктуры, формирование благоприятной среды обитания – всего того, что необходимо для обеспечения достойной жизни человека” (Советская Белоруссия 08.04.1999: 1).

Начиная с 2000 года визиты президента в пострадавшие районы и на загрязненные территории становятся регулярными, и к 2006 году, можно сказать, они становятся традиционными. При этом традиционными, прежде всего, в своем символическом значении, потому что направлены на воспроизведение одних и тех же смыслов и значений чернобыльской годовщины, что выражается в применении одних и тех же практик. Посещение одних и тех же территорий, деревень и поселков, в частности Брагина и Наровли, которые стали экзemplярными, примерными, городами для демонстрации способа проживания на загрязненных территориях. Воспроизведение одних и тех же речей, направленных на выражение заботы о населении, проживающем на данной территории.

Так в 2001 году к данным символическим практикам, посвященным годовщине аварии на ЧАЭС, добавляются еще и политические практики. 25 апреля 2001 года президентом был принят декрет “О мерах по социально-экономической реабилитации районов, пострадавших от катастрофы”. Кроме этого, при совершении рабочей поездки на загрязненные территории президент Лукашенко обратил внимание в очередной раз на то, что данные земли нужно возвращать к экономически эффективным,⁶¹ и на то, что его основная функция

⁶¹ По этому поводу в статье, освещающей рабочую поездку президента в чернобыльские зоны, приводится пример деревни Гридно, которая была отселена, а затем постепенно заполнена “самоселами”, которые ведут хозяйство и проживают на загрязненной территории, несмотря ни на что. Советская Белоруссия, “Обретение надежды”, стр.3, 26 апреля 2001 года.

в реализации чернойбыльскай политики заключается в контрольных функциях: “Эта наша земля. И я верю, что она будет востребована. И самая трудная задача, которую в дальнейшем нам предстоит решить, – возродить эти земли. А вообще, каждый мой приезд сюда очень сильно подстегивает чиновников к выполнению поручений. Я внимательно изучаю ситуацию и сразу же принимаю конкретные решения. В прошлом году, например, после моего посещения медики обследовали здесь несколько десятков тысяч человек” (Советская Беларусь 26.04.2001: 3).

Также в ходе данной поездки президент Лукашенко попробовал задать рамки институциональных отношений между актерами чернойбыльскай политики, оппозиции и государственными институтами: “Я предложил оппозиции провести “Чернойбыльский шлях” в одном из районов, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС. Предложил пройти по зараженным радионуклидами дорогам и даже был готов помочь оппозиционерам сюда приехать” (Советская Беларусь 26.04.2001: 3).

Чернойбыль в официальном дискурсе постепенно оформляется в ограниченную смысловую и когнитивную структуру, отражающую открытые стратегии власти, направленные на то, чтобы положить конец *Чернойбылю*, который больше не представляет угрозу для населения, не представляет символического значения для публичных акторов, кроме государственных институтов.

Если продолжать говорить о дискурсе изменений чернойбыльскай политики в сторону уменьшения присутствия *Чернойбыля* в социальных практиках, то необходимо отметить то, что в 2003 и в 2004 году произошли существенные изменения, отразившие стратегии власти по вмешательству, прежде всего, в деятельность общественных организаций. Речь идет о принятии Положения “О лицензировании деятельности, связанной с оздоровлением детей за рубежом”, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь “Об утверждении положений о лицензировании видов деятельности, выдачу лицензий на которые осуществляет Управление делами Президента Республики Беларусь” от 10.12.2003, №1601, которое регулирует правила выдачи лицензии на осуществление деятельности, связанной с оздоровлением детей за рубежом. В политическом дискурсе введение этих изменений обосновывалось, прежде всего, как необходимая мера против произвола и “эксплуатации чернойбыльскай

беды”: “Мы покончили раз и навсегда с бесконтрольностью оздоровления наших детей за рубежом. Порядок как будто наведен. Однакостораживает, что среди 130 организаций, получивших лицензии на этот вид деятельности, – 115 общественных и 9 религиозных. Не хочется огульно подозревать все эти организации в недобросовестности и эксплуатации нашей чернобыльской беды. Но есть факты, когда у родителей вытягивают деньги под предлогом дополнительных услуг и экскурсий” (Лукашенко 17.11.2004).⁶²

При этом общественным организациям предлагались определенные варианты их роли в новых условиях осуществления оздоровления как части чернобыльской политики: “Если мы не можем здесь оздоровить ребенка, если ему нужна какая-то операция, которую мы здесь не можем сделать, а делают ее в Соединенных Штатах Америки, Германии, Израиле – пожалуйста. Но государству под контроль: оставьте столько, сколько надо вам этих организаций – пусть общественных, пусть религиозных, пусть частных – и действуйте. Пусть эти общественные, религиозные организации работают там, за границей, и привозят сюда нужную для нашей страны гуманитарную помощь” (Лукашенко 17.11.2004).

Данные изменения были направлены, прежде всего, на сокращение и резкое уменьшение акторов гражданского общества в чернобыльской политике, путем замещения их деятельности деятельностью государственных учреждений: “Организация выезда за границу детей, нуждающихся в оздоровлении, должна быть прерогативой государства. Если нам хотят оказать помощь, пусть перечисляют средства и контролируют здесь, как мы их будем использовать. Мы должны оздоравливать людей, детей своих внутри страны – у нас для этого сегодня хватает возможностей. И только в крайнем случае мы должны вывозить детей за пределы республики. Забрать эту деятельность” (Лукашенко 17.11.2004). Если в начале 1990-х годов наблюдалось резкое увеличение количества общественных организаций разного рода деятельности в области преодоления последствий на ЧАЭС, что можно было объяснить, прежде всего, тем, что государственные институты не обладали нужными ресурсами для организации данной деятельности, то уже в начале 2000-х годов

⁶² Выступление Президента Республики Беларусь А.Лукашенко на церемонии подписания Решения, принятого Республиканским референдумом, 17.11.2004.

государственные институты постепенно начинают замещать деятельность общественных организаций, что отражается в политических практиках.

Это изменение обусловлено еще и тем, что данное направление деятельности представляет интерес для государственной политики не только в области преодоления последствий, но и в области идеологической работы и воспитания молодого поколения: “Неужели вы не видите, какими дети возвращаются оттуда?! Что нам этот образ жизни дает? У нас ведь и так этот потребительский образ жизни, как в советские времена правильно говорили, захлестнул всю молодежь и страну. А эти детишки, малыши оттуда возвращаются уже потребителями в квадрате. Такое воспитание нам не надо. Я думаю, в будущем году в этой сфере будет наведен идеальный порядок. И я требую это сделать” (Лукашенко 17.11.2004).

Говоря о *Чернобыле* в политическом дискурсе советской власти и президента Лукашенко, следует отметить, что, несмотря на то, что данные дискурсы имеют место в разных контекстах, их объединяет наделение *Чернобыля* схожими смыслами и значениями. *Чернобыль* в дискурсе власти определяется как совокупность практик по ограничению влияния последствий Чернобыльской катастрофы и сведения его к минимуму. *Чернобыль* в дискурсе власти это не противоречивый и проблематичный дискурс, требующий незамедлительного решения, это дискурс о социальном и политическом порядке, дискурс “нормализации” социальных и политических отношений и “ликвидации” всех возможных разногласий.

4.2. Техногенный научный дискурс Чернобыля

Формирование научного дискурса “ликвидации” связано с разработкой советскими учеными концепции безопасной жизнедеятельности населения на загрязненных территориях, в основу которой была положена концепция “35 бэр”. Разработка данной концепции предполагала ее дальнейшее принятие и применение на загрязненных территориях и была основана на принципе вмешательства в жизнедеятельность человека в зависимости от степени радиационной обстановки: “В каждом конкретном случае необходимо на основе знания радиационной обстановки и характера радионуклидного загрязнения формировать определенную стратегию поведения, которая обеспечит максимальный положительный эффект тех или иных вмешательств, направленных на ограничение дозовых нагрузок. Эта стратегия поведения,

выражающаяся во введении определенных мер вмешательства, базируется на определенной общей идее, которая называется концепцией безопасной жизнедеятельности населения на загрязненных территориях. В самом общем виде основной смысл концепции состоит в том, что меры вмешательства в жизнь человека должны обеспечить снижение дозы его облучения до уровня доаварийного облучения”.⁶³ К мерам вмешательства, уменьшающим дозу заражения радионуклидами, относят защитные мероприятия, укрытие, профилактика препаратами стабильного йода, эвакуация, переселение и контроль над потреблением пищевых продуктов.

Как уже было отмечено, концепция безопасной жизнедеятельности населения основывалась первоначально на основе концепции “35 бэр”, которая была разработана только в 1988 году, спустя два года с момента аварии. До этого момента все решения, как по ликвидации последствий, так и по проживанию населения на загрязненных территориях принимались практически без наличия научных обоснований, ввиду того, прежде всего, что все данные необходимые для проведения научного анализа, результаты радиационного мониторинга, например, были засекречены.

Первыми шагами по принятию концепции было утверждение предела индивидуальной дозы за жизнь, которая основывается на предположении о том, что существует некоторый верхний предел накопления за всю жизнь (70 лет), безопасный для человека. В 1989 году в качестве критерия данный показатель был предложен и для определения дополнительного переселения. Председатель Национальной комиссии по радиационной защите СССР профессор Л.А.Ильин, главный санитарный врач СССР А.И. Кондрусев и его заместитель Зайченко А.И. установили численное значение предела 350 мЗв. Основным аргументом являлись данные проведенных исследований после взрыва в Хиросиме и Нагасаки, где не была установлена зависимость между облучением ниже 500 мЗв и онкологическими и генетическими последствиями. Также в качестве одного из аргументов приводилась и экономическая целесообразность проводимых мер по ликвидации, без дальнейшего отселения с пострадавших территорий.

Данная концепция преподносилась как обязательная для принятия во всех пострадавших республиках и имела императивный характер: “В нашу

⁶³ Ильин “Радиация: что было, что будет”, Гомельская правда, 13.04.1989: 3.

концепцию пожизненной дозы мы включили и все дозы, полученные за аварийный период. Это принципиально важно. Это концепция национального комитета по радиационной защите. Мы установили эту границу – 35 бэр и не более. Это наше главное жесткое требование, категорическое”.⁶⁴ За принятием данной концепции стояли интересы и стратегии политической и научной номенклатуры, заключавшиеся в утверждении определенного порядка и видения последствий чернобыльской катастрофы, не ставившего под сомнение существующую систему, как политическую, так и научную.

Дискурс концепции “35 бэр” заложил определенный набор дискурсивных элементов, которые отражают влияние на формирование *Чернобыля*. В первую очередь, речь идет о дискурсе риска и безопасности, который в данной концепции выражается в следующем принципе: воздействие радиации на человеческий организм, на среду его обитания выражается не в концентрации радионуклидов, а в полученной дозе облучения: “Необходимо помнить, что существуют элементарные основы и позиции, согласно которым мерой опасного воздействия радиации является не концентрация радионуклидов, а, я подчеркиваю, суммарная доза облучения”.⁶⁵

Данный принцип предполагает, что основная опасность проживания на загрязненных территориях состоит в суммарной дозе облучения человека, а не в концентрации радионуклидов в организме, продуктах питания, территории. Следуя данному принципу, можно жить на загрязненных территориях, если суммарная доза облучения не превышает установленную норму. Таким образом, не подлежат переселению жители с территорий с плотностью загрязнений от 15 кюри на квадратный километр. В данном контексте используется принцип экономической выгоды. Если за основу брать беспороговый принцип (а именно то, что даже самая небольшая доза радиации может повлиять на здоровье и жизнедеятельность человека), то за этим последует необходимость принятия дополнительных решений о переселении и применении дополнительных мер защиты населения: “Предлагая и разрабатывая любые концепции, необходимо помнить еще об экономической целесообразности: во что нам это может обойтись – переселить 20 тысяч, 50 или 200? К тому же зачем отселять только с территории 15 ки/км? И на

⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁵ Интервью Ильина А.Л. “Чернобыль и будущее”, Чырвоная Змена, 12.08.1989: 7.

территориях с радиоактивным загрязнением в 5 кюри на километр есть “грязное” молоко и на 40 – “чистое”?”⁶⁶

Таким образом, основной аргументацией дискурса “35 бэр” является, прежде всего, экономическая оценка, выгода последующих политических решений о переселении или введение дополнительных мер вмешательства. При этом нужно также отметить, что данная концепция принимается для того, чтобы принятие решений имело научную легитимность: “Поэтому, когда Национальная комиссия по радиационной безопасности, берет на себя огромную ответственность и устанавливает допустимую границу в 35 бэр за жизнь, это не означает, что мы даем органам охраны здоровья, другим организациям тот показатель здоровья, которого они обязаны придерживаться и который они обязаны выполнять. И это не какой-то норматив – это лимит, это критерий для принятия решений”.⁶⁷ Таким образом, можно говорить о том, что в дискурсе советских ученых, разрабатывавших концепцию “35 бэр” – это не предел, граница дозы, превышение которой может привести к эффектам, это уровень принятия политических решений.

Дискурс “35 бэр” использует научно подтвержденные данные и основывается на проведении большого количества исследований, результаты которых отражают объективно существующую реальность, и отрицают воздействие малых доз радиации на здоровье человека, в отличие от других результатов, которые представляют собой манипулирование фактами: “В фундамент концепции 35 бэр заложен анализ огромного материала. (...) Ответственно заявляю, что явные изменения возникают только при мощности дозы от 25 бэр в год или в 75-120 бэр за жизнь. При более низких дозах никаких отклонений выявить не удалось. И от этого опыта отказываться нельзя. Он – объективная реальность” (Гуськова, Чырвоная Змена 12.07.1989). “С самых первых дней аварии, я, как педиатр, обследую детей. И ни мне, ни моим коллегам не удалось выявить прямого влияния малых доз радиации на детский организм, которые могли привести к серьезным последствиям. Данные о резком увеличении заболеваний – манипулирование фактами” (Астахова, Чырвоная Змена 12.07.1989).

⁶⁶ *Ibid.*

⁶⁷ *Ibid.*

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что дискурс “35 бэр” состоит из следующих аргументов: существует определенный предел облучения, установив который возможно избежать последствий для здоровья человека; для человека опасна не концентрация радионуклидов, а полученная доза; доза меньше 35 бэр не опасна, что подтверждено научными исследованиями, в связи с чем, принимать решения о мерах вмешательства, защиты населения следует исходя из этого критерия. Таким образом, начинает формироваться логика “ликвидации” последствий, отражающая определенное конструирование постчернобыльской реальности: научная легитимация уже предпринятых мер государственного вмешательства, безопасного проживания на загрязненных территориях без кардинального изменения образа жизни населения, формирование представлений чернобыльских последствий как последствий, которые не опасны и которые можно ликвидировать в определенные сроки и определенными способами.

Необходимо также отметить, что принятие данной концепции представляет собой навязывание определенного образа *Чернобыля* как рядовой аварии, которая не повлекла за собой значительных изменений: “Научные методы борьбы за сохранение своей концепции, вероятно, у них были исчерпаны. Поэтому аргументом стало ведомственное, административное давление” (Ярошинская 2006: 160). Речь в данном случае идет о решении №587 Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, которое продвигало предложенную концепцию “35 бэр” АН СССР, и предлагало ее принять за основу при разработки Государственной программы по ликвидации последствий. Данная концепция представляла собой очевидную выгоду для существующей политической системы, она не предполагала каких-либо существенных изменений установленного нормативного, политического и идеологического порядка. Ее следствием стало не принятие определенных мер на государственном уровне: прекращение переселения, продолжения сельскохозяйственных работ на загрязненных территориях и т.д.

“В основу этой политики, проводимой центральными ведомствами с первых дней Чернобыльской катастрофы, с конца 1987 года положена концепция “35 бэр за жизнь”, призванная решать следующие задачи: успокоить общественное мнение, снять ответственность за последствия аварии с партийных и

государственных органов и конкретных лиц, как можно больше сократить объем компенсаций пострадавшим людям и жителям загрязненных регионов за причиненный ущерб, а также представить необоснованность тревоги за жизнь” – из речи народного депутата СССР, члена Комитета по экологии и рациональному использованию ресурсов, во время парламентских слушаний.⁶⁸

Однако данная концепция “35 бэр” не была принята Верховным Советом БССР, хотя и лежала в основе некоторых решений, принятых в этот период Минздравом СССР, во многом благодаря сопротивлению ученых Беларуси, Украины и России, в частности во время Первого Всесоюзного радиобиологического Съезда в 1990 году. Следующие концепции появляются только в 1990-1991 гг. и основываются на более низком пределе индивидуальной дозы облучения⁶⁹: концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная президиумом Академии наук БССР в 1990 году.

Несмотря на то, что концепция “35 бэр” не была взята за основу при разработке “Концепции безопасного проживания” (1990), научный дискурс, который лежал в основе данной концепции, использовался впоследствии учеными при разработке “Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии” (1995). Дискуссии по поводу данной концепции имели большой резонанс в прессе, научном сообществе и гражданском обществе. Данная концепция стала водоразделом, который обозначил противостояние и противоречия двух различных научных дискурсов, “ликвидации” и “преодоления”: “В 1995 году в Беларуси появилась “команда”, в которую,

⁶⁸ Архив Верховного совета, №968, опись 1, дело 2145 “Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25-27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 года”, лист 167-168.

⁶⁹ Только во второй половине 1990 года правительством СССР была организована межведомственная комиссия, состоящая из 60 человек и руководимая академиком АН СССР С.Т.Беляевым. Задача этой комиссии состояла в разработке “принципов и критериев в поддержку практических мер по устранению возможных отрицательных последствий чернобыльской аварии для здоровья населения и компенсации нанесенного ущерба”. В 1991 г. правительством СССР была утверждена новая “Концепция проживания населения в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС”. Согласно этой концепции на всех территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, установлен минимальный уровень вмешательства, равный 1 мЗв средней годовой эффективной эквивалентной дозы облучения. Введен также верхний уровень, составляющий 5 мЗв за 1991 год. В интервале доз от 1 до 5 мЗв в год осуществляются защитные мероприятия, а жители имеют право на добровольное переселение из этой территории. (Барьяхтар 1995).

правда, ряд авторитетнейших ученых войти не пожелали, и дело реанимации 35-бэрной концепции пошло. Вот только прежнее название ее заменили на новое: “Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии”. Решились признать свое авторство в этой концепции профессор Петряев Е.П. (директор Института радиобиологии), доктор биологических наук Кенигсберг Я.Э. (зам. директора НИИ радиационной медицины), Тернов В.И. (председатель национальной комиссии по радиационной защите) и немногие другие”.⁷⁰

Необходимо добавить, что дискуссии по этой концепции начались немного раньше, а именно уже с 1993 года, когда в соответствии с распоряжением Совета Министров № 57р от 25.01.1993 года был создан временный творческий коллектив (ВТК) во главе с Петряевым Е.П. для разработки на основе имеющихся дозовых нагрузок проекта концепции реабилитации загрязненных территорий и условия проживания людей на этих территориях. В 1995 году данная концепция, после нескольких проектов, была сначала одобрена Национальной комиссией по радиационной защите (НКРЗ), а затем Советом Министров. Однако в феврале 1993 года по распоряжению заместителя председателя Совета Министров Кеника И.А. была создана рабочая группа, в которую в частности входил профессор Нестеренко В.Б., для подготовки концепции основных защитных мер для населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях Беларуси, в последствии одобренной на заседании НКРЗ Беларуси в мае 1993 года. “Группа Петряева”, за которой стояли такие институты, как Институт радиобиологии и НКРЗ Беларуси, формировали дискурс “ликвидации”, а альтернативная группа ученых, в частности Нестеренко В.Б, Лепин Г.Ф, Малько М.В., за которыми стояли Институт радиационной безопасности, Комиссия по проблемам чернобыльской катастрофы Верховного Совета РБ под председательством Смоляра И.Н, формировали дискурс “преодоления”. Таким образом, в период с 1993 по 1995 год было сформировано практически конкурентное пространство между различными группами, которые работали над одной и той же проблемой, только представляли совершенно разные понимания *Чернобыля*.

⁷⁰ Лепин Г. “Республике нужна разветвленная сеть “чернобыльских” лечебных учреждений”, Народная газета 24.01.1997.

Научный дискурс “группы Петряева” строится вокруг практически того же принципа концепции “35 бэр”, а именно того, что определяющим критерием опасности радиации принять критерий дозовой нагрузки на организм за год, а не накопленные организмом радионуклиды: “дальнейшее уменьшение радиационного риска, обусловленного радиоактивным загрязнением в результате Чернобыльской аварии, путем постепенного снижения индивидуальных и коллективных доз облучения населения. Защитные меры должны быть оптимизированы таким образом, чтобы они приносили больше пользы, чем ущерба. Реализация данного принципа оптимизации должна основываться на расчетах величины предотвращенной коллективной дозы с момента введения защитных мероприятий”⁷¹. Это подразумевает, что дозовая нагрузка, полученная до введения защитных мероприятий, то есть накопленная доза, не учитывается. Таким образом, в данной концепции устанавливается логика существования предела – среднегодовая эквивалентная доза облучения, которая составляет 1 мЗв в год. Данный предел устанавливает уровень вмешательства и применения мер радиационной защиты. Другими словами, не возникает необходимости по проведению защитных мероприятий на территориях, где уровень облучения не превышает данный предел, не обращая внимания на степень загрязнения территории и возможности вести нормальную жизнедеятельность. Таким образом, применение степени радиационной защиты “привязывается” к полученной дозе человека за год, а не к уровню загрязненности территорий, на которых человек проживает: “Авторы Концепции, ссылаясь на то, что именно дозы облучения определяют медицинские эффекты, предлагают отказаться от использования критериев проведения защитных мероприятий, основанных на уровне загрязнения”⁷².

Еще один важный элемент дискурса данной концепции, это утверждение того, что в Беларуси наступил восстановительный этап после чернобыльской катастрофы: “Восстановительный этап продолжается в течение времени, необходимого для постепенной отмены мероприятий по радиационной защите, и создания условий для возвращения к обычному укладу жизни населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях. Концепция

⁷¹ “Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии” (из личного архива Астрид Зам).

⁷² Замечания группы ученых, Збаровский, Лепин, Малько, Нестеренко от 21 декабря 1995 года, стр.3 (из личного архива Астрид Зам)

формировалась исходя из того, что наступил восстановительный этап развития Чернобыльской аварии”.⁷³ Данный период можно также обозначить, как период перехода к нормальным условиям жизнедеятельности. Другими словами, согласно данной концепции в 1995 году пострадавшие территории и население уже находились на этапе возвращения к нормальным условиям жизни и деятельности.

В последующих концепциях, 1998 и 2002 года, дискурс “ликвидации” принимает все более явные формы и выражается, прежде всего, в сохранении в качестве критерия применения защитных мер – среднегодовой эффективной дозы. А также продолжение логики освоения пострадавших территорий. В частности, в Концепции 2002 года заложен принцип реабилитации через преобразование территорий в пригодные для жизнедеятельности.

На данный момент в официальном научном дискурсе доминируют элементы дискурс-коалиции “ликвидации”. Согласно Кенигсбергу Я.Э., председателю Национальной комиссии по радиационной защите при Совете Министров Беларуси, основной задачей, с которой справилась чернобыльская политика, было уменьшение доз облучения населения до предела минимального, который не вызывает медицинских последствий: “В результате Чернобыльской аварии условия жизни были нарушены, но с радиологической точки зрения достигнуты положительные перспективы для будущего здоровья большинства людей, вовлеченных во время ситуации. Так что, парадокс? Катастрофа, ужас, зона экологического бедствия, но люди там проживают, едят грязную продукцию, что там творится – тихий ужас? А вот объективные данные. Как и почему? А это не парадокс, потому что мы начали работу по защите населения. В отличие, скажем, от ряда других республик, бывших советских, мы начали эту работу 30 апреля (1986 года) и 2 мая мы уже начали первую волну отселения людей с 30-километровой зоны, и дальше – больше. Мы потратили более 28 млрд. долларов из собственного бюджета Республики Беларусь и направили их в целом на радиационную защиту. Потому что главная задача нашей работы была – снизить дозы облучения до такого предела, чтобы они не вызывали никаких последствий для здоровья. И мы это сделали. Но когда встает вопрос о том, что уровень социальной защиты меньше, чем в России и на

⁷³“Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии”

Украине в денежном эквиваленте, – да это правда. Мы потратили эти деньги на радиационную защиту»⁷⁴. Также следует отметить, что проведение мер по радиационной защите населения стало основным и отличительным направлением черновыльскай политики в Беларуси, где главная задача – это снижение доз облучения населения. В Украине, например, основным направлением черновыльскай политики выступает социальная защита граждан, пострадавших от последствий катастрофы на ЧАЭС. Другими словами, выработка научных способов по снижению доз облучения, а значит влияния радиации на здоровье человека, позволит перевести черновыльскую политику в Беларуси в направлении освоения загрязненных территорий.

Основной задачей черновыльскай политики на современном этапе является развитие пострадавших территорий и уменьшение влияния радиации на здоровье человека: “Есть официальные данные Министерства обороны Республики Беларусь, что самое большое количество призывников, здоровых, пригодных для службы в армии, были из Гомельскай области. Что это, парадокс? Нет, я вам уже говорил про социальную защиту, оздоровление... Нет, я вам не говорю, что проблем нет, они есть, но они решаются правильно в рамках республиканских программ, в рамках союзного государства. (...) Так вот, цель одна: реабилитация и устойчивое развитие. Такую же цель поставил глава нашего государства⁷⁵: перейти от реабилитации к устойчивому развитию территорий, пострадавших от последствий на ЧАЭС. И наша задача – это также помочь в правильном понимании черновыльскай политики”⁷⁶. В данном контексте можно констатировать переплетение политического и научного дискурса о *Чернобыле* и видения черновыльскай политики как признака окончательного оформления дискурс-коалиции “ликвидации” последствий.

4.3 Обобщения

Говоря о формировании дискурс-коалиции “ликвидации” следует выделить некоторые аспекты, которые были в меньшей степени затронуты в данной главе и которые требуют более детального рассмотрения. В первую очередь, для

⁷⁴ Выступление на семинаре “Роль СМИ в освещении событий, связанных с черновыльскай катастрофой”, г. Минск, 14 ноября 2008 года.

⁷⁵ Обращение Президента Беларуси к участникам Международной конференции “Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов”, <http://www.president.gov.by/press10819.html#doc>

⁷⁶ Выступление на семинаре “Роль СМИ в освещении событий, связанных с черновыльскай катастрофой”, г. Минск, 14 ноября 2008 года.

дискурс-коалиции “ликвидации” характерна высокая степень участия и ангажированности СМИ, которые, по сути, являются посредниками для выражения политического дискурса, или дискурса власти. Во-вторых, следует отметить, что именно в период формирования дискурс-коалиции “ликвидации” был заложен основной механизм реализации чернобыльской политики, которым по сегодняшний день является Государственная программа. В-третьих, именно в этот период начала формироваться система производства научного знания – система научно-исследовательских институтов, занимающихся изучением проблем, связанных с катастрофой на ЧАЭС. Также следует отметить, что, когда речь идет о научном знании о последствиях катастрофы на ЧАЭС, в частности о влиянии доз радиации на здоровье человека, то речь идет о монополизированном знании. Необходимо выделить то, что дискурс “ликвидации” характеризуется использованием элементов политического дискурса и переплетается с дискурсом власти (дискурс Лукашенко и дискурс ученых в начале 2000-х годов).

V. АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ДИСКУРС-КОАЛИЦИЯ “ПРЕОДОЛЕНИЯ”

5.1. Чернобыль в публичном дискурсе

Появление дискурса альтернативного дискурс-коалиции “ликвидации” стало возможным как благодаря изменениям советской системы, так и из-за проводимой властями чернобыльской политики, которая не отвечала происходящим социальным вызовам. Изменения советской системы связано, прежде всего, с периодом “перестройки”, для которого характерны появление новых общественных групп, в частности экологических, новых мест публичного выступления, а также зачатков независимой, национальной прессы в советских республиках. К этому можно добавить тот факт, что в данный период появились потенциальные возможности участия непартийных групп в политическом процессе. *Чернобыль* стал своего рода катализатором процессов перестройки, в частности повлиял на развитие принципа гласности, провозглашенного Горбачевым (Marples 1996: 115).

В период с 1988 года последствия чернобыльской катастрофы становятся постепенно предметом публичных дискуссий и политической повесткой дня. Проблемы ликвидации последствий начинают обсуждаться в Верховном Совете БССР и в Верховном Совете СССР. А научная концепция “35 Бэр”,

предложенная учеными АН СССР, вызвала сопротивления со стороны белорусских и украинских ученых. Образование дискурс-коалиции “преодоления” было обусловлено, прежде всего, противоречиями, которые образовались в виду проводимой чернобыльской политики. Эти противоречия обнаружались в парламентских дебатах о принятии государственной программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС во время 11 и 12 сессии Верховного Совета 11 созыва. Дискуссии вокруг чернобыльской политики в 1989-1990 годы в Верховном Совете БССР положили начало как развитию национальной чернобыльской политики, так и националистического дискурса в БССР, а затем и в Республике Беларусь. Именно начиная с этого периода *Чернобыль* становится частью антикоммунистического и националистического дискурса. А принятие Верховным Советом 19 июля 1990 года постановления “О мерах по ускорению реализации Государственной программы по ликвидации последствий катастрофы на чернобыльской АЭС” обозначило переход от “ликвидации” к “преодолению” чернобыльских последствий, а также переход политических акторов от дискурса “ликвидации” к дискурсу “преодоления”.

5.1.1. Дискурс *Чернобыля* в Верховном Совете БССР 11 и 12 созыва

Формирование альтернативного чернобыльского дискурса было связано с избирательным процессом начала 1990-х годов: выборы народных депутатов 1989 года и парламентские выборы 1990 и 1995 года. Данные выборы не только позволили развиваться некоторым принципам парламентаризма, но и повлиять на публикацию чернобыльских проблем. Выборы 1990 года были, например, обозначены тем, что проводились по принятым в 1989 году Закону о выборах народных депутатов БССР и Закону о выборах народных депутатов Местных Советов, проводивших некоторые изменения в процедуру выдвижения кандидатов, а значит возможность прохождения в Верховный Совет альтернативных кандидатур.⁷⁷ Данные изменения позволили сформировать Верховный Совет 12 созыва с небольшим составом, около 20 %, некоммунистической номенклатуры, в основном представителей Белорусского Народного Фронта. Данный состав Верховного Совета проработал до 1995 года, чья работа во многом повлияла на современную историю Республики

⁷⁷ Законы Белорусской ССР от 27 октября 1989 г. “О выборах народных депутатов Белорусской ССР” и “О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР”

Беларусь (провозглашение независимости, утверждение Конституции, переход к президентской форме правления, формирование национальной правовой и политической системы).

Верховный Совет был затем переименован в Национальное собрание, и с принятием государственной программы по преодолению последствий на 1996-2000 годы парламентские дискуссии вокруг решения чернобыльских проблем практически прекратились. Следует отметить, что именно в этот период инициатива по решению чернобыльских проблем переходит к президенту. Так, например, Государственная программа на 1996-2000 годы была разработана и принята Кабинетом Министров по поручению Президента Республики Беларусь (Демичев 2006: 107). Поэтому с точки зрения формирования дискурса “преодоления”, важным является деятельность народных депутатов БССР и Верховного Совета 11 и 12 созыва.

Необходимо отметить, что начало 1990-х годов связано со становлением и развитием законодательного процесса: обнаруженные и принятые во внимания постчернобыльские проблемы требовали срочного разрешения на законодательном и исполнительном уровнях. В связи с этим 1990-1991 годы представляли собой период не только социальной мобилизации, но и начала институциональной мобилизации. Однако с этим процессом был связан ряд проблем: переходный период политической системы, отсутствие самостоятельной законодательной практики, отсутствие практики мобилизации и распределения ресурсов, недостаток профессиональных кадров и в законодательных, и в исполнительных институтах власти, рост социального напряжения и недоверия к власти. Непосредственно эти факторы и определяли характер развития законодательного процесса и исполнительной системы в области чернобыльской политики в начале 1990-х годов.

Весенние выборы 1989 года позволили пройти в народные депутаты новым политическим и национальным лидерам, критикующим коммунистическую идеологию: от БССР в народные депутаты были избраны Быков, Адамович, Добровольский и Шушкевич, а от Украинской ССР в народные депутаты смогла пройти Алла Ярошинская. Выступления на первом Съезде Народных депутатов 25 мая 1989 года являлись знаковыми и переломными не только с точки зрения утверждения антикоммунистического дискурса, но и с точки зрения формирования *Чернобыля* как публичной проблемы. Впервые были

озвучены реальные и объективные данные по последствиям аварии на ЧАЭС, также как и проблемы, которые было необходимо срочно решать на общем союзном уровне: о переселении, о госпитализации и лечении пострадавшего населения, о мерах по уменьшению влияния радиации на экологию и т.д. Именно с этого момента *Чернобыль* входит в дискурс практически всех публичных акторов.

На первом Съезде Народных депутатов СССР прозвучало заявление о том, что *Чернобыль* представляет собой комплекс нерешенных проблем, прежде всего, проблем здоровья людей и их скорейшего переселения, а также проблем, связанных с недоступностью информации о последствиях катастрофы. Дискурс “ликвидации” начинает формироваться как дискурс альтернативный официальному чернобыльскому дискурсу и использует критическую и обличительную риторику.

Если говорить о парламентских дебатах, то необходимо, в первую очередь, остановиться на докладе первого заместителя Председателя Совета Министров, депутата В.Г. Евтуха о “Государственной программе по ликвидации в белорусской СССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС”.⁷⁸ Именно в данном документе впервые появилась информация о последствиях катастрофы на ЧАЭС и о процессе реализации государственных решений в этой области. Обсуждение данного доклада проходило на сессии Верховного Совета БССР 11 созыва 1 августа 1989 года и положило начало публичному обсуждению чернобыльских проблем и формированию публичного восприятия последствий катастрофы. Анализ данного документа позволил очертить хронологию чернобыльских событий, а именно то, как эти события воспринимались публичными акторами, а также позволили выявить то, через какие социальные, политические и экологические проблемы будет оформляться дискурс *Чернобыля*. Таким образом, *Чернобыль* представляется как комплекс совершенных мероприятий, выраженных в количестве населенных пунктов, колхозов и совхозов, переселенных женщин и детей, в названиях административных районов и образованных зон.

“1 мая 1986 года из 25 пунктов с повышенным уровнем радиации были эвакуированы дети до 15 лет и беременные женщины, а 5 мая – все население, проживающее в 30-километровой зоне, 7 мая была завершена эвакуация детей и

⁷⁸ “Советская Белоруссия”, 1.08.1989: 3-5.

беременных женщин из населенных пунктов Наровлянского, Брагинского и Хойницкого района. Таким образом, в 1986 году было эвакуировано почти 25000 жителей из 107 населенных пунктов, ликвидировано 20 колхозов и совхозов, были образованы зоны отчуждения и зоны отселения. Затем началась работа с отселенным населением по его обустройству – построение нового жилья и предоставление рабочих мест. Декабрь 1986 года – реэвакуация 1600 человек из 12 населенных пунктов Брагинского района. На июль 1989 года площадь с разной степенью загрязненности радионуклидами составляла 18,1 % от всех сельскохозяйственных угодий (1623 тысячи гектаров из которых 105 тысяч были выведены из эксплуатации)” (Советская Белоруссия 1.09.89: 3).

В 1986 году были проведены меры по формированию зон на загрязненных территориях: зоны постоянного радиационного контроля, где загрязнение плотностью более 15 кюри на квадратный километр, проживало около 103 тысяч человек; в зонах с повышенной радиацией (выше 15-20 кюри на квадратный километр), проживало около 110 тысяч человек.⁷⁹ Образование зон – создание такого специфического микросоциума. Показатели здоровья, изменения в образе жизни, контроль, дополнительные и новые социальные практики, питание, проживание, оздоровление, образование, воспитание – все это отличает население зон, требует особого подхода и с точки зрения государственного регулирования. В условиях советской плановой экономики и командно-административной системы решение данных проблем становится практически невозможным. Потому что ни система управления, ни политическая власть не способна реагировать на такие внешние изменения. К тому же данная ситуация обнажила общее состояние советской системы, перебои с продуктами питания, санитарные условия в дошкольных и школьных учреждениях и т.д. На самом деле не только на пострадавших территориях были такого рода проблемы, просто данным территориям уделялось больше внимания, выражаясь языком прессы того времени, это была “зона особого внимания”. Именно исходя из этих характеристик начинает формироваться дискурс “зоны особого внимания”, задача которого – локализация *Чернобыля* и определение проблем, вызванных *Чернобылем*.

⁷⁹ Согласно докладу первого заместителя Председателя Совета Министров, депутата В.Г. Евтуха о “Государственной программе по ликвидации в белорусской ССРС последствий аварии на Чернобыльской АЭС”, “Советская Белоруссия”, 1.08.1989: 3-5.

Данный дискурс отражал иногда противоречивые и абсурдные ситуации на пострадавших территориях: перенаправление чернобыльских средств на другие объекты строительства (Могилевская область – строительство корпуса машиностроительного Института, реконструкция Дома культуры в Осиповичах) или постройка домов и попытка переселения людей из загрязненных территорий в загрязненные (с. Майское, Чериковский район), в 1986 году 26 населенных пунктов в Гомельской области были размещены на территории с плотностью загрязнения от 5 до 15 кюри на 1 км², а 4 поселка построены в местах с большим загрязнением.

В данном дискурсе *Чернобыль* также представлялся как комплекс государственных мер, предпринятых для ликвидации последствий, которые заключаются в дезактивации, вывозе загрязненного грунта, асфальтировании, обеспечении чистыми продуктами и мероприятиях по очистке сельскохозяйственных угодий, а также в мероприятиях по обеспечению чистой водой.

Чернобыль формируется и через представления последствий для здоровья человека, которые выражаются в увеличении определенных заболеваний, у определенных групп населения, а также в мероприятиях Минздрава СССР. Так по утверждению Минздрава СССР, данные мероприятия, проведенные в ближайшие два года после аварии на ЧАЭС, позволили сократить дозы облучения щитовидной железы у людей в 5-20 раз (внешнего в 2,5, а внутреннего в 10-15 раз). По данным 1989 года на специальном диспансерном учете состояло 173 тысячи человек (из которых 37,4 тысячи детей), обследовались 98%. “Результаты этого обследования свидетельствуют об отсутствии непосредственно связанных с радиацией изменений в состоянии здоровья людей за истекшие три года после аварии. Имеет стойкую тенденцию к снижению детская смертность”. Однако, “вместе с тем расширение с 1986 года объема медицинских исследований детей, подвергшихся радиационному воздействию, способствовало выявлению ряда отклонений в состоянии здоровья, не регистрируемых в доаварийные годы”, в частности речь идет об анемическом синдроме, вегетативно-сосудистой дистонии, гиперплазии щитовидной железы 1 и 2 степени. Согласно данному докладу, достоверной разницы в частоте этих отклонений у групп детей, проживающих на территориях с различной степенью загрязнения цезием, не выявлено.

В данном докладе также отражается тот факт, что *Чернобыль* связан с мобилизацией научного знания для принятия политических решений: необходимость научного проверенного знания, как для вынесения политических решений, так и для сведения нестабильности и неуверенности власти к минимальному. Поэтому задействовано большое количество институтов, некоторые из которых были специально созданы, потому что до сих пор не существовало таких проблем, то есть не было эмпирического материала для изучения: 19 академических институтов Академии наук БССР, 10 институтов Минздрава БССР и 9 из системы Госагропрома БССР. Специально созданы Институт радиобиологии АН БССР, Институт радиационной медицины, в Гомеле – филиал всесоюзного Научно-исследовательского института сельскохозяйственной радиологии. Координацию всех работ осуществляет Академия наук БССР.

Программа, предложенная Евтухом в данном докладе, не была принята на 11 сессии Верховного Совета, и уже на 12 сессии Верховного Совета продолжились дискуссии по поводу принятия данной программы. Если на 11 сессии впервые публично были озвучены некоторые данные по последствиям Чернобыльской катастрофы для Беларуси, то во время 12 сессии были озвучены некоторые противоречия, позволяющие нам говорить об альтернативном дискурсе *Чернобыля*. В частности Евтухом были озвучены те меры, которые должно предпринять правительство БССР в области переселения,⁸⁰ а также необходимость принятия концепции безопасного проживания населения на пострадавших территориях: “При этом в концепции, включенной в рассматриваемый сегодня проект программы, в полной мере учтено положение, изложенное в принятом на прошлой сессии постановлении ВС БССР о том, что проживание людей нецелесообразно там, где при осуществлении научных, агротехнических и других мер нельзя добиться получения чистой сельскохозяйственной продукции”.⁸¹ Таким образом, мы можем говорить о том, что в парламенте начинает постепенно складываться противостояние “центральному” видению постчернобыльских проблем.

⁸⁰ Архив Верховного Совета №968, опись 1, дело 2145 “Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25-27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 года”, лист 18.

⁸¹ *Ibid*, лист 14-15.

Данный дискурс поддерживается и в выступлении председателя Комиссии по вопросам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС депутата Смоляра: “Однако наша комиссия не смогла принять и согласиться с такими положениями 92 ученых: когда пытаются внедрить “принципы нормирования облучения”, которые не исключают радиационного риска, не спросив согласия у людей, когда сравнивают людей, “проживающих вокруг атомных объектов”, которые добровольно поселились в этих зонах и тех “невольников”, на которых выпали радиоактивные изотопы. Конечно, все это очень научно и профессионально, но не очень гуманно по отношению к человеку, попавшему в такую беду”.⁸² В данном дискурсе появляется элемент не только противостояния центральным органам власти, пропагандирующим концепцию 35 бэр, но и элемент гуманного видения *Чернобыля*, которая позже будет отражена в научном дискурсе.

Следует также добавить, что действительно чернобыльские проблемы Беларуси практически не решались на высшем центральном уровне. Так, например, в докладе на 2 сессии ВС СССР первого зампреда Совета Министров Воронина Л.А. “О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1990 год” практически ничего не говорится о мерах необходимых для принятия в Белоруссии, *Чернобыль* лишь упоминается как одна из сложных проблем, требующих повышенного внимания.

Рассматривая дальнейшее формирование чернобыльского дискурса “преодоления”, следует остановиться на работе Верховного Совета 12 созыва. Принятие Верховным Советом БССР 12 созыва 19 июля 1990 года постановления “О мерах по ускорению реализации Государственной программы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС” являлось одним из первых шагов по формированию чернобыльской политики в Беларуси. В данном постановлении можно выявить главные составляющие дискурса *Чернобыля* в начале 1990-х годов. Прежде всего, следует отметить, что начинает формироваться восприятие *Чернобыля* как катастрофы, не имеющей ограничения, “затронувшей судьбы миллионов людей, практически все сферы общественной жизни, многие аспекты науки и производства, культуры, морали и нравственности”.⁸³ Следует также обратить внимание на то,

⁸² *Ibid.*, лист 36.

⁸³ Постановление ВС БССР от 19 июля 1990 “О мерах по ускорению реализации Государственной программы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС”.

что начинают формироваться некоторые аспекты новой политики через процесс осуждения уже предпринятых мер как возможности обозначить прерывность с предыдущими практиками и начало национальной политики. Происходит, например, смена названия государственной программы, принятой в 1989 году, с “ликвидации” на “преодоление” последствий, как не отвечающей реальному состоянию дел. А также объявление БССР зоной национального экологического бедствия, как особой территории, требующей определенного правового режима.

Именно в этот период происходит формирования институтов, призванных разрабатывать и реализовывать национальную чернобыльскую политику – Госкомитет БССР по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и национальная комиссия по радиационной защите населения при Совете Министров БССР. Намечается также перераспределение ресурсов и функций и усиление национального компонента в чернобыльской политике: “Уменьшить поставки в союзный фонд мясопродуктов и молокопродуктов, а также техники, оборудования и материалов, перенаправить в пострадавшие районы”. В частности, в данном документе Совмин БССР приобретает новые полномочия и получает право приостанавливать отчисления от общегосударственных доходов и налогов в союзный бюджет в случае не выделения правительством СССР средств; приостанавливать на территории республики действие нормативных и оперативно-распорядительных актов министерств, государственных комитетов и ведомств СССР в случаях, препятствующих выполнению Государственной программы. Также при Совмине БССР была образована специальная комиссия по определению экономического ущерба, понесенного республикой в результате катастрофы на ЧАЭС.

Кроме этого в данном документе был прописан принцип информирования населения: обеспечивать полную информацию населения республики по радиационно-экологической ситуации и ходе реализации мер. Также были предприняты первые шаги по формированию исторического восприятия *Чернобыля*: создание Государственной историко-культурной экспедиции по спасению памятников истории и культуры в районах, пострадавших от аварии. Важность чернобыльских последствий подчеркивает также мера по введению в программы школ, ПТУ, техникумов и вузов изучение действий ионизирующего

излучения на организм человека, правила поведения на загрязненных территориях, мерах и способах профилактики.

Дискурс “преодоления” формируется в данных институциональных и политических рамках, а именно в условиях изменяющейся политической системы и в условиях возможности институционального воздействия, а именно Верховного Совета, используя демократические и легитимные средства.

Однако необходимо отметить очень важный аспект, характеризующий данный период начала формирования *Чернобыля* как публичной проблемы и как части политического дискурса: действия основных акторов, старавшихся говорить и действовать от имени *Чернобыля* (писатели, врачи, ученые), имели целью воздействовать на политические институты принятия политических решений, а не на общественный сектор, поскольку именно политические институты могли принять решение для уменьшения влияния чернобыльских последствий на население и на окружающую среду. Практически единственной возможностью влияния на политический процесс являлось институциональное воздействие.

В качестве примера формирования альтернативного дискурса *Чернобыля*, мы можем привести дискурс Алеся Адамовича, писателя, депутата, который один из первых заявил о существовании постчернобыльских проблем на территории Белоруссии. Можно сказать, что, используя различные средства и трибуны, письма политическим лидерам, депутатские запросы, статьи в прессе, выступления на конференциях, встречи с учеными и руководителям, Адамович сформировал основную логику альтернативного дискурса *Чернобыля*, основанную на идее выживания и борьбы за жизнь, на идее невозможности ликвидировать последствия аварии на ЧАЭС: “Чернобыль – не сзади, он впереди. На десятки, а то и на сотни лет впереди. В социальном, медицинском и психологическом смысле. Это глобальная катастрофа, без преувеличения, самая большая в 20 веке. “Ликвидировать последствия” Чернобыля просто невозможно. Вопрос состоит в том, как хотя бы адаптироваться к тем условиям, которые созданы на огромных территориях “мирным атомом” и как сделать терпимым и возможным жизнь для миллионов белорусов, украинцев и русских” (Адамович 1992: 52).

Проанализировав некоторые письма, выступления и статьи Алеся Адамовича (1992) можно сказать, что чернобыльский дискурс “преодоления”

формировался, используя сначала антигосударственную, а затем и антикоммунистическую критику: в первую очередь, речь идет о критике республиканских и центральных органов власти не только в поставарийный период, но особенно в период переселения жителей с пострадавших территорий (Адамовіч 1992: 5). Можно предположить, что критика или антигосударственный характер станет одной из главных тем дискурса-коалиции “преодоления”. Важными составляющими дискурса “преодоления” также является дискурс о здоровье нации, “под вопросом само существование (физическое) десятиmillionного народа” (Адамовіч 1992: 5), драматический дискурс или дискурс о трагедии, масштабы которой сопоставимы с событиями Второй мировой войны, “если не будут приняты меры, не будет сделано в короткие сроки то, что абсолютно необходимо сделать (согласно ученым), еще миллионы людей в Беларуси будут страдать (а многие погибнут), и тогда можно будет сказать, что случилась трагедия – намного страшней той, которую наш народ пережил в 1941-1944-м”; антиядерный дискурс, с акцентом на ответственность за “мирный атом”, “страна, народ не смогут выдержать еще чего-то похожего на Чернобыль, того, что сегодня выпало на судьбы миллионов людей. Нужно было бы подумать про это энтузиастам из управления ядерной энергетикой, которые размышляют по телевидению и в прессе про то, что все будет, как было, что все отлично” (Адамовіч 1992: 8).

Для формирования дискурса *Чернобыля*, альтернативного дискурсу “ликвидации”, важным для акторов становится приобретение институционального статуса – депутата местного Совета, депутата Верховного Совета и народного депутата СССР. Верховный Совет БССР и РБ, а с 1995 года Национальное собрание РБ, является главным законодательным органом Республики Беларусь, а также в первой половине 1990-х годов являлся главным политическим институтом, где формировалась повестка дня и решались наиболее значимые вопросы в жизни общества. Данный политический институт являлся местом публикации социальной проблемы и отправной точкой для образования государственной политики. Именно в данном “месте” и начинает формироваться *Чернобыль* и как публичная проблема, и как альтернативный дискурс. С точки зрения как институционального влияния на принятие решений в области чернобыльской политики, так и формирования дискурса-коалиции

“преодоления” определяющим стали выборы народных депутатов СССР в 1989 году и выборы народных депутатов в Верховный Совет БССР в 1990 году.

5.1.2. *Чернобыль* в дискурсе БНФ

Белорусский Народный Фронт (БНФ) является как важным актором институционального воздействия на формирование чернобыльской политики, так и активным участником дискурс-коалиции “ликвидации”. БНФ прошел путь от общественного движения к политической партии и остается сегодня одной из самых активных политических партий в современном политическом пространстве. Можно также отметить, что для БНФ *Чернобыль* стал не только артикулируемой острой общественной проблемой, но и идейной платформой и средством для социальной и политической мобилизации: “Роль БНФ во второй половине 80-х годов была очень важной. (...) Как всенародный, фронт имел функцию раскрыть определенные темы и довести до общественности, добиться гласности, организовать определенный прессинг. БНФ был объединяющим движением в целях демократизации” (Зам, Минск 16.11.2007).

Чернобыль появляется в программе Белорусского Народного Фронта “Адраджэньне”⁸⁴ (раздел “Экология”, п.6, 1989 год); в 15 пунктах предвыборной платформы Белорусского Народного Фронта “Адраджэньне” перед выборами в народные депутаты СССР (весна 1989 год, пункт 7); в Платформе Белорусского Народного Фронта “Адраджэньне” к выборам в Верховный Совет 12 созыва 1990 года (пункт 6). Таким образом, “последствия катастрофы на ЧАЭС” стали одним из направлений деятельности БНФ, а также составной частью националистического дискурса, потому что *Чернобыль* стал в один ряд с вопросами национального возрождения, языка и культуры.

В программе 1989 года *Чернобыль* появляется в разделе “Экология” наряду с требованиями улучшения экологического состояния многих районов Беларуси, а также обеспокоенностью концентрацией экологически опасных производств. В данном разделе *Чернобыль* формируется как дискурс последствий катастрофы и выражается в требованиях, мерах и рекомендациях, которые нужно выполнять и которым нужно следовать: контроль за радиационной обстановкой в республике, за средой и продуктами питания; запрет производства в зараженных зонах; введение льгот и доплат населению и

⁸⁴ “Возрождение”. В 1988 году Белорусский Народный Фронт не был зарегистрирован как политическая партия и существовал как общественная организация Белорусского Народного Фронта “Адраджэньне”.

моратория на строительство АЭС в Беларуси. *Чернобыль* в данном дискурсе – это не просто событие и совокупность последствий, это “зона экологического бедствия”, “античеловеческая практика”, “уголовная ответственность чиновников”, попытка таким образом обозначить не только последствия катастрофы ЧАЭС для Беларуси, но и зафиксировать *Чернобыль* в социальных и политических практиках, придать ему символические значения.

Если в предвыборной платформе БНФ 1989 года *Чернобыль* представляется как дискурс последствий для Беларуси, которые необходимо решить, то в предвыборной платформе 1990 года *Чернобыль* формулируется уже как антисистемный, антигосударственный и антиядерный дискурс, приобретая все больше элементов националистического дискурса: “Чернобыльская катастрофа безжалостно выявила наше истинное положение в Союзе – положение полуколонии, которая поставляет центру сельскохозяйственные продукты и товары промышленности, а сами мы должны покорно ждать, пока этот центр выделит нам помощь в Чернобыльском горе. (...) После Чернобыля духовного, разрушившего нашу культуру во время сталинщины, после Чернобыля радиационного, поставившего точку в истории “развитого социализма”, над нашим народом нависла угроза страшной катастрофы – развала народного хозяйства, взрыва преступности, голода и страданий” (Терешкович, Лебедев 1991: 200). Следует также отметить, что именно дискурсу “преодоления” свойственна метафоричность, а именно сравнение и переложение смыслов на другой объект. Так в дискурсе “преодоления” *Чернобыль* приобретает практически нарицательное значение *разрушения, истребления и ликвидации*. И если в дискурсе БНФ в начале 1990-х употребляется словосочетание *Чернобыль духовный, Чернобыль культурный*, то уже к концу 1990-х в дискурсе БНФ активно используется словосочетание *Чернобыль политический*, отражая период политического давления и невозможность участия в политике. В данном контексте необходимо добавить, что именно участники дискурс-коалиции “преодоления” формируют смысл и значение *Чернобыля* как ликвидации, а именно как интерпретации действий и дискурса участников дискурс-коалиции “ликвидации”.

Возвращаясь к политическому дискурсу программы БНФ (1990), нужно также выделить следующие элементы, наполняющие и дополняющие дискурс “преодоления”. Речь идет, во-первых, о дискурсе против концепции 35 бэр,

именующим эту концепцию как антигуманную: “БНФ отрицает ненаучную антигуманную концепцию “35 бэр за жизнь” и поддерживает концепцию белорусских ученых, согласно которой людям нельзя жить там, где нельзя получать сельскохозяйственную и другую продукцию”. И, во-вторых, речь идет об антикоммунистическом дискурсе и дискурсе ответственности, обвиняющем партийный аппарат в преступлении против человечности: “Чиновники партийного аппарата, руководство БССР более трех лет утаивали от населения Белоруссии и всего мира результаты Чернобыльской катастрофы и реальные масштабы опасности, чем нанесли непоправимый ущерб здоровью людей. БНФ расценивает это как преступление против человечности и требует привлечь к уголовной ответственности руководящих работников, виновных в преступном засекречивании и сознательном искажении информации” (Терешкович, Лебедев 1991: 201, ст.6).

В программе БНФ, принятой 1 декабря 2002 года, *Чернобыль* упоминается в разделе “Экологическая политика” в качестве требований и рекомендаций для минимизации катастрофы на ЧАЭС. Из данных требований, составляющих дискурс БНФ, следует выделить, прежде всего, необходимость ввести программу лечения всего населения, а не только потерпевшего в результате аварии. В данном дискурсе прослеживается попытка показать влияние *Чернобыля* не только на определенные группы, но и на все население. То есть не только зафиксировать присутствие *Чернобыля*, но и расширить его. Необходимо также обратить внимание на требование о необходимости вывести из эксплуатации все зараженные земли, где нельзя получать чистую продукцию. Данный элемент дискурса, с одной стороны, отражает непринятие решения власти о возрождении пострадавших территорий, а с другой стороны, показывает приверженность концепции белорусских ученых начала 1990-х, то есть не признает в качестве научно легитимной концепцию, действующую на данном этапе. *Чернобыль* сохраняет в дискурсе БНФ значение антигосударственного дискурса, что и составляет основу дискурса-коалиции “преодоления”, однако теряет некоторые элементы националистического дискурса. Дискурс *Чернобыля* в программе БНФ направлен, прежде всего, на его политическую капитализацию, а именно сохранение *Чернобыля* в политической повестке.

Говоря о деятельности БНФ, политической и социальной мобилизации, и формировании дискурса “преодоления” необходимо также упомянуть о Чернобыльском марше, массовой политической акции, которая обращается к теме *Чернобыля*.

В данном контексте важно выяснить, как *Чернобыль* представлялся в данном действии, как его использование и значение менялось, и с чем данное значение коррелировало, с политической ситуацией, позицией политических партий или ученых. Чернобыльский марш важен не только с точки зрения социальной мобилизации, но и с точки зрения того, какое значение приобретает *Чернобыль* после публицизации, выхода данной темы из кабинетов чиновников, заседаний и слушаний депутатов, лабораторий ученых.

Первый Чернобыльский марш состоялся 30 сентября 1989 года в Минске с участием жителей пострадавших территорий, организованный БНФ. Этому мероприятию предшествовал митинг-реквием, организованный 26 апреля 1986 года около Дома Правительства. Чернобыльский марш собрал около 30 тысяч людей и был одной из самых массовых акций в истории социальной мобилизации в независимой Беларуси. Проведение данной акции вызвало сопротивление властей, которые в этот день назначили субботник и всячески противились пропускать автобусы из зараженных регионов в Минск (Marples 1996: 121; Наумчик 2006:26).

Начиная с самой первой акции 1989 года, *Чернобыль* приобретает смыслы и значения национальной и народной трагедии, выраженные не только в символической составляющей, но и в требованиях к государству по реализации чернобыльской политики. Что касается именно символики данного шествия, то использовались символы трагедии, траура и потери. Участники шествия несли большие транспаранты черного цвета с написанными на них названиями районов Беларуси и их уровнем радиации, показывая тем самым не только масштаб происшедшего, но и то, что *Чернобыль* – это все еще существующая опасность (Адамович 1992: 78).

В “Резолюции народного шествия и митинга “Чернобыльский путь” чернобыльские последствия презентуются как бездействия властей, которые привели не только к ухудшению здоровья, но и появлению чувства опасности и тревоги у большей части населения: “Для нашей нации нет сегодня беды больше, чем эта угроза вырождения, физической смерти. Бездействия властей,

дезинформация и замалчивание истинной опасности породила неуверенность в будущем, страх за жизнь и судьбу своих детей. В республике, особенно в зараженных зонах, нервное положение. Люди Белоруссии ощущают себя объектами преступных медико-биологических исследований” (Терешкович, Лебедев 1991: 267).

Что касается требований к правительству, то они практически полностью соответствуют требованиям, представленным в предвыборной платформе БНФ к выборам народных депутатов 1989 года: недоверие к концепции “35 Бэр” и поддержка концепции белорусских ученых; необходимость переселения жителей пострадавших территорий; необходимость возбудить уголовное дело против руководителей республики. Отдельно следует отметить, тот факт, что в данном обращении *Чернобыль* увязывается с необходимостью политических преобразований, и приобретает, таким образом, значение маркера трансформации советской системы: “Спасение народа от чернобыльской радиации невозможно без демократизации политической системы и создания правовых взаимоотношений в обществе” (Терешкович, Лебедев 1991: 269).

Таким образом, *Чернобыль* представляется не только как антигосударственный дискурс, но и как дискурс преобразования и трансформации системы, то есть как дискурс оппозиционный существующему политическому режиму. Именно это значение *Чернобыля* и становится доминирующим в проведении Чернобыльских маршей, которые привлекают практически все оппозиционные политические силы. И если в период с 1989 по 1995 год Чернобыльский марш апеллирует к *Чернобылю* как трагедии, требующей принятия срочных мер, то уже начиная с Чернобыльского марша 1996 года, значение *Чернобыля* как символа сопротивления режиму усиливается, потому что начинает меняться сам политический режим с приходом к власти Лукашенко. Так, Чернобыльский марш 1996 года был разогнан властями в жестокой форме и стал символическим началом борьбы против режима Лукашенко. *Чернобыль* становится символом оппозиции политическому режиму. Если в конце 1990-х годов это был советский режим, то в настоящее время речь идет о режиме Лукашенко. *Чернобыль* приобретает значение не только события, но и явления, феномена, объединившего людей против действия властей.

Чернобыльский марш 2006 года, в двадцатилетнюю годовщину аварии на ЧАЭС, отразил практически полное смещение смыслов *Чернобыля* в сторону символа политической борьбы. В 2006 году состоялись президентские выборы, завершившиеся поражением объединенных демократических сил. Поэтому Чернобыльский шлях 2006 года прошел под лозунгами “За свободу”, “У Беларуси две беды – Чернобыль и Лукашенко”, “Нас убивает радиация и диктатура”, “Остановим диктатуру!”. Один из лидеров политической оппозиции, Сергей Калякин, во время проведения митинга четко обозначил данный переход от *Чернобыльской катастрофы* к *Чернобылю политическому*: “20 лет назад произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС. 10 лет назад начался политический “Чернобыль”. Когда был разогнан законно избранный парламент, и к власти пришли люди, которые опираются не на закон, а на насилие” (Белорусская деловая газета 27.04.2006).

После празднования 20-летней годовщины в 2007 году организаторы марша попытались сместить акценты и придать данному мероприятию символическое значение как неполитической акции памяти: “Нам нужно понять, что Чернобыль — это не политическая акция с целью еще раз сказать свое “фе” президенту, пройти по улицам и тому подобное. Чернобыль — это общая беда белорусского народа, которая длилась, длится и будет продолжать длиться” (Товарищ 20.04.2007). В 2009 году состоялась самая малочисленная акция “Чернобыльский марш” с участием не только традиционных оппозиционных политических сил, но и анархических. Главной темой данного митинга стал антиядерный дискурс против политического решения о строительстве АЭС в Беларуси. Основными лозунгами “Чернобыльского марша” были: “На АЭС ушел бюджет, на зарплаты денег нет!”, “Чиновники – воры, политики – лжецы! За доллары копают могилу для страны!”, “Долой АЭС! Долой радиацию!”, “Страна без АЭС! Страна без уродов!”, “Мы сильнее и мы победим!”, “Мы требуем альтернативы!”.

Чернобыльский марш выступает не только мобилизующим и политическим средством в руках оппозиционных сил, но и своеобразным барометром политической и социальной ситуации. *Чернобыль* приобретает значение и символический окрас в зависимости от складывающейся конъюнктуры в публичном пространстве и политических отношениях в Беларуси: “Проблема в том, что БНФ пытался чисто использовать Чернобыль для своей классовой и

национальной идеи, борьбы с системой. Характерно, что проводится Чернобыльский шлях до сих пор, очень политизированный, и к Чернобылю никакого отношения не имеет. И я не помню, чтобы за последние 10 лет, кто-нибудь из БНФ всерьез занимался бы Чернобыльской политикой на уровне концепции безопасного проживания. В общественном представлении не видно этой работы, если только под оболочкой Чернобыльского шляха. Очень ограниченная форма идеи Чернобыля, в которую не интегрирована работа с сегодняшними подходами к проблеме” (Зам, Минск 12.07). *Чернобыль* в дискурсе БНФ трансформировался из мощного символического источника социальной и политической мобилизации начала 1990-х годов в средство ограниченного воздействия на политические отношения в Беларуси на современном этапе.

5.2. Гуманный научный дискурс

Альтернативный научный дискурс или дискурс “преодоления” последствий начал формироваться еще в период БССР и связан с противостоянием белорусских ученых принятию концепции “35 бэр”. В данном контексте важным является то, что концепция 35 бэр стала образцом сопротивления в научном сообществе и заложила основы дискурса, альтернативного официальному дискурсу “ликвидации”. Даже на современном этапе сопротивление официальной научной концепции выражено в дискурсе или языке сопротивления “35 бэр”.

Прежде всего, нужно напомнить, что научный дискурс белорусский ученых в конце 1980-х годов был поддержан институционально Верховным Советом как дискурс альтернативный концепции “35 Бэр”, обоснованность которой ставилась под сомнение: “Группа ученых, а их всего 92 человека, недавно направили письмо по вопросам, связанным с проживанием на загрязненной территории, в адрес Михаила С. Горбачева. В нем предпринята попытка убедить ВС СССР силой ученых степеней и ученых званий в том, что нам ничего не грозит, что пострадавшая земля чуть ли не райский уголок. Кто и когда дал право решать им, хотя и со степенями, нашу судьбу? Почему так интенсивно на сегодняшний день оправдывается 35-бэрная концепция? Я присутствовал на заседании президиума АН СССР, когда обсуждалась эта концепция. Академик Анатолий Петрович Александров сказал так: “Давайте не будем спорить по поводу этой концепции, а примем эти 35 бэр. Пройдет время,

потом посмотрим, вредно это, не вредно, может эта цифра измениться у нас, изменится в МАГАТЭ»⁸⁵.

На заседании Верховного Совета СССР 25 апреля 1990 года было принято постановление по проблемам ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, в котором был обозначен ряд положений, позволивших развитие научных и публичных дискуссий о концепции проживания на загрязненных территориях. Во-первых, данным постановлением, была одобрена, но не утверждена программа БССР по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, основанной на концепции белорусских ученых, а не на концепции “35 бэр”, что отражает некоторую институциональную поддержку ВС СССР. Во-вторых, было принято решение о разработке комплексного подхода к ликвидации последствий для всех пострадавших республик. В-третьих, данным постановлением была создана рабочая группа АН СССР, БССР и УССР по разработке альтернативной “гуманной” концепции, которая должна предоставить результаты работы в октябре 1990 года. В поддержку концепции белорусских ученых выступил президент АН БССР академик Платонов В.П., который так охарактеризовал новый подход к чернобыльским последствиям: “Ошибочность представления о том, что авария на ЧАЭС – это авария, последствия которой можно ликвидировать. Масштабы аварии таковы, что можно говорить только о возможности минимизации ее последствий” (Навіны бларуская акадэміі, 21.09.1990: 2).

Институциональная поддержка белорусских ученых позволила утвердиться белорусской концепции безопасного проживания против концепции “35 бэр”, а также оформиться в политический вызов для советской системы. Так в Концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная Президиумом Академии наук БССР в 1990 году были обозначены научные нормативы и показатели, такие, как предел облучения⁸⁶ для проживания на пострадавших

⁸⁵ Выступление депутата Кашперко на 12 сессии ВС БССР. Архив Верховного Совета №968, опись 1 дело 2145 “Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25-27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990-1995 года”, лист 52.

⁸⁶ “...предел облучения, который не должен превышать 0,1 бэр (1 мЗв) в год. Указанный предел облучения может достигаться поэтапно: 1991 г. – 0,5 бэр (5 мЗв) в год; 1993 г. – 0,3 бэр (3 мЗв) в год; 1995 г. – 0,2 бэр (2 мЗв) в год; 1998 г. – 0,1 бэр (1 мЗв) в год”. Концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная Президиумом Академии наук БССР в 1990 году.

территориях и разделении на зоны⁸⁷, но были приняты общепологающие принципы, формирующие чернобыльскую политику. Данная концепция была названа “гуманной концепцией”. Речь идет, прежде всего, о том, что в данной концепции было утверждено, что, во-первых, любая даже самая малая доза радиации влияет на здоровье человека, и что, во-вторых, необходимо поэтапное переселение пострадавшего населения. В подтверждение первому принципу был введен термин о *приемлемом риске*, заменивший и принцип абсолютной безопасности эксплуатации ядерной энергии, и принцип порогового значения дозы радиации влияния на здоровье человека: “Любая, даже самая малая дополнительная доза радиации, не является безопасной для живого организма, что требует обязательного принятия мер по ее снижению (международно-признанный принцип АЛАРА). В связи с этим следует говорить не об абсолютной безопасности, а о приемлемом риске” (Концепция безопасного проживания 1990).

Другими словами, было установлено, что радиация представляет собой опасность для здоровья человека и любая радиационная обстановка не может определяться как абсолютно безопасная и должна рассматриваться как ситуация с определенной степенью риска. Утверждение данных принципов восприятия последствий Чернобыльской катастрофы определило не только формирование чернобыльской политики, но повлияло также на восприятие чернобыльских проблем самими публичными акторами.

Принятию данной концепции предшествовали дискуссии, которые отразили разницу в ценностном и научном подходе к объяснению и решению постчернобыльских проблем. Дискуссии касались в основном принципа проживания: проживать нельзя там, где нельзя производить чистую продукцию. Принятие данного принципа кардинально меняло не только чернобыльскую

⁸⁷ Зона отчуждения – зона отселения в 1986 г., прилегающая к территории ЧАЭС; зона обязательного отселения – территория с плотностью загрязнения почв по цезию-137, стронцию-90 и плутонию, соответственно 40, 3 и 0,1 ки/кв.км.; зона отселения – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137, стронцием-90 и плутонием, соответственно от 15 до 40, от 2 до 3 и от 0,05 до 0,1 ки/кв.км., где доза облучения человека может превысить 0,5 бэр/5 мЗв/в год; зона с правом на отселение – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137, стронцием-90 и плутонием, соответственно от 5 до 15, от 0,5 до 2 и от 0,01 до 0,05 ки/кв.км., где допустимый предел облучения населения превышает 0,1 бэр/1 мЗв/в год; зона проживания с периодическим контролем – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 1 до 5 ки/кв.км., где допустимый предел облучения человека не должен превышать 0,1 бэр/1 мЗв/в год. Концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная Президиумом Академии наук БССР в 1990 году.

политику на данном этапе (это требовало принятия скорейших мер по переселению), но и само восприятие *Чернобыля*, переводя чернобыльские проблемы из краткосрочных в долгосрочные, что не совсем соответствует логике “ликвидации последствий”. Также принятие данного принципа предполагало изменение концепции влияния радиации, а именно: измерять ее эффекты не по уровню загрязнения почвы, а по накопленным дозам. Данный принцип меняет сам подход к чернобыльской политике, а именно изменяет классификации и категоризации населения, степени и способы вмешательства, а также виды радиационной защиты пострадавшего населения. Таким образом, население классифицируется не по территориям проживания, а по накопленной дозе: ликвидатор, участвовавший в работах в 1986 году и житель территории с уровнем загрязнения более 40 Ки/км² составляют одну “чернобыльскую” группу (Зам, Минск 16.11.07).

Научный дискурс “преодоления” формируется в противостоянии дискурса “ликвидации”. Особенно это становится очевидным в период обсуждения и принятия Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии. Принятию данной концепции предшествовали научные дискуссии, а также разработка альтернативных концепций. К такой, в частности, можно отнести концепцию профессора Нестеренко от 1993 года, которая продолжала внедрение принципов гуманной концепции. К данному принципу можно отнести дискурс о влиянии защитных мер, согласно которому наряду с положительным эффектом данное влияние может повлечь и другие последствия: “Реализация защитных мер является вмешательством, которое наряду с положительным эффектом снижения уровня облучения может повлечь за собой экономический и экологический ущерб, а также психологическое воздействие за счет изменения образа жизни населения, в том числе риск неблагоприятного воздействия на его здоровье. Поэтому при принятии решений о вмешательстве должен учитываться не только его предполагаемый положительный эффект, но и негативные последствия самого защитного мероприятия (облучение участников ликвидации радиоактивного загрязнения, экономический ущерб)” (Нестеренко 1993).

Также аргументом научного дискурса “преодоления” является отрицание восстановительного периода для чернобыльской политики в Беларуси начале 1990-х годов: “При производстве сельхозпродукции и продуктов питания не удалось существенно снизить долю продукции с содержанием радионуклидов выше РДУ-92, не удалось снизить значительный дальнейший рост коллективной дозы облучения. (...) В последние годы из-за недостаточного внесения минеральных удобрений в общественном сельхозпроизводстве и личных хозяйствах жителей населенных пунктов в районах пострадавших от чернобыльской катастрофы, сохраняется высокая доля продуктов с содержанием радионуклидов Cs-137 выше РДУ-92. (...) Анализ динамики состояния здоровья населения в 1993 году по сравнению с 1992 годом показывает, что стабилизации также нет”.⁸⁸ Данный аргумент является важным для научного дискурса “преодоления” потому, что, во-первых, выражает противостояние официальному дискурсу Концепции защитных мер в восстановительный период, а во-вторых, указывает на то, что логика научного дискурса «преодоления» последствий катастрофы на ЧАЭС состоит именно в утверждении последствий и их влияния на территорию и населения в долгосрочной перспективе.

На современном этапе научный дискурс “преодоления” в меньшей степени формирует *Чернобыль* в рамках научного дискурса, *Чернобыль* в большей степени появляется в рамках дискурса просвещения, дискурса оппонентного не столько научному знанию, сколько действиям власти: “Все стараются меньше знать, меньше знаешь – крепче спишь. Если бы люди были подкованными... Вот мы собираемся просветить людей, показать что это такое, зачем это, научить людей выживать в условиях, в которых ведь можно выжить, ведь не все губительно. (...) Власть думает, что она будет жить, что ее это не касается. Стронций будет бить всех подряд, вариантов нет. Я статью недавно выдал в “Народной воле”, написал, что нет системы радиационной защиты населения. А мы создали эту систему и предоставим ее, надо ввести в действие, защитить Беларусь. Ледовые дворцы, библиотека, а для кого? (...) Пустейшие программы, Гомельский институт сельскохозяйственной радиологии, медицинский центр,

⁸⁸ Рецензия профессора Нестеренко В.Б. (без указания даты), Замечания группы ученых, Збаровский, Лепин, Малько, Нестеренко от 21 декабря 1995 года (из личного архива Астрид Зам).

есть вывеска, есть оборудование, есть здание, но нет людей, специалистов” (Никитченко, Минск 17.10.07).

Научный дискурс “преодоления” или гуманный дискурс основывается, прежде всего, на научном обосновании последствий влияния радиации на человека и окружающую среду. Следовательно научное знание выходит на передний план в конструировании дискурса о чернобыльских последствиях и мерах чернобыльской политики, который выражен, как уже было выше отмечено, в научных концепциях. Важен также в научном дискурсе “преодоления” ценностно-ориентированный подход, ставящий в центр дискурса заботу о человеке, о его безопасности и здоровье. Дискурсы о приемлемом риске, а также о принципе проживания являются главными аргументами гуманного научного дискурса. Также следует отметить, что научный дискурс “преодоления” формировался именно в условиях научных дискуссий и имел значение только в определенном противостоянии. Как самостоятельный научный дискурс он не имеет того значения для формирования чернобыльской политики, так как на данный момент не имеет институциональной поддержки. Другими словами, можно сказать, что ввиду государственной монополизации научного знания о *Чернобыле*, альтернативный научный дискурс не имеет возможности дополняться научными исследованиями. Именно поэтому научный дискурс “преодоления” находит не научную институциональную поддержку, а политическую, в частности в структурах политических партий.

5.3. Чернобыль в дискурсе общественных организаций

Необходимость преодоления последствий катастрофы на ЧАЭС привело к появлению и созданию организаций нового типа – организаций помощи, благотворительных фондов, организаций психологической поддержки. В советский период не было таких организаций, поэтому и не было опыта их функционирования. После 1991 года в Беларуси происходили социально-политические процессы, которые во многом способствовали возникновению гражданского сектора. Причинами были: ослабление политического контроля со стороны государства, увеличение гражданских инициатив, социальная мобилизация, связанная с ростом антикоммунистических и националистических настроений и с раскрытием правды о событиях в

Чернобыле и Куропатах.⁸⁹ Непосредственно этот период был наиболее благоприятен для появления данных общественных организаций. Начиная с 1991 года в Беларуси начинает появляться большое количество общественных организаций, связанных с участием в преодолении последствий катастрофы на ЧАЭС и с экологической тематикой.

Как отмечает Raviot, тема экологии и экологических кризисов являлась идеологическим и стратегическим инструментом советской власти для легитимизации политической и экономической системы (Raviot 2001). Raviot показывает, каким образом на разных этапах в СССР, в 1950-е, 1970-е и 1980-е годы экологические проблемы и защита окружающей среды представляли собой плодотворную почву для того, чтобы “оживлять и реориентировать” советскую идеологию. В период начала 1990-х данная тема, свободная от советской идеологии, начала использоваться экологическими и чернобыльскими организациями.

Развитие чернобыльских и экологических организаций в данный период было обусловлено и участием западных стран в развитии демократических процессов в Беларуси, готовых работать, прежде всего, с гражданским сектором, а не с государственными институтами. Некоторые авторы склоняются к убеждению, что развитие общественных организаций в Беларуси, в частности формирование сектора чернобыльских общественных организаций, было в большей степени связано с ролью внешних акторов (иностранных фондов и организаций), которые не хотели сотрудничать с органами власти и поддерживали развитие деятельности НПО: “Стремление советских властей умалить масштаб последствий Чернобыльской катастрофы привело к тому, что многочисленные зарубежные инициативы демонстрировали желание сотрудничать исключительно с НПО с тем, чтобы оказывать помощь непосредственно пострадавшим лицам” (Зам 2006: 105).

⁸⁹ Куропаты – это урочище в лесном массиве около Минска, где были обнаружены массовые захоронения расстрелянных в конце 1930-х – начала 1940-х годов. Первая публикация о расстрелах в Куропатах появилась в 1988 году в газете “Літаратура і мастацтва” (*Литература и искусство*) и подняла вопрос о том, что данные расстрелы проводились органами НКВД, а не немецкими оккупантами. В государственном списке культурно-исторических ценностей значится с 1993 года как место захоронения жертв политических репрессий. См. З.Пазыняк, Я.Шмыгалёў, М.Крывальцэвіч, А.Іоў “Куропаты”, Мінск, 1994.

Между тем чернобыльские общественные организации, обладающие финансовым ресурсом,⁹⁰ решали определенную часть проблем, с которыми государственные институты не могли справиться: “Государство взяло на себя эвакуацию населения из зараженных районов, обеспечение людей новым жильем, выплату социальных пособий пострадавшим и финансирование кампаний для привлечения внимания мирового сообщества к этой проблеме. 12% государственного бюджета расходуется на эти цели через Государственный фонд Чернобыля, который финансируется за счет 12% налога, выплачиваемого частными и юридическими лицами. Но задача реабилитации пострадавших легла на плечи общественных организаций” (Мессинг 1995: 8). Деятельность чернобыльских организаций концентрировалась вокруг следующих направлений: организация оздоровительных поездок за границу, помощь поставками одежды и продовольствия, медицинская помощь.

Однако опираясь на опыт деятельности экологических и чернобыльских организаций, нужно отметить, что дискурс *экологии* и *Чернобыля* необходимо разводить и отличать. Тема экологии и последствий катастрофы на ЧАЭС появляется в дискурсе многих общественных организаций в начале 1990-х годов. В данный период экологические организации представляли собой “неоформленную сеть активистов” (Мессинг 1995: 11). К середине 1990-х годов происходит подъем экологических организаций и разделение дискурса *экологии* и дискурса *Чернобыля*. Дискурс *экологии* в общественных организациях, хоть и звучит по-разному – как “улучшение экологической ситуации” или как “экологически чистая Беларусь”, но передает смыслы и значения, связанные, прежде всего, с зеленой идеологией.⁹¹ Как правило, организации, позиционирующие себя как чернобыльские, заявляли об этом в самом названии, используя не только схожие по смыслу или однокоренные слова, а также слова, которые ассоциируются с последствиями катастрофы на ЧАЭС: “26 апреля”, “Чернобыль”, “Эхо Чернобыля”, “131-й йод Чернобыля”, “Дети Чернобыля”, “Прыпять”, “Щит Чернобыля”, “Жизнь переселенцев”. Дискурс

⁹⁰ “Из отчетов белорусского правительства, датированных 1993 годом, согласно которым 82% всей полученной к тому моменту помощи было предоставлено именно неправительственными организациями” Астрид Зам “Германские инициативы по Чернобылю через 20 лет. Мотивы, действия, перспективы”, *Internationale Politik*, март-апрель 2006, стр.40.

⁹¹ Взаимосвязь зеленой идеологии и национальной идеи появляется в некоторых публикациях Ю.Шевцова, А. Хвезенко *Чернобыльский социум. Первая постиндустриальная нация планеты? Часть третья: Чернобыльская идеология*. Сборник статей. Издательство “Белый свет” и Альманах Геополитика, Минск, 2002.

Чернобыль стал строго определенной сферой выражения протестного мнения (против государства, антикоммунистические настроения), а чернобыльские организации стали заниматься различного вида помощью группам населения, пострадавшим от катастрофы на ЧАЭС.

Разделяя дискурс *экологии* и *Чернобыль* в практиках чернобыльских и экологических организаций, нельзя однозначно утверждать, что чернобыльские организации не формировали социальные представления об окружающей среде. Можно согласиться с тем, что “видение окружающей среды основано не на систематическом анализе ее состояния, а на том представлении о ней, которое производится многочисленными движениями и средствами массовой информации” (Walker 2005: 80). Здесь важным становится непосредственно та роль, которую выполняли чернобыльские организации. Они не только выражали социальный интерес и решали определенные задачи, но и формировали представления, как о существующей социальной действительности, так и о социальной структуре общества в целом. Чернобыльские общественные организации формировали и решали комплекс задач, связанных с преодолением последствий катастрофы, но кроме этого, они также формировали определенные представления у населения, что такое “Запад” и “гуманитарная помощь”, кто такие “ликвидаторы” и “переселенцы”.

Нужно также отметить роль политических партий, благодаря которым произошло разделение “экологической идеи” и “чернобыльской тематики”. Из 19 зарегистрированных партий в 1994 году 8 политических партий не упоминают в своих программных документах ни о *Чернобыле*, ни об экологии. Экологические партии в Беларуси, например, Белорусская экологическая партия и Партия зеленых, не упоминают в своих программных документах даже слова о *Чернобыле*. При этом основные политические партии стараются использовать максимально выгодно и чернобыльскую, и экологическую тематику, если не говорить о том, что *Чернобыль* в большей степени присутствует в дискурсе БНФ. В связи с этим можно говорить о том, что *Чернобыль* стал дискурсом крупных политических партий, претендующих на власть и место в политической системе и использующих риторику, направленную против государства. Даже коммунистическая партия упоминает в своей программе о *Чернобыле*, хотя тема ответственности коммунистических чиновников за сокрытие правды о *Чернобыле* должна была заставить

белорусских коммунистов отказаться от использования значения *Чернобыля*, однако риторика ответственности в дискурсе *Чернобыля* не имеет такого сильного символического значения, как анти-государственная риторика..

Если говорить о стратегиях чернобыльских общественных организаций, то необходимо сказать, что к середине 1990-х годов происходит их изменение – от стратегий сотрудничества и кооперации (попытка создать в октябре 1991 года координационный комитет чернобыльских фондов и организаций) к стратегиям соперничества и конкуренции. Другими словами, это можно охарактеризовать как переход от коллективного действия к практикам отдельных акторов. Таким образом, из общественного сектора чернобыльских инициатив была создана настоящая конкурентная среда, где соперничало множество акторов в борьбе за привлечение ресурсов, в том числе иностранной финансовой помощи. При этом попытки объединения привели, наоборот, к большему раздроблению данного сектора: “Попытки создать координационный комитет были. Наоборот, многие союзы и организации дробятся в самостоятельные, ибо не могут поделить власть, а значит деньги”.⁹² В чернобыльском общественном секторе сложилась определенная социальная сеть из разнообразных организаций и объединений, действующих в одном поле практически с одними и теми же социальными группами и знающих друг друга.⁹³ Также к одной из особенностей чернобыльских организаций следует отнести тот факт, что успешность той или иной организации во многом зависела от привлеченных социальных ресурсов, а именно от социального и культурного капитала ее лидеров и участников. Другими словами социальный и профессиональный опыт участников во многом определял успешность той или иной организации: доступ одних организаций к определенным ресурсам отличало их от других организаций и определяло их место в общественном секторе.

Следует привести пример дискурса лидеров двух чернобыльских организаций, деятельность которых продолжается до сих пор: Социально-экологический союз “Чернобыль”, которым руководит писатель Яковенко и организация “Дети Чернобыля” под председательством Белоокой.⁹⁴

⁹² Из интервью Геннадия Грушевого “Италию “забрали”, Чернобыль остался...”, Деловой вестник, 1992, № 3-4.

⁹³ “Объединяться не хотят, потому что слишком хорошо знают друг друга” – из интервью Сергея Евлашего, общество “Дети в беде”, Деловой вестник, 1992, № 3-4.

⁹⁴ На основе проведенных интервью: Яковенко в Минске 18.10.2007, Белоокая в Минске 10.11.2007.

Яковенко возглавляет Социально-экологический союз “Чернобыль” и является одним из тех, кто первым заговорил про последствия *Чернобыля* для Беларуси не только на республиканском, но и на союзном уровне. Тема *Чернобыля* в советский период была доступна далеко не всем, многие организации пришли к ней именно через экологические проблемы: “1987 год. Тогда при Союзе писателей была секция очерков и публицистики, и меня выбрали председателем этой секции. После организационного заседания обсуждали, чем же нам заняться, надо же на чем-то остановиться, стратегическую линию выбрать. Решили – заниматься экологией. 1987 год. После взрыва на Чернобыльской станции, многое было еще не поднято, не раскрыто, и поэтому решили заняться экологией. Мы совершили несколько экспедицией: по Днепру, по Западной Двине, по Припяти. К Припяти у нас был отдельный интерес, многих волновала мелиорация в те годы” (Минск 18.10.2007).

Именно через такие публичные практики, возникавшие на основе личного интереса и институционального ресурса, зарождались практики гражданского общества в Беларуси. Яковенко начал заниматься проблемами, вызванными последствиями *Чернобыля*, немного позже, чем проблемами экологии. Однако именно благодаря экспедициям на Припять им были замечены некоторые изменения в окружающей среде, которые он связывал с последствиями Чернобыльской катастрофы: “Это было весной 1988 года. Я почувствовал, что есть обман, нужно подготавливаться – раскрыть это все... Где-то к концу года, я нашел источники по Чернобылю, в картотеке правительственной библиотеки. Нашел толстую книжку, изданную в Москве, переводы статей английских ученых, которые исследовали радиацию, основательно исследовали. Я прочитал, почувствовал себя подкованным. Поехал в чернобыльскую зону, пробыл там полтора месяца. Поехал, как писатель, пускали практически везде. Ездил, как энтузиаст, патриот. Кроме того, что я начитался, мне были нужны факты, фактура. Но информация была засекречена. Не была засекречена информация про коров, набрал фактов, но мне и повезло, один знакомый ученый, совестливый человек, помог мне. От Академии наук готовили они пояснительную записку для ЦК КПБ, и там был анализ и выводы, она ко мне попала (Конопля дал). Я подготовил очерк, и его опубликовали в Москве:

“Бомба для потомков”. А потом я выступал на пленуме Союза писателей” (Минск, 18.10.2007).

Яковенко для подтверждения своих предположений в первую очередь использовал научные факты, которые ему позволили выявить возможные последствия радиационного заражения, во-вторых, поездки в чернобыльскую зону и его статус писателя позволили ему получить и эмпирические факты. После выступления на пленуме был организован Экологический союз, просуществовавший более года, а затем в 1990 году Яковенко организовал Социально-экологический союз “Чернобыль”: “Таким образом, я и присоединился к Чернобылю, и почувствовал, что один в поле не воин, нужно какую-то систему противодействия создавать. И создали Экологический союз в 1989 году (команда осталась еще со времени экспедиций на Припять). А Павлов из ЦК (отдел пропаганды) мне говорит: зачем вам этот союз, есть же Товарищество охраны природы. Товарищество это цветочками занимается, а нам необходима другая организация, социально-экономическими проблемами, которая будет заниматься” (Минск 18.10.2007).

Социально-экологический союз “Чернобыль” занимался как вопросами оздоровления детей, так и вопросами информирования населения, проводил конференции и издавал газету “Набат” вплоть до 1996 года, после чего наметился определенный спад в активности организации. В частности, была закрыта газета и свернуто оздоровление детей в санатории в Беларуси. Сегодня данная организация существует как неформальная структура ввиду отсутствия финансирования и определенного интереса: “Теперь (2007 год) социально-экологический союз чуть потише работает, средств нет и сейчас другое время... И теперь работу по Чернобылю, по оздоровлению детей за границей выполняют две наши организации в Мозыре. Работали-работали, а потом убедились, что кроме экологов ничего не нужно, никто не помогает. (...) Я свою роль видел не в том, чтобы открыть что-то неизвестное, а в том, что бы изучить, с помощью специалистов открыть, что тут происходит, чтобы остановить загрязняющие процессы, удержать их. Было бы все хорошо, если бы у нас было гражданское общество, другая атмосфера в обществе... А так не вижу никакой перспективы в такой работе. Лет пять назад организовали при Министерстве экологии (охраны окружающей среды) общественный консультационный комитет, ходил туда, убедился, что никому не нужны наши мысли, только для

галочки все организовали. Сначала создали какие-то организации, работали, заседали, а потом министр стал возглавлять общественный комитет, и я перестал туда ходить” (Минск 18.10.2007) .

Как уже было отмечено выше, возникновение чернобыльских организаций связано во многом с тем, какие люди стояли у его истоков и какой информацией и каким знанием они обладали. Знание выступало важным ресурсом для “чернобыльской” мобилизации. Тамара Белоокая, например, пришла в гражданский сектор чернобыльских инициатив, будучи врачом и имея представления о том, какой вред может нанести радиация здоровью человека.

Также некоторые общественные организации начинали работать с политическими структурами, прежде всего ввиду организационных и мобилизационных ресурсов. Таким образом, первый Чернобыльский марш был организован по инициативе Тамары Белоокой с помощью Белорусского Народного Фронта. “Давай, Белоокая, сделаем Чернобыльский шлях. Из Речицы и Хойников народ собирается в течение недели или двух, идем до Минска и 26-го в Минске проводим шлях. Начали мы организацию. Сначала на Сойме БНФ меня не совсем поняли, потом дошло. Начали готовить шлях, я отвечала за Воложин и Славгород, Краснополье, Чириков. Работать было сложно, начали чинить препятствия: военкомат в воскресенье резко начал и призывников, и допризывников вызывать, автобусы останавливали. Но нам удалось провести этот шлях. Но вы знаете, во что он превратился сейчас...” (Минск 10.11.2007).

По поводу ситуации, которая на данный момент складывается в Беларуси с чернобыльскими организациями, Белоокая высказывается достаточно однозначно, говоря о практиках выживания в гражданском секторе: “В этом году закрыли нашу Гомельскую областную организацию, потому что в первую очередь – вопросы с офисами. Если бы не требовалось юридического адреса, люди бы дома работали. Закрыть областную организацию в самой пострадавшей области... Вы же понимаете, что это все не так просто делается. Возможности выжить нет на сегодняшний день” (Минск, 10.11.2007) .

Также следует отметить в дискурсе лидеров чернобыльских организаций элемент оппозиции и недоверия к органам власти, в особенности к институтам, производящим научное знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС. Так

Белоокая отмечает: “Государственного знания не существует, это знания ученых и их уровень. Когда Институт радиационной медицины и экологии человека в Аксаковщине разогнали, туда не попало ни одного специалиста, вернее попало два “специалиста”, один – не специалист, а второй уже давно вернулся в Сахаровский университет. У нас нет преемственности, то, что 15 лет назад было сделано (люди, клиника)..., коту под хвост брошено. Они начали сначала. У них нет возможности, у них нет кадров. Специалистов надо учить. Вот отчет о нашей деятельности в Юнисефском проекте. Сделали хороший отчет. А что толку? Доноры постчернобыльские проблемы не видят” (Минск 10.11.2007).

Чернобыль по своему смыслу и значению из дискурса острой социальной проблемы начал постепенно трансформироваться в дискурс легитимации деятельности общественных организаций. И очень небольшое число общественных организаций продолжало использовать его как повод для решения определенных социальных проблем. Именно по этой причине в данный период произошло разделение между чернобыльскими организациями и собственно экологическими, не использовавшими чернобыльскую тематику и старавшимися сместить акценты на формирование экологического сознания у населения Беларуси.

Катастрофа на ЧАЭС произвела неожиданный эффект на формирующиеся общества новых независимых государств: пробудил некоторую гражданскую мобилизацию, а именно желание помогать и участвовать в ликвидации последствий, что подразумевает личную ангажированность в социальный и политический процесс. Таким образом, *Чернобыль* стал пространством выражения гражданских амбиций, накопленных за советский период, пространством выражения не только тревоги за собственную безопасность, но и недовольства и недоверия к государству и политическим институтам власти. “Понятие “Чернобыля” стало мощным катализирующим фактором для выражения социальных и политических реакций” (Schmid 2004: 353).

Когда речь идет о чернобыльских организациях, речь идет об организациях нового типа, о “новых социальных движениях”.⁹⁵ Совокупность чернобыльских

⁹⁵ В теоретической литературе “new social movements” появляются как ответ на возникновение экологических и феминистских движений в Западной Европе и США. Touraine A., “La Voix et le Regard”, Seuil, Paris, 1978; Touraine A., Hegedus S., Wiewiorka M., “La prophétie antinucléaire”,

организаций – это пример новых социальных движений в постсоветских странах. Чернобыльские движения отличаются от простых общественных объединений тем, что их деятельность направлена не только на решение определенных социальных проблем, но и на выражение общих ценностей, гражданских и христианских.

Чернобыльские организации покрывали своей деятельностью достаточно большую часть населения и большую часть гражданской активности в начале 1990-х годов. Они в какой-то степени “перетягивали” социальные ресурсы у политических партий или отвлекали часть населения от политических действий до тех пор, пока последние не начали активно использовать символическое значение *Чернобыля*, понимая, что речь идет о значительной части населения. Сегодня знать и говорить о *Чернобыле* и участвовать в деятельности чернобыльской организации – приравнивается к политическим практикам, формирующим гражданское общество в Беларуси.

Социальная и гражданская мобилизация в Беларуси в начале 1990-х свидетельствовала о появлении новых социальных практик, которые составили основу гражданского общества. Гражданский сектор был настолько активен, что речь могла идти о преобразовании социальной мобилизации в общественно-политическую силу, части чего-то большего, способного воздействовать на социальный и политический порядок.⁹⁶ Однако гражданская мобилизация не смогла преодолеть путь становления и перейти от набора разрозненных и многочисленных социальных практик до устоявшегося социального института мобилизации.

Таким образом, общественное движение в Беларуси не смогло институционализироваться, имея институциональные возможности в начале 1990-х годов, и стать частью политической системы и отвечать новым вызовам социальной действительности. Чернобыльские общественные движения, использовавшие активно дискурс *Чернобыля* для того, чтобы закрепиться не только в политической системе, но и в социальных и политических практиках, представляют собой данный пример. Пик активности чернобыльских

Seuil, Paris, 1980; Dalton R., Kuechler M., “Chalanging the Political Order: New social movements in Western Democracies”, Policy Press, London, 1990.

⁹⁶ Что может соответствовать подъему “новых социальных движений” в конце 1970-х начала 1980-х годов в Германии, Италии и Голландии: новые феминистские движения, развитие гражданских инициатив, антиядерное движение, альтернативные движения, движения за мир, за права человека и в поддержку стран “Третьего Мира”.

организаций приходится на первую половину 1990-х годов, затем происходит постепенный спад, вызванный, прежде всего, стремлением государственных институтов заместить деятельность черновыльских общественных организаций. И их дискурс именно направлен на отстаивание своего места в поле *Черновыльа*.

5.4. Обобщения

В данной главе были представлены основные элементы дискурса “преодоления”. А также были сделаны попытки определить, каково значение *Черновыльа* для самих акторов дискурса “преодоления”. *Черновыльа* используется в дискурсе акторов для проведения конкурентной борьбы в политическом поле или является способом идентификации в политическом и социальном пространстве. Отвечая на данный вопрос, следует отметить, что после 1995 года дискурс “преодоления” утрачивает свою институционализацию, а именно данному дискурсу нет больше места в новом парламенте, Национальном собрании. Таким образом, данный дискурс переходит исключительно в политические партии, в частности БНФ, и в общественные организации.

Что касается научной составляющей дискурса “преодоления”, то в данном случае дискурс “преодоления” стал дискурсом “опальных” ученых, практически лишенных институциональных возможностей для производства научного знания, то есть научной аргументации. Можно констатировать, что в научном сообществе образовались две параллельные системы в области исследования и интерпретации черновыльских последствий, официальная и альтернативная группы.

Необходимо также в перспективе дополнить институциональный контекст формирования дискурса “преодоления”, а именно дискуссии и дебаты во время сессий Верховного Совета 11 и 12 созыва. В частности нужно отметить, что в данном контексте важным также была роль местных депутатов, потому что в тот период на передний план выходила локальная информация и знание о *Черновылье*, которым обладали депутаты из пострадавших районов. Их дискурс является важной составляющей дискурс-коалиции “преодоления”, но требует отдельного анализа и изучения во взаимосвязи с социальными представлениями жителей пострадавших территорий.

VI. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДИСКУРС-КОАЛИЦИЙ

6.1. Между равновесием, противостоянием и доминированием: дискурс-коалиции в период с 1986 по-2006 год

Представленные дискурс-коалиции ссылаются на научное знание, которое представляет необходимую основу для формирования аргументации одной и другой коалиции. Используемое научное знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС касается эффектов радиации для окружающей среды и человека. Поэтому в формировании чернобыльской политики особое место занимал процесс принятия научных концепций, отражающий с одной стороны производство научного знания, а с другой – политическое противостояние. Принятие научной концепции определяет подход к чернобыльской политике и служит научной легитимацией дальнейших действий по реализации чернобыльской политики. Астрид Зам, сравнивая реализацию и изменение подходов к политике в области ликвидации последствий на ЧАЭС в Украине и Беларуси, говорит о том, что смена парадигм позволяет провести разницу между подходами к чернобыльской политике в данных двух странах, которые в начале 1990-х годов, казалось, переживают одинаковые социально-политические процессы. Согласно Астрид Зам, в Беларуси сформировалась чернобыльская политика “более последовательная, с акцентом на исполнительные и законодательные практики, но в которой отсутствуют научные дискуссии” (Зам, Минск 16.11.07). В Украине же подход к чернобыльской политике отличается тем, что в начале 1990-х годов при формировании данной политики учитывались националистические настроения населения, что привело к полному изменению законодательства. Украинский подход к чернобыльской политике отличается наличием открытых научных дискуссий, результаты которых становятся основой для принятия решений.

Главная функция дискурса в политике – это утверждение “предположений, необходимых для принятия политического решения по поводу сложной и неуверенной реальности. В данном контексте повествования публичной политики могут быть признанными лживыми представлениями реальности, которые, кроме того, что утверждаются в социальной реальности, еще и принимают формы навязывания” (Рое 1994: 51). Иными словами, политика как совокупность дискурсов, рассказов или повествований публичных акторов, не должна рассматриваться в рамках “правильного” или “неправильного”

представления реальности, а как когнитивная система навязывания и доминирования в определенном социальном или политическом поле.

Можно сказать, что процесс наделения смыслом и значением политики – это процесс не только связанный с речевым действием, с действием говорения, но это процесс, связанный с действиями внутри политического пространства по поводу распределения власти. Устанавливается некоторый не только институциональный, но и когнитивный порядок, позволяющий доминировать одним акторам и подчинять других. Характер отношений внутри политического пространства зависит во многом от того, насколько прочно и легитимно господство одних акторов в когнитивной системе, устанавливающей общие правила действий.

С этой точки зрения *Чернобыль* представляет собой не только совокупность смыслов и значений, но и совокупность знаний и идей, когнитивную систему, определяющую взаимоотношения акторов в политике по поводу *Чернобыля*. В дискурс-коалициях “преодоления” и “ликвидации” *Чернобыль* фреймируется и как определенный набор *представлений, картинок и образов* (“радиационное заражение”, “покинутые деревни”, “больные дети”); *принципов действий* (принцип приемлемого риска; принцип порогового влияния радиации; принцип реабилитации пострадавших территорий); *норм* (питания и гигиены) и *ценностей* (здоровья, благосостояния, безопасности, уверенности, доверия к государству).

“Когнитивные структуры не висят в воздухе, они опираются на институты. Нарративный дискурс приобретает политическое значение только тогда, когда он основывается на институтах и организационном поведении” (Banerjee 1999: 2). Так дискурс *Чернобыля* начинает формироваться в Верховном Совете, институте в котором он приобретает значение политической проблемы, проблемы властных отношений. Затем изменение политической системы приводит к тому, что *Чернобыль*, начиная с десятилетия аварии на ЧАЭС в 1996 году, становится одной из приоритетных тем в дискурсе президента Лукашенко.

Сравнение дискурсов публичных акторов позволяет нам выявить, как акторы составляют свое представление о чернобыльской политике и какие они предпринимают действия по отношению к своему представлению. Здесь также необходимо отметить, что доминирование дискурса в определении политики

зависит непосредственно от того, какие действия производит актер, а именно его функции, институциональные возможности, роль и статус в данной политической системе. С этим и связан процесс институционализации идей, а именно процесс инкорпорации смысловых представлений различных акторов в политическую структуру, правила и нормы, инструменты политики. Именно поэтому, как уже было отмечено, важным для формирования дискурса альтернативного дискурсу “ликвидации” становится статус акторов (статус народного депутата, местного депутата, члена Союза писателей, лидера политической партии).

Следует также отметить, что дискурс-коалиции “ликвидации” и “преодоления” обращаются не только к конкретным публичным акторами, но и к социальному и политическому контексту, по отношению к которому конструируется данный фрагмент социальной реальности. Как отмечает Hajer, дискурс-коалиции хоть и привязаны к актерам, но, в первую очередь, их нужно понимать как совокупность социальных практик (Hajer 1995: 123).

Таким образом, дискурс-коалиция “ликвидации”, например, доминирует в советский период вплоть до 1989 года, имеет свой институциональный контекст (Совет Министров БССР и СССР, Верховный Совет БССР и СССР), ей свойственна научная концепция “35 бэр” и определенные элементы официального дискурса или дискурса власти, а также политика *ликвидации* последствий аварии на ЧАЭС. Дискурс-коалиция “преодоления”, сформированная как противоположная коалиции “ликвидации”, также основана на научной концепции 1990 года и имеет свой институциональный контекст (Верховный Совет БССР и Республики Беларусь).

В процессе взаимодействия дискурс-коалиций важным является взаимодействие тех, кто может и способен объяснить *Чернобыль*, и тех, кто может из этого сделать публичную и политическую проблему. Поэтому в период конца 1980-х годов появляется с одной стороны группа ученых, дающая знание и информацию о *Чернобыле*, а другой стороны появляются политические акторы, политические партии, общественные организации и движения, действующие против старых партийных функционеров, защищавших советскую официальную позицию. О *Чернобыле* заговорили по-разному и по-другому в ВС БССР и на Съезде народных депутатов в Москве, но уже в эпоху перестройки, периода, когда данные политически институты

начинали постепенно утрачивать идеологизированное значение и уступали место настоящим публичным прениям, *Чернобыль* стал политической повесткой. Именно в рамках институциональных отношений наметились и первые расколы между теми, кто придерживается официальной точки зрения на произошедшее, и теми, кто говорит или хочет говорить о реальных последствиях катастрофы на ЧАЭС. Если в Верховном Совете БССР 11 созыва только отдельные депутаты выступали против коммунистического большинства, то в Верховном Совете Республики Беларусь 12 созыва речь уже идет об институциональном сопротивлении фракции БНФ, которая решение чернобыльских проблем сделала частью предвыборной программы и избирательной платформы.

Разделение на коалиции прослеживается и в научном сообществе. Чернобыльская политика основывается на комплексном и сложном научном знании. Поэтому важно для чернобыльской политики не только принимать научно обоснованные решения, но и опираться на совокупность институтов, производящих научное знание. В данном контексте “производство научного знания” есть не что иное, как совокупность институтов, лабораторий, экспертных групп и исследовательских проектов, вырабатывающих легитимное знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС, применяемое как для принятия мер в области чернобыльской политики, так и для подтверждения уже принятых мер в той же области.

Научные практики состоят не только в исследовании фактов и выявлении зависимости одних переменных от других, но и в создании определенной матрицы идей, объясняющей функционирование и взаимосвязь различных элементов, явлений не только физического, но и социального мира. Научное знание производится в рамках парадигмы или конструирует новую парадигму. Исследуя последствия катастрофы на ЧАЭС ученые различных областей – физики, химии, биологии, радиологии, медицины – пытались выявить и объяснить одну общую закономерность между радиацией и жизнедеятельностью, между угрозой жизни и безопасным проживанием. Научные исследования последствий катастрофы на ЧАЭС лежат в области выявления эффектов радиационного заражения на здоровье и жизнедеятельность людей, животных и растений. В данном контексте, на наш взгляд, научное знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС формирует,

образует только два типа парадигмы: “безопасность и обратимость” и “приемлемость и необратимость” последствий. Данные условные научные парадигмы касаются, прежде всего, аспекта влияния доз радиации: в первом случае при относительно небольших (пороговых, нормированных) дозовых нагрузках возможна безопасная жизнедеятельность человека в определенных условиях; во втором случае: всякая дозовая нагрузка, даже незначительная, является опасной для живого организма и влечет за собой последствия для безопасного проживания. Данные парадигмы оперируют понятием “риска”, а именно ситуацией неопределенности и потенциальной опасности.

Если говорить о *Чернобыле* как о поле противостояния дискурс-коалиций, то можно обозначить следующие периоды: период с 1986 по 1989 год – это период *доминирования* дискурс-коалиции “ликвидации”; с 1989 по 1991 год – период *противостояния* коалиций “ликвидации” и “преодоления”; с 1991 по 1997 год – период *взаимодействия* коалиции “ликвидации” и “преодоления”; с 1998 года – начало *доминирования* дискурса “ликвидации”.

Период *доминирования* дискурс-коалиции “ликвидации” пришелся как раз на поставарийный период. Характеризуя социально-политическую ситуацию сразу после катастрофы, следует напомнить, что ситуация развивалась в условиях отсутствия информации, что сыграло немаловажную роль в формировании *Чернобыля* и дискурс-коалиции “ликвидации”. *Чернобыль* начинает формироваться, как дискурс противоречивый. Как отмечает Алла Ярошинская, в первую неделю после катастрофы “никаких сообщений не передавали – нарастала паника” (Ярошинская 2006). Между тем в газетах появлялись небольшие заметки под названием “Совмин СССР предупреждает”, которые не несли никакой информации, кроме того, что подтверждали факт того, что авария на ЧАЭС произошла. Политическая власть пыталась всячески придать этому происшествию небольшое значение, затмить и отвлечь внимание другой информацией.

Такие решения и действия центральных органов советской власти и привели к тому, что *Чернобыль* начал формироваться как система слухов и противоречий, ложных смыслов и значений, дезинформации исходящей из самых органов государственного управления. Таким образом, *Чернобыль* начинает формироваться и как проблема информированности: появляются слухи и сплетни, а также такие реакции как шутки или анекдоты. Данный тип

реакции представляет собой способ выражения тревоги и реагирования на неизвестное. Если бы масштабы и последствия катастрофы были обнародованы в первые дни, данного социального эффекта могло бы и не быть. Однако действиями советских властей была заложена данная структура реакции. Шутки и анекдоты по поводу *Чернобыля*, радиации и пострадавших территорий до сих пор широко распространены среди населения и приобрели некоторые характеристики современного народного фольклора (Kürti 1988). *Чернобыль*, таким образом, начал приобретать значение и смысл чего-то непонятного, запретного, скрытого и неизвестного, где сталкивается дезинформация из официальных источников и информация из системы социальных отношений. Дискурс *Чернобыля* образует разделения в обществе, что и приводит в результате к появлению дискурс-коалиций в чернобыльской политике.

Дискурс “ликвидации” – это дискурс “запретов”, который носит, во-первых, ограничительный характер социального действия и, во-вторых, не может отвечать тем новым вызовам, которые порождает постчернобыльская реальность: *Чернобыль* нельзя ограничить, нельзя обнести забором или оградой, его влияние – это преодоление всех физически возможных ограничений, оно невидимо и до конца не познано. Поэтому чернобыльская политика, которая сопровождается действиями по локализации *Чернобыля*, его обозначению на конкретной территории, его превращению в зоны опасные для обитания и деятельности людей, имеет символический характер. Попытки оградиться от *Чернобыля* приводят к тому, что *Чернобыль* проникает все глубже и глубже в политические и социальные практики: попытки урегулировать и укротить пост чернобыльскую реальность приводят к тому, что *Чернобыль* становится частью политической и социальной реальности. Это выражается как в институциональных изменениях – появлении специальных политических институтов и учреждений; так и в символических проявлениях – отмечании годовщины Чернобыльской катастрофы, проведение коммеморативных мероприятий.

В период с 1989 по 1991 год начинает формироваться дискурс, альтернативный дискурсу советской власти. Его появлению способствовали некоторые политические преобразования, в частности выборы в народные депутаты СССР, проходившие весной 1989 года и организованные по новому Закону “О выборах народных депутатов СССР”, расширяющему возможности

выдвижения и избрания кандидатов в депутаты, а затем и выборы в 1990 году в Верховный Совет БССР. Формирование и развитие дискурса “преодоления” стало возможным благодаря именно политическим и институциональным преобразованиям. И именно в рамках работы Верховного Совета 11 и 12 созыва дискурс “преодоления” сформировался окончательно. Также следует напомнить, что дискурс “преодоления” был направлен против советской системы и имел некоторые элементы националистического дискурса, но основным элементом противостояния дискурса “ликвидации” был научный дискурс, направленный против принятия концепции “35 бэр”. Именно поэтому данный этап можно охарактеризовать как период *противостояния* дискурс-коалиций. А принятие в 1990 году Концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС стало началом нового этапа во взаимоотношениях дискурс-коалиций в политике Беларуси.

Период с 1991 по 1997 год можно определить как период *взаимодействия* дискурс-коалиций “ликвидации” и “преодоления” в области чернобыльской политики. Это период развития чернобыльского законодательства, разработки первых государственных программ, научных и публичных дискуссий и деятельности общественных организаций. Что касается принятия чернобыльского законодательства, то следует отметить принятие таких законов в 1991 году, как “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС” и “О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС”. Что касается научных дискуссий, то здесь следует упомянуть дебаты, которые развернулись в научных структурах и в средствах массовой информации по поводу принятия в 1995 году “Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии”. Работа специальной комиссии по развитию атомной энергетики в Беларуси в 1998 году и принятие моратория на строительство АЭС в Беларуси можно считать последним примером *взаимодействия* двух дискурс-коалиций, обозначившего возвращение *доминирования* дискурс-коалиции “ликвидации”: “Когда разрабатывалась концепция безопасного проживания, была дискуссия, спор, а сейчас этого нет. Это как раз был период трансформации. По ядерной политике

была ученая группа, экспертиза, борьба Нестеренко с одной стороны, Михалевич с другой. Был принят меморандум на строительство АЭС в 99 году на 10 лет” (Зам, Минск 16.11.07).

Несмотря на то, что чернобыльская государственная политика в Беларуси в современный период официально осуществляется через “Государственную программу по *преодолению* последствий катастрофы на ЧАЭС на 2006-2010 годы”, она характеризуется откатом в сторону парадигмы “ликвидации последствий”. Данный аспект выражен, прежде всего, в дискурсивных практиках, позволяющих нам говорить о том, что акторы (исполнительные органы, президент и научные структуры) используют аргументацию и элементы дискурса-коалиции “ликвидации”: освоение и возрождение пострадавших территорий, сокращение научных исследований, сокращение льгот для “чернобыльских” групп населения. Данное утверждение позволяет нам говорить о том, что дискурс “ликвидации последствий” – это дискурс исключительно власти, стратегия которой заключается в том, чтобы свести к минимуму присутствие *Чернобыля* в социальной и политической реальности.

6.2. Компоненты дискурса биополитики

Чернобыль как дискурс власти формируется в диапазоне от подавления интереса к аварии на ЧАЭС путем дезинформации до последовательного вмешательства и регулирования жизни людей посредством биополитики. Стратегии власти, как, впрочем, и сама власть, изменяются с преобразованием *Чернобыля* в область вмешательства и регулирования социальной, общественной жизни вообще и человеческой жизни в частности. Стратегии власти переходят от посткатастрофного регулирования социальной реальности (дезактивация, переселение) ко все более глубокому внедрению в повседневные практики как пострадавшей (категоризация и нормирование), так и остальной части населения.

Измененные повседневные практики приобретают характер фоновых практик (Dreyfus, Rabinow 1983; Хархордин 2000, 2008). Изменения, которые произошли после выброса радиации в результате катастрофы на ЧАЭС, касаются практически каждого жителя Беларуси. Что может быть выражено, с одной стороны, в явных практиках, таких, как онкологические заболевания, генетические изменения, проживание на радиоактивных территориях; а с другой стороны, может выражаться и в совокупности фоновых практик:

тревожные реакции на продукцию из Гомельской области, употребление йода в витаминных комплексах, оздоровление детей за границей, шутки про *Чернобыль*⁹⁷ и попытки им объяснить непонятные природно-социальные феномены.

Можно предположить, что *Чернобыль* как совокупность фоновых практик оказал влияние на распространение экологических практик. Так Болотова (2002) отмечает, что в некоторых странах Запада и в России произошли определенные трансформации общественного восприятия природы или окружающей среды, что привело к появлению дискурса гражданской экологической ответственности (Болотова 2002). Происходит некоторое “позеленение” повседневности, где проявление заботы об окружающей среде становится неотъемлемой частью социального поведения, что может быть даже выражено в некоторых “стратегиях озеленения”: от интеграции в сообщества до автономизации от общества.

Чернобыль порождает новый тип социальной опасности. Как утверждает Гюнтер Андерс в “Десяти положениях о Чернобыле”, “настоящая опасность сегодня заключается в невидимости опасности. И никто не в состоянии постоянно осознавать эту невидимость. Данный проект кажется физически нас превосходящим” (Anders 2006: 316). Радиация – это опасность нового времени, она невидима, она неосознаема и неощутима человеком. Именно поэтому сложно применять по отношению к ней меры предостережения. Только через воздействие на человека и окружающую среду радиация становится частью социальной реальности. Следовательно, с точки зрения стратегии власти воздействовать на радиацию можно, воздействуя на человека, на его физическое состояние, здоровье, способность к воспроизводству, что является средством стратегий биовласти.

Согласно Фуко человеческая жизнь из частного становится публичным, а смерть приобретает характеристики самого частного, индивидуального. Власть отходит от техник подчинения ради смерти, а переходит к техникам и процедурам подчинения и контроля жизни в долгосрочной перспективе, на

⁹⁷“Колобок, колобок, я тебя съем. — Я не колобок, я ежик из-под Чернобыля”; “Коммунизм — это советская власть плюс дезактивация всей страны”; “Загадка: никто его не видел, и оно все время снижается. Отгадка: радиация”; “Обсуждается, как использовать 30-километровую зону. Проходит предложение: посеять там табак, изготовить из него сигареты и продавать с надписью: “Минздрав последний раз предупреждает...”. <http://aravidze.narod.ru/chernob.htm> (11.10.2008)

всем протяжении: “Именно на жизнь и по всему ее ходу власть устанавливает теперь свои капканы; смерть же теперь – ее предел, то, что от нее ускользает; смерть становится самой потаенной точкой существования, самой “частной” точкой” (Фуко 1996: 241).

Дискурс-коалиция “ликвидации” показывает, как *Чернобыль* инкорпорируется в стратегии власти, где человеческая жизнь становится объектом контроля со стороны власти, государственных структур, медицинских, административных, научных и статистических учреждений. Это в большей мере касается части населения, пострадавшего в результате катастрофы на ЧАЭС: проводится регулярный медицинский контроль, осуществляются замеры уровня радиационного облучения, берутся различные анализы, а некоторые группы населения контролируются с рождения. При этом научно-медицинский дискурс о генетических последствиях предоставляет власти возможность контроля над биологической жизнью в долгосрочной перспективе, а именно контроля за жизнью последующих поколений.

Контролю со стороны власти подвергается и население, не пострадавшее напрямую от последствий катастрофы на ЧАЭС. Такой контроль выражается как форме явных практик, так и в форме фоновых практик: обязательный медицинский осмотр раз в год на предприятиях, обязательный осмотр щитовидной железы, молочной железы у женщин и флюорографии у всего населения, обратившегося за медицинской помощью.

Фуко также отмечает, что “биовласть” в свое время стала “необходимым элементом в развитии капитализма, которое могло быть обеспечено лишь ценою контролируемого включения тел в аппарат производства и через подгонку феноменов народонаселения к экономическим процессам” (Фуко 1996: 244). Новые техники “биовласти” вписываются в сами экономические процессы современного общества, они вуалируются за процессами накопления капитала, экономического роста, развитием области производства товаров и услуг, получением и распределением прибыли и т.д.

Преобразование и совершенствование “биовласти” связано еще и с тем, что наряду с техниками (такими как сельскохозяйственные техники) развивалось знание, в том числе, о биологической жизни. Это способствовало тому, что власти удалось уменьшить угрозы человеческой жизни. Последнее, как пишет Фуко, добавило власти нового пространства действия, а именно расширило

область контроля над жизнью. В качестве примера можно привести, все те усилия и стратегии власти, которые направлены на поиски препаратов для лечения таких болезней как СПИД, злокачественные раковые заболевания и сердечнососудистые заболевания. В этом случае индивид не борется самостоятельно со смертельными недугами, он это право делегирует государственным структурам, а вместе с этим правом и право на жизнь. В социальных представлениях власть обязана заботиться о здоровье и благосостоянии своего населения, поэтому поиск панацеи – это еще один способ легитимации власти над жизнью. Тем более что политические структуры делают все, чтобы подпитывать представления о своем всеилии и могуществе: “Несомненно, впервые за всю историю биологическое здесь отражается в политическом; "жить" – этот факт не выступает уже больше недоступным подпольем, лишь изредка обнаруживающим себя в случайности смерти и в ее неизбежности; факт этот частично переходит в поле контроля со стороны знания и вмешательства власти” (Фуко 1996: 247).

Фуко указывает также на то, что в связи с формированием биовласти право, как элемент, организующий и упорядочивающий жизнь в обществе и основанный на угрозе человеческой жизни, не может больше существовать в прежних смысловых и символических рамках. Стратегии власти заключаются теперь не в применении угрозы смерти, а в подчинении способа жизни. Следовательно, назначение права переходит в область нормирования воздействия власти на биологическую жизнь: “Такой власти приходится скорее квалифицировать, измерять, оценивать, иерархизировать, нежели демонстрировать себя во всем своем смертоносном блеске” (Фуко 1996: 244).

Анализ *Чернобыля* в дискурсе власти убеждает нас в том, что в Беларуси происходит последовательное формирование биовласти и увеличение способов вмешательства в повседневность. В данном случае можно говорить о том, что доминирующее видение *Чернобыля* сформировалась через различные стратегии власти. После катастрофы меняется и дискурс науки: от неуверенности и кризиса переходит к изучению новых феноменов, появившихся в результате катастрофы на ЧАЭС. Новые темы и новые исследования расширяют еще более область действий власти над жизнью. Фактически власть ориентирована на изучение влияния на тело и последствия этих влияний для выживания. Познание новых угроз для человеческой жизни в данных условиях и на данной

территории позволит усилить контроль над жизнью и зависимость от этого знания. Стратегии власти, формирующие *Чернобыль* выражены также в нормировании постчернобыльской жизни и категоризации постчернобыльского населения. Нормирование заключается, в частности, в определении общедоступных доз облучения для здоровья человека в следующих нормативных документах: Нормы радиационной безопасности (НРБ 2000); Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСП 2002); Республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов цезия и стронция в пищевых продуктах и в пищевой воде (РДУ 99); Республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов цезия и стронция в сельскохозяйственном сырье; Республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов цезия и стронция в основных видах кормов; Республиканские допустимые уровни содержания радионуклидов цезия-137 в древесине, в продукции из древесины и прочей продукции лесного хозяйства.

Категоризация населения, а именно определение нормативным способом принадлежности индивида, пострадавшего от катастрофы на ЧАЭС, к той или иной группе по медицинским показателям также позволяет определить его место в новой социальной системе. В приведенной ниже таблице указано то, как происходит категоризация пострадавшего населения в зависимости от их социального опыта и действия: принимавшие участие в ликвидации, эвакуированные, проживающие в зонах и т.д. В данном случае образ жизни населения определяет и их положение в политико-правовой системе, и соответствующие последствия – медицинский и радиационный контроль, санитарные меры и меры по оздоровлению, социальные выплаты и т.д. Данная категоризация населения отражает на самом деле стратегии власти по управлению посткатастрофным обществом, которые заключаются, прежде всего, в контроле не только за социальными процессами, но и за биологической жизнью индивидов.

Таблица № 5. “Категоризация населения по группам риска”

Группы первичного учета	Группы риска
<p><i>1ая группа первичного учета</i> (принимавшие участие по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986-87 гг. в пределах зоны эвакуации; в 1986-87 гг. в зонах первоочередного и последующего отселения; в 1988-89 гг. в зоне эвакуации)</p> <p><i>2ая группа первичного учета</i> (эвакуированные или самостоятельно покинувшие зону эвакуации в 1986 году)</p> <p><i>3ья группа первичного учета</i> (проживающие в зонах первоочередного и последующего отселения, отселенные или самостоятельно выехавшие из этих зон после катастрофы, в том числе дети и подростки)</p> <p><i>4ая группа первичного учета</i> (родившиеся от лиц 1-3 группы первичного учета и их последующие поколения)</p> <p><i>5ая группа первичного учета</i> (проживающие в зонах с правом на отселение и с периодическим радиационным контролем, а также имеющие установленную причинную связь заболевания, приведшего к инвалидности, и выехавшие)</p> <p><i>6ая группа первичного учета</i> (участвовавшие в ликвидации последствий или пострадавшие от аварии на других атомных объектах)</p> <p><i>7ая группа первичного учета</i> (дети и подростки с острыми лейкозами, аденомами и раком щитовидной железы и другими злокачественными заболеваниями; инвалиды вследствие катастрофы на ЧАЭС, не имевшие ранее статуса “пострадавший от катастрофы на ЧАЭС”)</p>	<p><i>Группа риска А</i> (принимавшие участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986 году в зоне эвакуации)</p> <p><i>Группа риска Б</i> (получившие за первый год после катастрофы дозовые нагрузки, превышающие предельно допустимые)</p> <p><i>Группа риска В</i> (по эндокринной патологии, находившиеся во время аварии в возрасте от 0 до 18 лет)</p> <p><i>Группа риска Г</i> (пострадавшие, уровень внутреннего облучения у которых не превышает уровня предельно допустимого и не снижается в течение года)</p>

Источник: UNICEF, UNDP 2002.

Если ранее для применения власти над жизнью разжигались войны и конфликты, в которых одних заставляли убивать других, то в настоящее время, согласно Фуко, появились новые возможности: “Ядерная ситуация сегодня – это только конечная точка этого процесса: власть предавать одну часть населения тотальной смерти есть обратная сторона власти гарантировать другой части сохранение ее существования” (Фуко 1996: 240). Функционирование суверенной власти сводится не к осуществлению авторитета, а к поддержанию “биологического существования населения”: “Власть располагается и осуществляется на уровне жизни, рода, расы и массовых феноменов народонаселения” (Фуко 1996: 241). Именно по этой причине, забота о продолжительности жизни, о коэффициенте естественного прироста, о младенческой и детской смертности становится частью политического дискурса: “Коренного улучшения требует демографическая

ситуация в стране. Деятельность государства в этом направлении помимо государственных программ повышения уровня и качества жизни населения, охраны материнства и детства должна также включать меры по созданию нормативно-правовой базы регулирования процессов народонаселения (...) назрела острая необходимость принятия законодательного акта по демографической безопасности Беларуси, где должны быть отражены основные направления и меры государственного регулирования”.⁹⁸

6.3. Компоненты дискурса *риска*

Последствия Чернобыльской катастрофы изменили не только представления о ядерной энергии, но нарушили социальные связи, социально-политические отношения, отношения между знанием и властью, между властью и обществом. Другими словами можно сказать, что *Чернобыль* обнаружил новые риски: “Чернобыль был “антропологическим шоком” для Западной Европы, практически разрушая эффективность каждодневного знания и подчеркивая, насколько определения условия безопасного проживания (используя терминологию общества риска) находится в руках экспертов различного рода (Beck 1987). Этот взрыв произошел в другом месте, в другой форме и в другой Европе. Чернобыль был тесно связан с крахом Советского Союза как системы. В данном процессе Чернобыль, или риск, стал важным ресурсом, который сработал вхолостую. Таким образом, это технологическая катастрофа генерировала необычный мир, сложный для понимания в своих последствиях, постсоциалистическое общество, социальная мобилизация и локальное знание и опыты со здоровьем были утверждены заново и по-иному” (Петрупа 2002: 3-4).

Проблема риска, обусловленного аварией на ЧАЭС, связана, в первую очередь, с радиационными рисками, эффектами от полученных доз радиации и опасности внутреннего облучения в результате употребления в пищу загрязненных продуктов (молока, мяса, а также ягод и грибов). Радиационные риски предстают как неопределенность в отношении возможных долгосрочных медицинских последствий аварии. Данная неуверенность усугубляется различными дискуссиями как внутри научного сообщества, так и с представителями гражданского общества: “Специалисты ядерной отрасли признают наличие лишь очень небольшого круга проблем, вызванных Чернобыльской аварией, и настаивают на их узкой трактовке. В то же время

⁹⁸ Советская Белоруссия, Послание Президента Национальному собранию, 8.04.1999: 1

некоторые политики, ученые и активисты общественных организаций заявляют о глубоких и разнообразных последствиях аварии для здоровья миллионов людей” (UNDP, UNICEF, WHO 2002: 7).

При этом нужно отметить, что риск имеет свою территориальную и социальную характеристику. Ситуация риска развивается на территории и касается группы населения, то есть надления ситуации качеством риска сопровождается выделением *территории* и *группы населения*, присвоением им других качеств, характеристик, выделяющих их из существующих классификаций. Что позволяет говорить, например, о территории и о населении, пострадавшем в результате катастрофы на ЧАЭС, как о *чернобыльской территории* и о *чернобыльском населении*, надленном специфическими характеристиками. И важным в данном контексте становится именно процесс классификации, а именно выделение данных категорий: переход от пострадавших территорий и населения к специальным категориям, отражающим характеристики *социального* или *географического* исключения.

В частности к постчернобыльским рискам относятся риски, вызванные радиационным облучением, и риски, обусловленные социальным контекстом, или социальные риски. Первая группа рисков основана на взаимосвязи между полученной дозой и произведенным эффектом на здоровье человека: *детерминированный* и *стохастический* эффект. Детерминированные эффекты облучения представляют собой установленные изменения здоровья населения, вызванные полученной дозой радиоактивного облучения. А стохастический эффект представляет собой не установленные, неподтвержденные и долгосрочные изменения здоровья населения, подвергшегося радиоактивному облучению, к стохастическим эффектам относят канцерогенный риск и генетические эффекты. Разделение на данные эффекты радиационного облучения, равно, как и первоначальное увязывание риска только с полученной дозой и производимым эффектом, усложняет количественное определение рисков и обозначает определенную поляризацию в интерпретации постчернобыльских рисков, предоставляя возможности для манипуляций. Определение эффектов облучения, детерминированных или стохастических, становится не только научным процессом, выявлением эффекта от полученной дозы, но и политическим процессом, дающим возможность для столкновения не только различных интересов, мнений и суждений, но и для формирования

чернобыльской политики. Данное противоречие выражается в большей степени в принятии “Концепции проживания населения на территориях, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС” в 1990 и в 1995 годах. Таким образом, проблема постчернобыльских рисков переводит научные дебаты в область политических, а разработка научных решений помещается в совокупность факторов и акторов, влияющих на процесс конструирования научных фактов.

Другая характеристика социологии постчернобыльских рисков связана тоже с проблемой зависимости дозы и эффекта облучения, а именно с проблемой “малых доз”, полученных населением: речь идет как о размере полученной дозы, так и о группах населения, которые ее получили или могли получить, а также об эффектах этих доз на здоровье индивидов и необходимых мерах. С методологической точки зрения прогнозирование рисков малой дозы радиации вызывает большее число опасений, прежде всего, с точки зрения диапазона оценки показателей и их экстраполяции на другие группы (Чешевик 2001: 64-65).

Важным элементом в социологии постчернобыльских рисков является также их соотношения с другими факторами риска. Принимая во внимание данные, приведенные Чешевик (2001: 110), нужно отметить, что радиационные риски в период с 1993 по 1995 год были для населения Беларуси не самыми определяющими и стояли после таких социальных и экономических рисков как повышение цен, низкий жизненный уровень и преступление против личности. Данное утверждение позволяет говорить не столько о многофакторности риска, сколько о переплетении ситуации радиационного облучения части населения Беларуси и переходного состояния общества.

Rinkevicius (2000), например, характеризует данную ситуацию как ситуацию *double risk society*, в котором общество подвергается и риску радиационного заражения, совмещенного с риском трансформационных процессов, экономических, политических и социальных. Чешевик (2001) называет данную ситуацию двойной спиралью социальных и радиологических рисков, делая акцент при этом на их взаимообусловленности: “Глубокие деструктивные изменения в образе жизни людей, вызванные негативными последствиями Чернобыльской катастрофы, органично вплетены в противоречивые социально-психологические процессы трансформационного характера, происходящие вследствие распада СССР и обретения Беларусью политической

независимости” (Чешевик 2001: 141). Данная ситуация в большей степени осложняет как отдельное изучение радиационных рисков, так и степень восприятия рисков населением.

Если говорить о восприятии радиационного риска, то в исследовании “Факторы риска последствий Чернобыльской катастрофы” (Чешевик 2001) данный социальный процесс рассматривается с точки зрения восприятия населением источников радиоактивной опасности, то есть локализации радиации в воздухе, воде, почве и продуктах питания. По приведенным данным (Чешевик 2001: 123), данные источники радиоактивности воспринимаются населением, проживающим на загрязненных территориях, как одинаково опасные: от 41,1 до 43,8% опрошенных считают, что опасность очень велика. Разделение данных ответов на группы по полу, возрасту и профессии не позволило выявить закономерности в определении процесса восприятия радиационного риска. К тому же сведение данного процесса исключительно к источникам радиационной опасности не позволяет не только учитывать разные факторы, влияющие на процесс восприятия радиационного риска, но и сводит этот процесс только к практикам локализации пострадавшим населением опасности, которую представляет собой радиация. Следует также добавить, что среди факторов, влияющих на восприятие радиационных рисков, не учитывается, например, степень доступности информации о рисках, роль СМИ и степень доверия к органам власти.

Следующей важной характеристикой социологии постчернобыльских рисков является инструментализация информации, а именно сведение концепции риска к управляемости рисками. Другими словами максимальное использование элементов прогнозирования и экстраполяции радиоактивных рисков в построении концепции чернобыльской политики, при уделении внимания как идеологической составляющей, так и роли экспертов в определении политической повестки: “Риску, в зависимости от позиции профессионала и общественного деятеля, можно придать любой оттенок: сконцентрировать внимание только на негативных сторонах, либо постараться дать ограниченную информацию по этому вопросу, а то и просто умолчать о них” (Чешевик 2001: 134).

Пострадавшее население нуждается в информации о рисках, связанных с различными видами радиационного воздействия на организм человека. Но

информированность населения остается низкой, а радиационные риски, таким образом, становятся областью долгосрочных стратегий власти. При этом кроме неуверенности, создаваемой “неизученными аспектами воздействия радиации”, возникает ситуация тревоги у тех жителей, которые подверглись переселению или остались жить на загрязненных территориях: “Многие из этих людей с большим трудом приспосабливаются к новым условиям жизни и до сих пор страдают от сильного стресса, вызванного безработицей, чувством бессилия и неспособности распоряжаться собственной судьбой. Значительная доля переселенцев (особенно пожилых) до сих пор выражает желание вернуться на прежнее место жительства. Те, кто остался жить на загрязненных территориях, по-видимому, испытывают менее сильный стресс, однако они также страдают от безработицы. Многие семьи вынуждены растить и воспитывать детей в условиях радиоактивного загрязнения. Проведенные исследования показали, что в последние годы произошли серьезные изменения в психологических установках населения: сегодня гораздо меньшее число людей желает покинуть загрязненные районы” (UNDP, UNICEF, WHO 2002: 8).

Восприятие радиационного заражения как ситуации риска и потенциальной опасности, будет отличаться у разных социальных групп, так же как отличается восприятие риска в разных культурах (Douglas, Wildavsky 1984). Так, одни будут стремиться покинуть загрязненные территории, а другие высказывать нежелание оставлять свои дома и землю перед невидимой угрозой, которая представляет собой радиация. Именно в такой ситуации неопределенности и беззащитности перед угрозой риск становится частью политики, а именно: с одной стороны – поводом, а с другой – средством для политического вмешательства для регулирования общественной и социальной среды. Риск становится политикой, потому что представляет собой, возможность влияния, контроля и подчинения социальных групп: “Понятие риска употребляется как для легитимизации публичной политики, так и для ее дискредитации, как для обличения ее мягкости, так и для обличения ее жестокости, как для подтверждения все увеличивающегося социального контроля, так и для защиты или наоборот выпада против социальной системы. Это неисчерпаемый политический ресурс, потому что естественная характеристика риска это его распространяемость, особенно это касается загрязнения окружающей среды” (Peretti-Watel 2000: 18). Данная ситуация представляет собой огромное

пространство для конструирования и управления рисками, связанными как с радиационной обстановкой, так и с новым образом жизни пострадавшего населения. Все это делает *Чернобыль* областью вмешательства со стороны властей. Частное и публичное становится единым объектом регулирования: начиная с личной гигиены, а заканчивая воссозданием социальных структур в пострадавших населенных пунктах.⁹⁹

Чернобыль создал новые риски не только потому, что привел к загрязнению окружающей среды, но и потому что, наука не смогла предвидеть и объяснить всех последствий. Неопределенность, противоречивость и неполнота знания о *Чернобыле* стали дополнительным источником тревоги и риска. Знание о *Чернобыле* до сих пор остается источником риска, на котором строилась государственная политика по преодолению последствий на ЧАЭС в переходный период и строится на современном этапе.

Трансформации дискурса в науке, обозначенные *Чернобылем*, можно отразить и через концепцию “политической экологии”, предложенную Бруно Латуром. В своей книге “Политики природы”¹⁰⁰ Бруно Латур развивает идею, которую он предложил в своем предыдущем труде “Нового времени не было”¹⁰¹, основанном на отрицании или даже на переосмыслении “современности” или “модерна” и роли идеи прогресса: “Прежняя идея прогресса, та, которую мы недавно отбросили, позволяла нам быть невнимательным, она освобождала нас от того, чтобы быть осторожными и осмотрительными; новая же идея появляется как обязательство быть осторожными, разборчивыми и избирательными в представляемых нам возможностях. То, что Ульрих Бек и Антони Гидденс определяют как “рефлексивный модерн” или “второй модерн”, тот который начинается на наших глазах и превращает Европу во что-то более интересное, чем то, что она собой наивно представляла, будучи современной” (Latour 1996). Латур развивает

⁹⁹“ Во времена СССР население городов и сел обслуживалось многочисленными учреждениями и организациями, в том числе колхозами, домами культуры, а также различными общественными организациями, действовавшими под руководством КПСС, – например, пионерской организацией. Большинство таких организаций исчезло, причем без равноценной замены” (UNDP, UNICEF, WHO 2002: 14).

¹⁰⁰ Bruno Latour “Politiques de la nature. Comment faire entrer les sciences en démocratie”, La Découverte, Paris, 2004. В русском переводе был издан небольшой отрывок из введения в книгу в журнале *Неприкосновенный запас* № 2 (46), 2006, <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/>

¹⁰¹ В русском переводе книга была опубликована в 2006 году издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге под названием “Нового времени не было” Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О. В. Хархордин.

эту мысль, придавая уже значение не деконструкции прежних представлений и понятий о будущем общества, а конструкции новой системы смыслов, объединяющей и примиряющей природу, науку, и общество.

Термин “политическая экология” позволяет расширить рамки *Чернобыля*, выраженного в изменениях окружающей среды и общественной системы. Латур, рассуждая о термине “политическая экология”, говорит о том, что происходит преобразование “чистых” объектов в “рискованные”, а также приводит пример с асбестом “magic material”, который долгое время считали универсальным и совершенным материалом, соответствовавшим всем требованиям нового времени, до тех пор, пока не был признан опасным для здоровья. Тут, как отмечает Латур, произошло это преобразование из чистого объекта в рискованное соединение, асбест стал “кошмарной смесью права, гигиены и риска”.

О последствиях катастрофы на ЧАЭС можно рассуждать и в этой перспективе. До 1986 года ядерная энергетика воспринималась как безопасная и дешевая (magic energy), а после катастрофы сразу поменяла свой статус, стала “кошмарной смесью права, гигиены и риска”. Политическая экология делает акцент на безопасности процесса создания рискованных объектов, а не на последствиях их введения в социально-политическую реальность. “Политическая экология не перенаправляет внимание от человеческого полюса к полюсу природы; она переходит от уверенности относительно производства объектов, свободных от риска (с ясным разделением между вещами и людьми), к неуверенности в тех отношениях, неожиданные последствия которых грозят разрушить все упорядоченности, все планы, все воздействия. Политическая экология, с такой замечательной эффективностью, опять ставит под вопрос саму возможность собирать, согласно раз и навсегда утвержденному порядку, иерархию акторов и ценностей. Бесконечно малая причина может привести к большим следствиям; незначительный актер становится главным; великая катастрофа исчезает словно по волшебству; чудодейственный продукт приводит к чудовищным последствиям; монструозное существо приручается без труда. С политической экологией мы всегда оказываемся в невыгодном положении, сталкиваясь попеременно то с жесткостью экосистем, то с их хрупкостью” (Латур 2006). Концепция “политической экологии” Латура предлагает приоткрыть занавес на сложную социально-политическую

структуру современных систем и обратить внимание на то, что новые вызовы становятся вскоре частью системы и принимают ее органические формы. Таким образом, *Чернобыль* трансформировался из потенциальной угрозы и опасности для существующего политического порядка, в угрозу и опасность для жизни человека в обществе.

Schmid (2004), анализируя трансформации “ядерного” дискурса после катастрофы на ЧАЭС, показывает, что в официальном дискурсе произошли определенные изменения в самой концепции риска и опасности, что изменило отношение между государственными институтами, учеными экспертами и обществом: “В начале переходного периода в советских средствах массовой информации начал появляться дискурс “неуверенности”. Дискурсы о рисках и слабости ядерной энергии стали технологиями, риторическими инструментами для получения, объединения и защиты власти и легитимности экспертизы, так же как для контроля над процессами принятия решения в области энергетики и, в результате во всем политическом процессе” (Schmid 2004: 354). Другими словами, трансформации дискурса, которые отмечает Schmid, касаются стратегий политической власти непосредственно в переходный период, направленных на использование дискурса о рисках ядерной энергии для сохранения политической системы.

Дискурс “ликвидации последствий” также использует *Чернобыль* для сохранения политического и социального порядка и воссоздает картинку реальности до катастрофы на ЧАЭС, а именно прежнего образа жизни и отношений между властью, обществом и наукой. Другими словами, можно сказать, что дискурс “ликвидации последствий” – это дискурс безопасного общества, перефразируя термин Бека (2000), *общества без риска*, или общества, победившего риск. И представляет собой способы и риторические инструменты объяснения постчернобыльской реальности: причины катастрофы и ее последствия для здоровья человека и состояния окружающей среды. Основным элементом, вокруг которого строиться данный дискурс – это радиация и риск радиационного заражения, которые и представляют с точки зрения власти основной источник опасности и тревоги, а значит источник конструирования и управления постчернобыльской реальностью.

Дискурс-коалиция “преодоления” использует риск для создания ситуации тревоги и незавершенности, а именно долгосрочного воздействия последствий

катастрофы на ЧАЭС и дискурса *общества риска*, где риски для жизни, создаваемые влиянием радиации, становятся “грозными возможностями” (Бек 2000), потому что сталкивают власть, научные структуры и общество не только с неизвестной угрозой, но и с угрозой неизвестности. Гуманный научный дискурс в “Концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС”, принятой в 1990 году, выводит на передний план не только заботу о человеке, но и расширяет воздействие радиационных рисков, устанавливая принцип приемлемого риска, где даже самая маленькая доза радиации представляет опасность для здоровья человека в долгосрочной перспективе.

Дискурс-коалиция “ликвидации” повлияла на появление политических рисков. Другими словами, *Чернобыль* в дискурсе “ликвидации” отражает то, как последствия катастрофы на ЧАЭС были переведены из экологических и биологических рисков (угроза здоровью), в область политических рисков. Здесь как раз уместно говорить о *Чернобыле* в дискурсе советской власти в период перестройки, отражающего построение новой системы. *Чернобыль* в данном контексте появляется как вызов для политической власти: не справляясь с этим вызовом, новыми рисками, используя политический метод замалчивания информации, политическая власть, таким образом, генерирует, трансформирует и перенаправляет экологические и биологические вызовы в область политического. Если, согласно Wograz (2008), совпадение социальных и политических процессов, а именно социальной мобилизации и формирования политической повестки приводит к извлечению риска, то в ситуации с постчернобыльской мобилизацией речь не идет о совпадении данных процессов, потому что первичная мобилизация происходила в условиях отсутствия информации и не имела повсеместного и массового характера и представляла собой совокупность разрозненных, индивидуальных практик в неуверенной и нестабильной политической среде конца 1980-х годов. Это образовало определенный *паттерн риска*, связанный с *Чернобылем*: в стратегиях власти экологические и биологические риски *Чернобыля* переводятся в область политических рисков.

6.4. Дискурсивный поворот: строительство АЭС в Беларуси

Ядерный дискурс начинает появляться в поле политики Беларуси в начале 2000-х годов, начиная с первых предложений и инициатив о строительстве АЭС

на территории Беларуси. С 2006 года проект строительства атомной станции превратился из энергетической перспективы режима Лукашенко в политический проект, выражающий не только рациональный расчет, но и политическую волю. Строительство атомной станции – это долгосрочный проект, задействующий разных публичных акторов и отвечающий не только на экономическую и энергетическую необходимость Беларуси, но и на авторитарные амбиции президента Лукашенко.

Решение по поводу строительства атомной станции было принято 15 января 2008 года на заседании Совета безопасности Республики Беларусь под руководством президента Александра Лукашенко.¹⁰² После принятия политического решения о строительстве атомной станции данный проект приобрел не только ярко выраженный политический окрас, но и символическое и легитимирующее значение. В первую очередь данный проект это источник легитимности для политической власти и только во вторую очередь – это источник энергии. В данном контексте можно предположить, что этот проект по своему символическому значению может превратиться в “стройку века” по аналогии со стройками советского периода.

С одной стороны, проект строительства АЭС успешно продвигается и основные акторы мобилизуются, чтобы не только участвовать в реализации самого амбициозного государственного проекта в Беларуси, но и чтобы участвовать в формировании нового смыслового и символического пространства, которым является политика в области использования атомной энергии (ядерная политика). С другой стороны, чем больше проект строительства атомной станции становится реальным, тем большим становится разрыв между сторонниками и противниками реализации данного проекта. Что позволяет в данном случае говорить, как о столкновении дискурс-коалиций “ликвидации” и “преодоления”, так и о формировании нового дискурса в поле политики Беларуси, а именно ядерного дискурса.

Развитие ядерной энергетики было практически невозможным в условиях реализации чернобыльской политики. Принятие белорусским парламентом в 1998 году моратория на строительство ядерных объектов на территории Беларуси в течение 10 лет приостановило использование ядерной энергии на территории Беларуси. Формирование и реализация ядерной политики в

¹⁰² Постановление Совета безопасности Республики Беларусь № 1 от 31.01.2008.

Беларуси было во многом обусловлено символическим пространством чернобыльской политики, формирующем смыслы и значения ядерной энергии как небезопасного источника. Именно поэтому доминирование дискурса “ликвидации” должно свести влияние *Чернобыля* на социальные и политические практики к минимуму и уступить место формирующемуся ядерному дискурсу, где главным риторическим инструментом является безопасность эксплуатации атомной энергии и ядерных объектов.

Формирующиеся ядерный дискурс и политику в области использования ядерной энергии Беларуси можно рассматривать и объяснять в контексте предшествующих дискурсивных практик, а именно тех, которые были созданы советским ядерным дискурсом. В данном случае уместно использование термина *package*, которое было использовано Gamson, Modigliani (1986) для анализа отношения общественного мнения и ядерного медиа-дискурса. Данный термин можно обозначить как смысловые рамки, а именно как совокупность символов, конструирующих и передающих основные смыслы и значения через структуры языка (Gamson, Modigliani 1989: 3). Согласно предположению авторов данной концепции, ядерный дискурс выражается в смене различных смысловых рамок, а именно *прогресса* и *энергетической независимости*. Речь идет, прежде всего, о том, что основными аргументами и основаниями ядерного дискурса на различных этапах развития использования атомной энергии были идея прогресса, а именно развития общества и технологий, а также идея независимости от других источников энергии, в частности нефти и газа. Если применять данную концепцию *package* к ядерному дискурсу в БССР и Беларуси, то можно выделить следующие смысловые рамки и периоды. В БССР до 1986 года можно говорить о доминировании в ядерном дискурсе идеи *прогресса*, с акцентом как на безопасность использования атомной энергии, так и на победу человека над энергией атома. С 1986 года, после катастрофы на ЧАЭС, и вплоть до 2000-х годов в Беларуси доминирует в большей степени антиядерный дискурс или элементы дискурса *риска* использования атомной энергии. Следует напомнить, что именно в данный период были приняты решения о прекращении строительства АЭС вблизи Минска, об отказе от строительства вблизи Витебска, десятилетний мораторий на строительство ядерных объектов на территории Беларуси. С 2006 года можно обозначить новый этап в развитии ядерного дискурса в Беларуси, связанного со

строительством собственной АЭС. На данном этапе нужно отметить доминирование смысловых рамок, использующих идею *энергетической независимости*, с акцентом на экономической и социальной необходимости, а также на безопасности эксплуатации атомной энергии.

Основным аргументом официального дискурса, легитимирующего развитие ядерной энергии в Беларуси, является дискурс безопасности, в том числе энергетической безопасности страны, которая в совокупности обеспечивается комбинацией нескольких факторов: развитие атомной энергетики, модернизация энергетической системы, использование возобновляемых источников энергии и диверсификация источников энергии, что позволит уменьшить энергетическую зависимость и увеличить политическую и экономическую независимость страны. Дискурс безопасности активно использует аргументы политической независимости страны, а также аргументы вероятного риска: “Сегодня мы закладываем основу функционирования белорусского государства в условиях, когда на Земле обостряется глобальная проблема истощения запасов углеводородного сырья. Я думаю, будущие поколения оценят наше решение. (...) Наша задача – выйти на единственно верный вариант, при котором Беларуси удастся свести к минимуму сопутствующие риски, чтобы в полной мере воспользоваться всеми преимуществами собственной АЭС. (...) Это энергетическое предприятие имеет для нас большое значение, все связанные с ним вопросы важны, поскольку они затрагивают безопасность населения, причем не только нашей страны. Но таких энергетических предприятий построено на планете уже несколько сотен, поэтому в строительстве белорусской АЭС нет ничего чрезвычайного – в мире опыт создания таких объектов уже есть” (Выступление Лукашенко на заседании Совета безопасности 15.01.2008).

Следует добавить важный элемент нового формирующегося ядерного дискурса, это элементы внешней легитимизации для реализации политики в области использования атомной энергии. Речь идет, прежде всего, о том, что проект строительства атомной станции – это первая инициатива белорусского правительства, не повлекшая реакцию западных стран, а значит можно предположить, что данная инициатива ориентирована на внешнее признание, а не на внутреннюю легитимацию, потому что строительство атомной станции не является “популярным” проектом среди белорусского населения, чье мнение по

этому поводу далеко не однозначно. Следовательно, для реализации данного проекта белорусское правительство будет стараться по максимуму использовать дискурс внешнего сотрудничества и международного участия для легитимации ядерной политики.

Различные социологические опросы отражают неоднозначное мнение белорусов по поводу необходимости строительства АЭС на территории страны. Согласно комплексному исследованию общественного мнения, проведенного Институтом социологии, в Беларуси изменилось отношение к развитию ядерной энергетики: “Произошли качественные изменения в отношении населения к развитию собственной ядерной энергетики: почти вдвое выросло число сторонников данного пути – с 28,3 в 2005 году до 54,8% в 2008 году; 2/3 опрошенных выразили уверенность, что со строительством АЭС значительно улучшится ситуация в топливно-энергетическом комплексе страны, а также повысится конкурентоспособность белорусских товаров и услуг; 75,5% выразили готовность поддержать строительство АЭС при соблюдении условий безопасности, конкурсного отбора и международной экспертизе проекта” (Отчет Института социологии РБ, июль 2008: 120).¹⁰³ Однако, в данном исследовании, так и не приводятся данные по поводу отношения населения именно к проекту строительства АЭС, в то время как данные национального опроса, проведенного Независимым институтом социально-экономических и политических исследований, отражают практически равное разделение между теми, кто не одобряет решение руководства страны о строительстве собственной атомной станции – 42.1% в марте 2008 года и 40,2 % в июне 2008 года, и между теми, кто одобряет данное решение – 37.4% в марте 2008 года и 37,8 % в июне 2008 года.¹⁰⁴ Данные социологические оценки общественного мнения иллюстрируют не только способы социального восприятия проблем, связанных со строительством АЭС в Беларуси, но и способы социологического конструирования и репрезентации проблем, связанные со строительством АЭС. Так, мы можем отметить, что исследование Института социологии НАНБ

¹⁰³ В приложении №4 приведены некоторые социологические данные “Изучения общественного мнения по проблеме ядерной энергетики и разработка рекомендаций по повышению степени доверия населения к строительству АЭС в Республике Беларусь”, Институт социологии НАНБ, июль 2008 г., <http://sociologyby.org/library/hursnir.html>

¹⁰⁴ По данным национальных опросов НИСЭПИ от 03.08, стр. 6 и 06.08, стр.9, <http://www.iiseps.org/poll08.html> (20.04.2009). Вопрос формулировался следующим образом: Руководство страны приняло окончательное решение строить в Беларуси атомную электростанцию. Каково Ваше отношение к этому решению?

построено на введении вопроса строительства АЭС через отношение населения к ядерной энергетике в целом, в то время как НИСЭПИ вводит данный вопрос как решение руководства страны, то есть исключительно как политическое решение. Так же следует отметить, что исследование Института социологии избегает упоминания Чернобыльской катастрофы во всех задаваемых вопросах, кроме того, рекомендуется при формировании информационной политики по использованию ядерной энергии не использовать каких-либо понятий, связанных с *Чернобылем*: “Кстати, выражение “30-километровая зона” вошло в обиход после аварии на ЧАЭС и вызывает негативные психологические ассоциации. Хотя оно упоминается в некоторых материалах МАГАТЭ, нам было бы целесообразно в информационной работе с населением его не использовать” (Институт социологии НАНБ: 110).

Для реализации решения о строительстве атомной станции, а также для развития ядерной энергетике были приняты меры по формированию законодательной базы, а именно указ “О некоторых мерах по строительству атомной электростанции”, а также закон “Об использовании атомной энергии”. На институциональном уровне также произошли изменения: был сформирован Департамент по ядерной и радиационной безопасности как основной надзорный орган в сфере атомной энергетике, а также была создана Дирекция строительства АЭС.

Законом “Об использовании атомной энергии” определяется система отношений между публичными институтами в области использовании ядерной энергии и вписывается в существующую систему разделения властей. В данном законе заложено не только функциональное разделение, определение полномочий и круга публичных институтов, участвующих в атомной политике, но и символическое разделение, а именно разведение смыслов и значений, связанных с использованием ядерной энергии.

Данным законом вводятся и определяются новые термины и понятия, а именно смысловые и символические рамки формирующейся атомной политики. Введение таких понятий как ядерный материал, ядерная установка, ядерный реактор, атомная станция, позволяет перевести использование ядерной энергии из области вероятного в область реального, из области научного в область социального, гражданского и политического. Тем самым использование ядерной энергии приобретает новое символическое пространство, не связанное

с *Чернобылем*. Это другое, самостоятельное поле политических и социальных отношений, формирующееся независимо от пространства опыта, которым является *Чернобыль*, несущий смыслы и значения не только противоположные, но и способные перекрыть политические и социальные отношения в области использования атомной энергии.

Закон “Об использовании ядерной энергии” определяет также те условия, которые влияют при принятии решения о строительстве ядерного объекта, АЭС (ст.14). К ним относятся экономическая, социальная потребность, гражданская безопасность и экологическая безопасность. Сама идея использования ядерной энергии в данном Законе презентуется как безопасная: строительство ядерного объекта, АЭС, является полностью безопасным, представляет опасность именно функционирование и использование АЭС. С точки зрения символического значения, разницы между принятием политического решения о строительстве и запуском АЭС практически нет, их смысловые рамки совершенно идентичны. Это разделение между “строительством” и “использованием” ядерного объекта представляет собой риторический инструмент ядерного дискурса, направленного, прежде всего, на создание и укрепление образа безопасности использования ядерной энергии. Именно того образа “укрощения атома”, который господствовал в атомной энергетике СССР до катастрофы на ЧАЭС.

Если ядерный дискурс сторонников строительства АЭС в Беларуси использует дискурсивные элементы дискурс-коалиции “ликвидации”, то антиядерный дискурс противников строительства АЭС в Беларуси использует элементы дискурс-коалиции “преодоления”. То, что разделение на сторонников и противников строительства имеет место в публичном пространстве и выражено в дискурсивных противоречиях, находит свое подтверждение и в дискурсе Лукашенко, который дает четкое описание оппонентов нового государственного проекта: “Некоторые горячие головы из числа оппонентов власти настойчиво пытаются организовать некую так называемую антиядерную кампанию среди населения. (...) Создается впечатление, что некоторые наши оппозиционеры и ученые живут в вакууме. У нас, как всегда, “беларускась” бежит впереди разума. Мы начинаем, посматривая из-за угла, рассуждать о необходимости строительства АЭС. Весь мир определился, а мы рассуждаем. А потом будем усиленно догонять. Но тогда это будет стоить в два раза дороже” (Лукашенко 15.01.2008).

Прежде всего, необходимо отметить, что антиядерный дискурс стал дискурсом ученых, а не политических структур. В действующих структурах политической оппозиции отсутствует четкое мнение по поводу необходимости строительства атомной станции в Беларуси. Данная тема не стала проблемой и не использовалась оппозиционными политическими партиями, как для социальной мобилизации, так и для формирования антиядерного дискурса. В контексте противостояния между сторонниками и противниками в большей степени превалирует научное мнение.

Следует упомянуть о том, что как и в чернобыльской политике, так и в формирующейся атомной политике существуют практически идентичные разделения внутри научного сообщества. Так, ученые дискурс-коалиции “ликвидации”, это ученые которые поддерживают строительство АЭС в Беларуси, ученые дискурс-коалиции “преодоления”, это ученые, которые не поддерживают данный проект. В качестве примера можно привести дискурс антиядерного движения “За безъядерную Беларусь”, создаваемого белорусскими учеными Федюшиным, Лепиным и Юшко. Антиядерный дискурс данного движения складывается, прежде всего, из аргумента о необходимости возобновить деятельность Комиссии по использованию атомной энергии, по инициативе которой в 1998 году был объявлен десятилетний мораторий на строительство АЭС в Беларуси. Профессор Юшко, например, вовсе называет политику в области использования ядерной энергии “политикой на загнивание”, которая приведет Беларусь к кризису ввиду сокращающихся запасов ядерного топлива: “К 2020 году мы запустим атомную станцию. Нормально функционировать она не сможет, потому что к тому времени ядерное топливо в мире будет на исходе. Другие же направления энергетики мы не развивали, потому что все средства были пущены на АЭС. Развалится вся экономика республики, вся энергетика”.¹⁰⁵ Другой аргумент антиядерного дискурса касается проблемы изношенности энергетических систем, которые не достаточно мощны, чтобы принять и гарантировать работу ядерного реактора. Последний аргумент данного дискурса – это дороговизна данного проекта, которая обернется тем, что Беларусь после запуска первого энергоблока будет еще десять лет отдавать кредит в виде производимой энергии. “Как бы ни

¹⁰⁵ “Ученые хотят защитить Беларусь от “Чернобыльского ада” и “ядерного рая””, <http://news.tut.by/society/104893.html>, 10.03.2008.

построили станцию, любой реактор опасен и вреден в процессе своей эксплуатации. Будь он хоть на 100% надежный, он все время будет продолжать отравлять нашу территорию и людей”.

Основным аргументом научного дискурса сторонников строительства АЭС является “Чернобыльский синдром”. Этот элемент дискурса-коалиции “ликвидации” появился ещё при первых постчернобыльских исследованиях отношения населения к строительству АЭС: “Сохраняющееся среди значительной части населения (39%) Беларуси недоверия к атомной энергетике в первую очередь обусловлено “Чернобыльским синдромом” – страхом, что повторится трагедия, подобная той, что произошла 10 лет назад на Чернобыльской АЭС” (Бабосов 1996: 109). Этот же аргумент используется и в 2008 году уже после принятия политического решения о строительстве АЭС директором Национальной комиссии по радиационной защите (НКРЗ) профессором Яковым Кенигсбергом: “Строительство АЭС болезненно воспринимается в любой стране, а в Беларуси еще и усугубляется чернобыльским синдромом”¹⁰⁶. Также он использует и подтверждает разделение между “строительством” и “использованием” ядерного объекта: “При строительстве нет опасности, пока не завозится топливо, не начинается подготовка к запуску и эксплуатация станции. (..) При нормальной эксплуатации станции никаких переоблучений не будет” (Кенигсберг 24.07.2008).

Как уже было отмечено, принятие решений в области использования атомной энергии, а именно формирование ядерной политики в Беларуси, обусловлено существованием чернобыльской политики. Другими словами, можно сказать, что ядерная политика выступает заложником государственной чернобыльской политики.

Именно в данном контексте также уместно упоминание термина *path dependency* (Pierson 1993, 2000), обозначающего феномен зависимости формирования новой модели (экономической или политической), в данном случае модели политики, от ранее принятых решений в данной области. С точки зрения конструктивистского подхода возможности новой модели ограничены не только прежними институциональными рамками и моделями

¹⁰⁶ “Мининформации: В Беларуси необходимо провести ликбез по ядерной тематике”, <http://news.tut.by/113553.html>, 24.07.2008.

поведения основных акторов, но и теми смыслами и значениями, которыми данная политика наполнялась. Данный термин уже применялся для объяснения того, как и для чего в дискурсе президента Лукашенко используется советский опыт чернобыльской политики для формирования новой политики. Если в данном случае рамки чернобыльской политики задавались решениями и действиями, принятыми и предпринятыми в советский период, что особенно сказывалось на работе с населением, а именно доверия к органам власти, то в контексте формирующейся политики в области использования атомной энергии рамки задаются существующей чернобыльской политикой. Именно поэтому на передний план в политическом дискурсе выходит необходимость изменений в чернобыльской политике, тех изменений, которые позволят развитие атомной политики в Беларуси.

Barthe (2006) в своем исследовании принятия решения об обработке ядерных отходов во Франции расширяет область применения и возможности концепции *path dependency*. По его предположению до 1991 года во Франции решение об обработке ядерных отходов являлось *необратимым*: “Данный процесс выражался в том, что набор технических решений данного вопроса был очень ограничен, что привело к ситуации технологической “блокировки”. Захоронение ядерных отходов принимает форму фатальности и, в какой-то степени, неизбежность данного решения приводит к закрытию данного вопроса. (...) В данном случае политика *необратимости* это политика деполитизации: вывести некоторые вопросы из сферы дискуссий в область безвременной необходимости” (Barthe 2006: 210). Подчеркивая характеристики политического процесса, Barthe выводит на передний план вопросы технической и научной неизбежности принятия тех или иных политических решений, а также те механизмы, которые могут привести к обратимости данного решения. Согласно его предположению, в политических решениях, принятие которых презентуется как неизбежность с технической или научной точки зрения, заложены механизмы, которые могут привести к обратному процессу и расширить как научные возможности, так и политическое применение. Так, в принятии решения о строительстве атомной станции в Беларуси тоже заложены механизмы необратимости – а именно неизбежности прекращения чернобыльской политики, и как следствие деполитизации – а именно вывода чернобыльских вопросов из сферы научных и публичных

дискуссий. Данные механизмы выражаются в трансформациях чернобыльской политики, институциональных и символических.

Данные изменения являются тем фундаментом и основанием, на котором будет строиться новая атомная политика. Дискурс-коалиция “ликвидации” и есть эта основа, где главным риторическим инструментом является уменьшение присутствия *Чернобыля* в социальной и политической реальности. Данное предположение подтверждается и дискурсом президента Лукашенко во время митинга-реквиема в городском поселке Комарин, посвященном 23-й годовщине аварии на ЧАЭС и 65-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, в котором он обозначил основные приоритеты чернобыльской политики на ближайшее время, с учетом уже принятого решения о строительстве АЭС. Данное мероприятие являлось частью политического ритуала, которым стали ежегодные рабочие поездки президента Лукашенко на пострадавшие от катастрофы на ЧАЭС территории в годовщину аварии. Следует отметить, что проходившие мероприятия в 2009 году носили несколько измененный символический характер. Факт проведение митинга-реквиема, совмещающего две даты и два разных события, а именно освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и годовщину аварии на ЧАЭС, уже можно считать отправной точкой изменений в чернобыльской политике. Данные символические изменения можно интерпретировать как замещение смыслов, а именно приравнивание разного пережитого опыта к единому.

Глава белорусского государства обозначил, прежде всего, то, что Беларусь вступила в новый этап чернобыльской политики: “Главное в нем – переход от реабилитации к развитию пострадавших территорий, причем обязательно при сохранении всех необходимых мер по радиационной защите населения” (Лукашенко 26.04.2009). В контексте нового этапа, а именно развития пострадавших территорий, в дискурсе Лукашенко активно используется идея возрождения, которая имеет значение восстановления прежнего образа жизни на данных территориях: “Возродить этот край мы будем, чего бы это нам не стоило. Мы будем восстанавливать страну в этой ее части, а не стенать и плакать. (...) Сейчас важно не просто минимизировать последствия Чернобыля, а создать нормальные производственные и бытовые условия, чтобы люди были уверены в завтрашнем дне” (Лукашенко 26.04.2009). Политический дискурс

Чернобыля продолжает использовать и основывается на логике дискурскоалиции “ликвидации”: чернобыльские последствия имеют значение только в краткосрочной перспективе – здесь и сейчас, а в долгосрочной перспективе чернобыльские последствия должны исчезнуть. Данная логика подтверждается и дискурсивными элементами дискурскоалиции “ликвидации”, которые используются в дискурсе Лукашенко. Речь идет, прежде всего, об элементах дискурса риска и биополитики, где основными параметрами являются безопасность населения и его физическое здоровье и численность. Так, элементы дискурса биополитики появляются в контексте новой политики как аргумент, подтверждающий необходимость возрождения территорий, и как аргумент, иллюстрирующий, что приоритетом чернобыльской политики остается не здоровье человека, а физическое состояние населения, выраженное в численности и в коэффициенте естественного прироста: “В Брагине уже рождается людей больше, чем умирает, что свидетельствует о том, что жизнь в данном регионе улучшается” (Лукашенко 26.04.2009).

Также важным элементом дискурса биополитики, который используется в политическом дискурсе Лукашенко, – это дискурс категоризации населения. В контексте нового этапа чернобыльской политики дискурс прежней классификации и категоризации населения, в том числе пострадавшего, нет места: происходит стирание постчернобыльских социальных различий: “Не забывая о трагедии Чернобыля, мы перестали делить людей на чернобыльцев и нечернобыльцев. С этого года мы начинаем стремительно возрождать загрязненные радионуклидами территории” (Лукашенко 26.04.2009). Данную тенденцию нового этапа чернобыльской политики можно интерпретировать и как будущее изменение структуры населения в целом, что может свидетельствовать о возвращении к социальной структуре белорусского общества в докатастрофный период. Исчезнут такие группы населения как переселенцы и ликвидаторы. Об исчезновении группы ликвидаторов уже может свидетельствовать сокращение социальных льгот данной группе согласно указу Президента Республики Беларусь от 1 сентября 1995 г. №349 “Об упорядочении некоторых льгот для отдельных категорий граждан”¹⁰⁷. Это

¹⁰⁷ Данным указом ликвидаторам были приостановлены следующие льготы: бесплатный проезд на транспорте; предоставление 50% скидки со стоимости проезда один раз в год в любой пункт страны и обратно на железнодорожном транспорте; оплата коммунальных услуг в размере 50% квартирной платы; получение беспроцентной ссуды на строительство и приобретение жилья;

означает, что становится все меньше и меньше социальных характеристик данной группы населения, отличающих ее от других социальных групп. К уменьшению льгот стоит добавить и уменьшение общественных организаций, занимавшихся проблемами и защитой прав ликвидаторов.

Элементы дискурса риска присутствуют в дискурсе о новом этапе чернобыльской политики в виде дискурса о безопасности населения при возрождении пострадавших территорий, что подчеркивает с точки зрения дискурса власти, вероятность опасности радиоактивного заражения: “Конечно, вопросом номер один будет безопасность наших граждан. Если вы видите, где можно распахивать землю, – распахивайте. Но необходимо усилить контроль за продовольствием, которое здесь производится” (Лукашенко 26.04.2009).

Если говорить об институциональных изменениях на новом этапе чернобыльской политики, то в дискурсе Лукашенко необходимо выделить две основных тенденции. Во-первых, переориентирование денежных средств – и как следствие государственных чернобыльских программ, которые были основным инструментом осуществления чернобыльской политики: “Все деньги, предусмотренные на чернобыльские программы, будут переориентированы на восстановление этих регионов” (Лукашенко 26.04.2009). Как уже было отмечено выше, данное изменение только подтверждает предположение о том, что *Чернобыль* в поле политики будет сводиться исключительно к идее восстановления и возрождения земель, пострадавших от аварии на ЧАЭС. Атрибутивные смыслы *Чернобыля* в политике будут неизменно сокращаться, точно также как и направления в чернобыльской политике, такие, как медицинские и социальные исследования, технические разработки и т.д. Во-вторых, важным институциональным изменением в чернобыльской политике может стать ликвидация главного института осуществления чернобыльской политики Госкомчернобыль, департамента по преодолению последствий аварии на ЧАЭС при МЧС: “Пока мы не ликвидируем департамент в МЧС и не отдадим эти вопросы губернаторам на местах, то толку не будет” (Лукашенко 26.04.2009). Исчезновение практически единственной политической структуры, которая занималась вопросами последствий аварии на ЧАЭС свидетельствует об открытых стратегиях власти,

возмещение ущерба, причиненного в результате заболевания или увечья, возникших в связи с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы, приведшей к стойкой утрате трудоспособности (без установления инвалидности).

связанных не столько с изменением институционального дизайна черновыльскай политики, а с “ликвидацией” всех признаков черновыльскай политики, указывающих на существование последствий аварии на ЧАЭС для Беларуси. С этой точки зрения становится практически невозможным существование в структурах исполнительной власти Департамента по ядерной и радиационной безопасности и Департамента по преодолению последствий аварии на ЧАЭС.

Можно предположить, что дискурс *Черновыльа* не только переплетался с ядерным дискурсом, но и черновыльскай политика заменяла или замещала ядерную политику в Беларуси. После вывода ядерного оружия и объявления Беларуси “безъядерной территорией”,¹⁰⁸ а также после введения моратория на строительство атомных объектов на территории Беларуси, ядерный дискурс и существование ядерной политики стало практически невозможным. Черновыльскай политика сначала сместила, а затем заместила данную тематику, как из политической повестки, так и из политического дискурса.

Переплетение черновыльского и ядерного дискурса представляет собой способ и пример взаимодействия двух дискурс-коалиций. Данное взаимодействие характеризуется доминированием дискурс-коалиции “ликвидации”, использование которой приведет к становлению ядерного дискурса как дискурса самостоятельного. *Черновыль* в политическом дискурсе постепенно уступит свое место *атомной энергии*, в то время как черновыльскай политика уступит ядерной политике Беларуси, потому что в поле политике Беларуси становится практически невозможной одновременная реализация черновыльскай программы и строительство собственной атомной станции. Данные политические действия находятся не только в различных, но и противоположных символических и смысловых полях, а также задействуют различных публичных акторов. К моменту запуска первого энергоблока АЭС в Беларуси практически прекратит свое существование черновыльскай политика, а, следуя логике доминирующей дискурс-коалиции, последствия катастрофы на ЧАЭС будут полностью ликвидированы. Именно поэтому, начиная с 1998 года

¹⁰⁸ Статья 18 Конституции Республики Беларусь: “Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство — нейтральным”. Обращение Верховного Совета Республики Беларусь к парламентам Европы от 11 июля 1996 года: “Наша конституционная цель — превращение территории Республики Беларусь в безъядерную зону и нейтральное государство”, Ведомости Верховного Совета Республики. Беларусь, 1996 г., №23, ст.438. 27 ноября 1996 года с территории Беларуси была выведена последняя ракета РС-12М “Тополь” (по маркировке НАТО “СС-25”), Вечерний Минск от 2 декабря 1996 года.

элементы дискурс-коалиции “ликвидации” становятся востребованы и вводятся в политический дискурс: они отражают стратегии власти, связанные с тем, чтобы не только уменьшить, но и полностью вывести и исключить *Чернобыль* из социальных и политических практик.

ВЫВОДЫ

Более чем за 20 лет Чернобыльская катастрофа и ее последствия стали частью социальной и политической реальности Беларуси, что выражено в определенных практиках. *Чернобыль* превратился в конструкт, наполненный различными смыслами и значениями. Исследование дискурс-коалиций позволило нам обнаружить те противоречивые и разделенные смыслы, которыми *Чернобыль* наполняют различные акторы, а также ответить на вопрос о том, что *Чернобыль* представляет собой в политике Беларуси на современном этапе.

По итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. *Чернобыль* представляет собой не только единичное событие, взрыв на Чернобыльской АЭС и географическую местность, но и совокупность практик, социальных и политических по отношению к последствиям катастрофы на ЧАЭС.
2. С точки зрения социологии знания, *Чернобыль* предстает не только как проблема регулирования природных процессов и конструирования научного знания, но и как проблема восприятия изменений, вызванных катастрофой на ЧАЭС, в обществе, науке и политике.
3. В контексте концепции риска *Чернобыль* может быть интерпретирован, как проблема радиационных рисков, представляющих не только опасность для пострадавшего населения, но и новые вызовы для политической власти. Риски, созданные *Чернобылем*, являются источником научного и политического конструирования постчернобыльской реальности.
4. С точки зрения концепции биовласти, *Чернобыль* обозначает способ регулирования биологической жизни человека и степень вмешательства власти в социальные и повседневные практики, легитимирует новые, публичные способы контроля и интервенции политической власти.
5. Обнаружение в чернобыльской политике различных концепций позволило выявить взаимодействие дискурс-коалиции “ликвидации последствий” и дискурс-коалиции “преодоления последствий”: принятие Верховным Советом БССР 19 июля 1990 года постановления “О мерах по ускорению реализации Государственной программы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС” и смена политики «ликвидации последствий» на политику «преодоления последствий».

6. Политика “ликвидации” последствий была направлена в большей степени на устранение физических последствий катастрофы на ЧАЭС – в частности, на уменьшение радиационного загрязнения и доз облучения населения. Концепция данной политики основывалась на идее обратимости последствий радиационного загрязнения. Политика “преодоления” была направлена в большей степени на регулирование социальных изменений – в частности, на переселение, социальную мобилизацию и здоровье населения. И основывалась на видении последствий катастрофы, имеющих необратимый эффект в краткосрочной перспективе.
7. В данном исследовании была проведена следующая периодизация взаимоотношений дискурс-коалиций в чернобыльской политике: период с 1986 по 1989 год – период *доминирования* дискурс-коалиции “ликвидации”; с 1989 по 1991 год – период *противостояния* коалиций “ликвидации” и “преодоления”; с 1991 по 1997 год – период *взаимодействия* коалиции “ликвидации” и “преодоления”; с 1998 по 2008 год – *доминирование* коалиции “ликвидации”.
8. Период 1986-1989 годов можно обозначить как период “двойной мобилизации”: первая связана с процессом ликвидации последствий, а вторая, социальная, выражена в частности в многочисленных обращениях граждан в органы власти и обусловлена сокрытием информации властью о последствиях катастрофы на ЧАЭС. Социально-политическая мобилизация конца 1990-х годов в БССР была продолжением тех процессов, которые начались до и сразу после катастрофы на ЧАЭС.
9. В данный период были заложены *паттерны риска* именно в политическом дискурсе “ликвидации”: перевод экологических, социальных, радиационных рисков, вызванных катастрофой на ЧАЭС, в область политических рисков. *Чернобыль* трансформировался из экологической и социальной угрозы в вызов для политической власти в СССР и в Беларуси.
10. Официальный дискурс Чернобыля направлен, прежде всего, на воссоздание картины и образа жизни до *Чернобыля*: безопасное проживание и жизнедеятельность на зараженных территориях; возвращение пострадавшего населения к прежнему образу жизни; сокращение заболеваний, связанных с последствиями катастрофы; сокращение

социальных статусов “ликвидаторы”, “переселенцы”, “инвалиды Чернобыля”.

11. Действия государственных институтов в чернобыльской политике направлены на производство смыслов и значений, символизирующих конец *Чернобыля* во всех его проявлениях: социальных и повседневных, политических и дискурсивных практиках. Стратегии государства в области чернобыльской политики носят как раз характер не по “преодолению” последствий, а по их “ликвидации”.
12. *Чернобыль* остается на данный момент источником социальной мобилизации. Дискурс общественных организаций и политических партий, который является составной частью дискурс-коалиции «ликвидации», направлен на постоянное воспроизводство *Чернобыля* как части социально-политической реальности. В их дискурсе *Чернобыль* конструируется как область противостояния действиям государственных институтов и как способ идентификации в данной политической системе.
13. Риск в дискурс-коалиции “ликвидации” используется для управления и изменения постчернобыльской реальности как попытки свести к минимуму влияние радиационных рисков. Риск в дискурс-коалиции “преодоления” – это элемент, выражающий тревогу за состояние экологии, здоровья население, а также использование атомной энергии в мирных целях.
14. В техногенном научном дискурсе, как части дискурс-коалиции «ликвидации», ситуация риска не определена и сводится к минимальной, в гуманном научном дискурсе, как части дискурс-коалиции «преодоления», ситуация риска определена лишь наличием фактора радиоактивного облучения, даже очень небольшого. Научные подходы к объяснению постчернобыльской реальности, а именно изменений, вызванных катастрофой на ЧАЭС, переводятся в область политики, а именно дискурса “ликвидации” и “преодоления” политических акторов.
15. Знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС, производимое государственными научными институтами, в долгосрочной перспективе призвано преобразовать незнание (uncertainty) в знание о влиянии малых доз радиации на здоровье и проживании на загрязненных территориях, а в краткосрочной перспективе оно должно дать основания (certainty) для принятия решения об освоении загрязненных территорий.

16. Существующая научная система или сложившаяся совокупность институтов знания порождает и определенную иерархию не только структурную, но и символическую: знание, производимое государственными исследовательскими институтами, имеет большее символическое значение и влияние на политический процесс, нежели знание, производимое независимыми исследовательскими центрами и экспертными группами.
17. С методологической точки зрения, *Чернобыль* в поле политике Беларуси представляет для социальных наук определенный кейз, а именно: срез социально-политической реальности, анализ которой, в ее дискурсивном и символическом измерении, позволяет анализировать совокупность социальных и политических процессов в Беларуси.
18. Развитие политики в области использования ядерной энергии сопряжено с символическим пространством чернобыльской политики. Поэтому доминирование на современном этапе дискурс-коалиции “ликвидации” последствий приведет к постепенному прекращению чернобыльской политики и к строительству атомной станции в Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ackerman G. Grandazzi G. Lemarchand F. (2004, 2006). Les silences de Tchernobyl. L'avenir contaminé. Editions: Autrement.
2. Ackerman G. (2006). Tchernobyl, retour sur un désastre. Buchet /Chastel, Paris.
3. Akrich M. Callon M. Latour M. (2006). Sociologie de la traduction. Textes fondateurs. Presse de l'Ecole des mines.
4. Anders G. (2006). La menace nucléaire. Considérations radicales sur l'âge atomique. Editions du Rocher /Le serpent à plumes.
1. Babcock, G. A. (1997). The role of public interest groups in democratization. Soviet environmental groups and energy policy-making, 1985-1991. Dissertation, Public Policy Analysis, RAND Graduate School, Santa Monica, CA
2. Banerjee S. Interaction Narratives and Historical// International Studies Association, 1999
3. Barthe Y. (2006). Le pouvoir d'indécision. La mise en politique des déchets nucléaires. Economica.
4. Beck U. The Anthropological Shock: Chernobyl and the Contours of the Risk Society // Berkeley Journal of Sociology, №32, 1987, p.153-165.
5. Borraz O. (2008). Les politiques du risque. Presses des Sciences politiques, Paris.
6. Borraz O. La science est-elle une sociologie ? À propos des travaux de B. Latour et M. Callon. // Politix. Vol. 3, N°10-11. 1990. pp. 135-144.
7. Boyne R. The politics of risk society // History of the Human Sciences. Vol.11. No.3. 1998. p. 125-130
8. Burnier D. Constructing Political Reality: Language, Symbols, and Meaning in Politics// Political Research Quarterly, No. 47, 1994, p.239
9. Callon M. L'État face à l'innovation technique. Le cas du véhicule électrique // Revue Française de Science Politique, XXIX, (3), 1979, p.426-447.
10. Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. (2001). Agir dans un monde incertain. Essai sur la démocratie technique. Paris, Le Seuil.
11. Chernousenko V. (1991). Chernobyl: Insight from the Inside. Berlin and Heidelberg: Springer-Verlag.
12. Clark W. C., Majone G. The critical appraisal of scientific inquiries with policy implications// Science Technology & Human Values, Vol. 10, No. 3, 1985 p.6-19
13. Commeau-Rufin I. La catastrophe de Tchernobyl, miroir de la presse soviétique // Politique étrangère. Vol. 51, No. 3. 1986. p. 711 – 726
14. Dalton R., Kuechler M. (1990). Challenging the Political Order: New social movements in Western Democracies. Policy Press, London.

15. Dawson J.I.(1996). *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham, N.C.: Duke University Press.
16. De Boer, C., Catsburg, I., *The impact of nuclear accidents and attitudes toward nuclear energy// Public Opinion Quarterly, No.52, 1988, p.254-261.*
17. Douglas M. (1986). *How Institutions Think*. London, Routledge and Kegan Paul.
18. Douglas M., Wildavsky A. (1984). *Risk and culture, An essay on the selection of technological and Environmental Dangers*. University of California Press.
19. Dreyfus H.L., Rabinow P. (1983). *Michel Foucault Beyond Structuralism and Hermeneutics*. University of Chicago Press.
20. Drottz-Sjöberg, B.-M. and Sjöberg, L., *Risk perception and worries after the Chernobyl accident//Journal of Environmental Psychology, No.10, 1990, p. 135-149.*
21. Drottz-Sjöberg, B.-M. *Risk perception and risk communication. // In O. Walmod-Larsen (ed.), Intervention principles and levels in the event of a nuclear accident. 1995, p.111-131 Copenhagen: Nordic Council of Ministers.*
22. Durkheim E. (1995). *Les règles de la méthode sociologique*.Paris, Presses Universitaires de France.
23. Durkheim E., Marcel M. *De quelques formes de classification - Contribution à l'étude des représentations collectives // Année sociologique, VI, (1901-1902). Les Presses universitaires de France*
24. Earle, T.C. and Cvetkovich, G. *What was the meaning of Chernobyl? // Journal of Environmental Psychology. No.10, 1990, p. 169-176.*
25. Eiser, J., Hannover, B., Mann, L., Morin, M., Van der Pligt, J. and Webley, P. *Nuclear attitudes after Chernobyl: a cross-national study // Journal of Environmental Psychology. No.10. 1990. p. 101-110.*
26. Eiser, J.R., Spears, R. and Webley, P. *Nuclear attitudes before and after Chernobyl: change and judgement // Journal of Applied Social Psychology. No.19. 1989. p. 689-700.*
27. Elliott A. *Beck's Sociology of Risk: A Critical Assessment// Sociology, Vol. 36, No. 2, 2002, p.293-315.*
28. Fabrikant J.I. *The Chernobyl Disaster: An International Perspective // Organization Environment. Vol.1. No.4.1987. p. 2-12.*
29. Fischhoff, B., Slovic, P., Lichtenstein, S., Read, S. and Combs, B. *How safe is safe enough? A psychometric study of attitudes towards technological risks and benefits // Policy Sciences. No. 9. 1978. p. 127-152.*
30. Gamson W.A., Modigliani A. *Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // The American Journal of Sociology, Vol. 95, No. 1. (Jul., 1989), pp. 1-37.*

31. Green E. (1990). *Ecology and Perestroika*. Washington, DC: American Committee on U.S.-Soviet Relations.
32. Hajer M. (1995). *The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford University Press.
33. Havenaar J; Rummyantzeva G; Kasyanenko A; Kaasjager K; Westermann A; van den Brink W; van den Bout J; Savelkoul J. Health effects of the Chernobyl disaster: illness or illness behavior? A comparative general health survey in two former Soviet regions // *Environmental health perspectives*. No.105. Supplement 6, December 1997. <http://www.ehponline.org/members/1997/Suppl-6/havenaar-full.html#disc>
34. Ilyin, L.A.; Pavlovskij, O.A Radiological consequences of the Chernobyl accident in the Soviet Union and measures taken to mitigate their impact // *IAEA Bulletin*. Volume 29, Issue 4, 1987, crp. 17-24.
35. Jasanoff S. (2005). *Designs on nature : science and democracy in Europe and the United States*. Princeton, N.J. ; Oxford : Princeton University Press.
36. Joppke C. Explaining Cross-National Variations of Two Anti-Nuclear Movements: A Political Process Perspective// *Sociology*, Vol. 26, No. 2, 1992, p.311-331.
37. Kriesi H. Sviluppo organizzativo dei nuovi movimenti sociali e contesto politico // *Revista italiana di scienza politica*. Vol.23. No 1. 1993. p.67-117
38. Kūrti L. The Politics of Joking: Popular Response to Chernobyl // *The Journal of American Folklore*. Vol. 101, No. 401. Jul. - Sep. 1988. pp. 324-334.
39. Latour B. (1989). *La science en action*. Paris, La découverte.
40. Latour B. (1999). *Politiques de la nature, comment faire entrer les sciences en démocratie*. La Découverte.
41. Latour B. *La modernité est terminée*// *Le Monde*. 28/08/1996.
42. Latour B., Woolgar S. (1988) *La vie de laboratoire. La production des faits scientifiques*. Paris, La découverte.
43. Luke T.W. Chernobyl: the packaging of transnational ecological disaster // *Critical Studies in Mass Communication*. No.4. 1987. p. 351-375.
44. Manning P.K. Nuclear incidents: accidents, violations of the status quo or crimes? // *Organization Environment*. Vol.6. No.1. 1992. p. 99-113
45. Marples D. (1988). *The Social Impact of the Chernobyl Disaster*. The Macmillan Press.
46. Marples D. (1996). *Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe*. Macmillan Press.
47. Neveu E. (2005) *Sociologie des mouvements sociaux*. La Decouverte. Paris.
48. Otway H. Haastrup P. Cannell W. Gianitsopoulos G. Paruccini M. Risk communication in Europe after Chernobyl: a media analysis of seven countries // *Industrial Crisis Quarterly*. Vol. 2. No.1. 1988. p. 3-15.

49. Peretti-Watel P. (2000). *Sociologie du risque*. Armand Colin.
50. Peters, H.P., Albrecht, G., Hennen, L., Stegelmann, H.U. "Chernobyl" and the nuclear power issue in West Germany public opinion // *Journal of Environmental Psychology*, Vol.10. 1990. p.121-134.
51. Peterson D. J. (1993). *Troubled Lands The Legacy of Soviet Environmental Destruction*. RAND, Santa Monica, CA.
52. Petryna A. (2002). *Life Exposed: Biological Citizens after Chernobyl*. Princeton University Press.
53. Petryna A. *Biological Citizenship: The Science and Politics of Chernobyl-Exposed Populations* // *Osiris*, Vol. 19. 2004. pp. 250-265
54. Petryna A. *Sarcophagus: Chernobyl in Historical Light* // *Cultural Anthropology*. Vol. 10. No. 2. 1995. pp. 196-220
55. Phillips, Sarah D. *Chernobyl's Sixth Sense: Symbols of an Ever-Present Awareness* // *Anthropology and Humanism* Vol. 29(2). 2004. p.159-185.
56. Phillips, Sarah D. *Half-Lives and Healthy Bodies: Discourses on 'Contaminated' Foods and Healing in Post-Chernobyl Ukraine* // *Food and Foodways*. Vol.10(1-2). 2002. p.27-53.
57. Pierson P. *Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics* // *The American Political Science Review*. Vol. 94, No. 2. 2000. p. 251-267
58. Pierson P. *When effect becomes Cause. Policy feedback and Political change* // *World Politics*. Vol.45. 1993. p. 595-628.
59. Raviot J-R. *L'écologie et les forces profondes de la perestroïka* // *Diogene*. No.194. 2001/2. pp. 152-159.
60. Rinkevičius L. *Public Risk Perceptions in a "Double-Risk" Society: The Case of the Ignalina Nuclear Power Plant in Lithuania* // *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. Volume 13, Number 3, 1 September 2000 , pp. 279-289
61. Rinkevičius L., Telesiene A. *Theoretical Approaches to the Sociological Analysis of Environmental Discourse* // *Socialiniai mokslai*. No. 3 (40), 2003. [http://info.smf.ktu.lt/Edukin/zurnalas/archive/pdf/2003%203%20\(40\)/9%20Rinkevicius.pdf](http://info.smf.ktu.lt/Edukin/zurnalas/archive/pdf/2003%203%20(40)/9%20Rinkevicius.pdf)
62. Rinkevičius, L. *Attitudes and values of the Lithuanian Green Movement in the period of transition* // *Filosofija. Sociologija. Lietuvos mokslų akademija*. No.1. 2001. p.72-79 maleidykla.katalogas.lt.
63. Roe E. "Narrative Policy Analysis: Theory and Practice", Durham, Duke University Press, 1994

64. Schmid S.D. Transformation Discourse: Nuclear Risk as a Strategic Tool in Late Soviet Politics of Expertise // *Science Technology Human Values*. Vol.29. No.3. 2004. p.353-376.
65. Schreiber T. Tchernobyl et les médias en Europe de l'Est // *Politique étrangère*. 1986, Vol. 51, No. 3 p. 697 – 701.
66. Tarrow S. National Politics and Collective Action : Recent Theory and Research in Western Europe and the United States // *Annual Review Sociology*. Vol.14. 1988. pp. 421-440.
67. Tatu M. Un test pour le système // *Politique étrangère*. Vol. 51. No. 3. 1986. p. 679 - 688
68. Touraine A. (1978). *La Voix et le Regard*. Seil , Paris.
69. Touraine A. , Hegedus S., Wiewiorka M. (1980). *La prophétie antinucléaire*. Seuil, Paris.
70. Verplanken B. Public reactions to the Chernobyl accident: a case of rationality?// *Organization Environment*, Vol. 5, No. 4, 1991, p.253-269.
71. Walker G. Sociological theory and the natural environment // *History of the human sciences*. Vol. 18. No. 1. 2005. p. 77-106.
72. Wild G. L'économie soviétique d'après Tchernobyl // *Politique étrangère*. Vol. 51, No. 3. 1986. p. 689 – 696
73. Young M.J. Launer M.K. Redefining Glasnost in the Soviet Media: The Recontextualization of Chernobyl // *Journal of Communication*. Vol. 41 (2). 1991. p.102–124.
74. Адамовіч А. (1992). *Апакаліпсіс па графіку*. Мінск: Беларусь.
75. Алексеевич С. (2006). *Чернобыльская молитва*. Москва: Время.
76. Бабосов Е. М. (1996). *Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях*. АНБ, Ин-т социологии.
77. Бабосов Е.М. (1992). *Социологический анализ Чернобыльской катастрофы*. Институт социологии АН Беларуси. Минск.
78. Бабосов Е.М. (1995). *Катастрофы: Социологический анализ*. Минск.
79. Бабосов Е.М. (2001). *Социальные последствия Чернобыльской катастрофы, пути их преодоления*. Минск.
80. Бабосов Е.М. (2005). *Социальное эхо Чернобыльской катастрофы: 20 лет спустя*. Гомель.
81. Бабосов Е.М., Грищенко А.М., Михалевич А.А., Груша Н.М. (1996). *Отношение населения к возможности развития атомной энергетики в Республике Беларусь*. АНБ, Институт проблем энергетики, Институт социологии.

82. Барановская Н.П. (2006) Чернобыль в новейшей истории Украины: власть и общество. Автореферат доктора исторических наук: 07.00.01 / НАН Украины; Институт истории Украины. – Киев.
83. Барьяхтар В.Г. (1995). Чернобыльская катастрофа. Киев. Наукова думка.
<http://stopatom.slavutich.kiev.ua/1.htm>
84. Бек У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция.
85. Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Москва. Медиум.
86. Болотова А. Экологическая политика повседневности в западных странах и в России // Общественные науки и современность. № 1. 2002. Стр. 80-89.
87. Болотова А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР. // Неприкосновенный запас. №2(46). 2006. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/bo.html>
88. Бурдые П. (1993). Социология политики. Москва: Socio-logos.
89. Винер Д. Уголок свободы. Охрана природы в России: от Сталина до Горбачева. // Неприкосновенный запас. №2(46). 2006. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/la3.html>
90. Волков В.В., Хархордин О.В. (2008). Теория практик. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
91. Демичев Д.М. (1997) Чернобыльская катастрофа: государственно-правовые проблемы преодоления последствий. Минск.
92. Демичев Д.М. (2006). Органы государственного управления в минимизации последствий чернобыльской катастрофы (По материалам Республики Беларусь, Украины и Российской Федерации). Минск.
93. Демичев Д.М. Государственно-правовой механизм преодоления последствий Чернобыльской катастрофы// Право и политика №5, 2000. <http://library.by/>
94. Демичев Д.М. Президент Республики Беларусь в государственно-правовом механизме преодоления последствий чернобыльской катастрофы// Право и политика №4, 2001. <http://library.by/>
95. Демичев Д.М. Чернобыльская катастрофа: государственно-правовой механизм преодоления последствий. // Юстыцыя Беларусі. 2000. №2. стр.7–12. №3. стр. 7–11.
96. Зам А. На пути в транснациональное общество? Беларусь и международная чернобыльская помощь // Osteuropa. № 4, 2006, стр. 105-116.
97. Здравомыслова Е.А. (1993). Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука.
98. Здравомыслова Е., Тысячнюк М. (ред.). (1999). Экологическое движение в России. Сборник научных статей. СПб.: Труды ЦНСИ, вып.6.

99. Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88-94.
100. Коркюф Ф. (2002). Новые социологии. Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
101. Кун Т. (2002). Структура научных революций. Москва: АСТ.
102. Латур Б. Политика природы // Неприкосновенный запас. № 2(46). 2006. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/la3.html>
103. Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества. Сборник / ред. А. Ф. Филиппов. Москва. "КАНОН-пресс-Ц". 1999. Стр. 107-119.
104. Маргулис У.Я. (1988). Ядерная энергетика и радиационная безопасность. Москва.
105. Медведев Г. (1990). Чернобыльская тетрадь. Зеленое движение и атомная энергетика. Москва: издательство "Книжная палата".
106. Мессинг М. (1995). Общественные организации Беларуси. Обзор. Москва. Рос. представительство "САФ": Мартис.
107. Микеев А.К. (1987). Противопожарная защита атомных электростанций. Москва.
108. Навумчык С. (2006). Сем гадоў Адраджэння, альбо фрагменты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995). Варшава: „Беларускія Ведамасці”. Прага: „Clovek v tisni”.
109. Плюснин, И.С. (2006). Остановим чернобыльский радиационный геноцид белорусского народа?! Брянск: Жизнь.
110. Рикёр П. (2004). Память, история, забвение. Москва: Издательство гуманитарной литературы.
111. Сергеев Г.В. Медико-санитарные мероприятия по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС // Медицинские аспекты аварии на Чернобыльской атомной электростанции: Материалы науч. конф. Киев, 1988. стр. 15 - 26.
112. Социология общественных движений: Эмпирические наблюдения и исследования / Отв. ред. В.В.Костюшев. 2 тома М.; СПб.: СПбФ ИС РАН, 1993.
113. Терешкович П.В. Лебедев А.В. (1991). Гражданские движения в Белоруссии. Документы и материалы. 1986-1991. Москва: ЦИМО.
114. Фуко М. (1996). Археология знания. Киев.
115. Фуко М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва: Касталь.
116. Фуко М. Полемика. Политика. Проблематизация: интервью с Полем Рабиноу. http://traditio.ru/lib/fuko_probl.htm
117. Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство.

118. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. Сборник статей. Европейский университет, Санкт-Петербург, стр.46, 2001.
119. Хархордин О.В. (2002). Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
120. Чещевик А.Б. (ред.), Ролевич И.В., Маленченко А.Ф. (2001). Факторы риска последствий Чернобыльской катастрофы. Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь. Минск.
121. Шампань П. (1997). Делать мнение: новая политическая игра. Москва: Socio-Logos.
122. Шевелев Я.В. (1988). Управление безопасностью населения в СССР. Москва.
123. Шевцов Ю., Хвезенко А. (2002). Чернобыльский социум. Первая постиндустриальная нация планеты? Часть первая: Локализация социума. Сборник статей. Издательство “Белый свет” и Альманах Геополитика, Минск.
124. Экологические организации на территории бывшего СССР. Справочник. Москва. 1992. http://www.nasledie.ru/oborg/2_8/index.shtml
125. Яницкий О. Поток и "место": К проблеме локального социально-экологического знания. // Неприкосновенный запас. № 2(46). 2006. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/ia4.html>
126. Ярмоненко С., Филюшкин И. Чернобыль. Трагедия народа, амбиции ученых и спекуляции политиков // Звезда. №2, 1992, стр.145
127. Ярошинская А. (1991). Чернобыль с нами: документальная повесть. Москва: Книга.
128. Ярошинская А. (2006). Чернобыль. 20 лет спустя: преступление без наказания. Москва: “Время”.
- ДОКЛАДЫ И ОТЧЕТЫ**
129. 15 лет после аварии на Чернобыльской АЭС: последствия для Беларуси и их преодоление. (2001). Комчernoбыль Республики Беларусь Минск: “Триолета”.
130. 20 лет после Чернобыльской катастрофы. Последствия в республике Беларусь и их преодоление. Национальный доклад. Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь. Минск, 2006
131. 20 лет Чернобыльской катастрофы. Национальный доклад Украины. 2006. Киев: изд. “Аттика”.
132. Consequences of the Chernobyl catastrophe: assessment and prognosis of additional mortality and in incidence in cancers. Russian Academy of Sciences. Center of independent ecological expertise. Moscow. 2006.

133. Health effects of the Chernobyl Accident and special health care programmes. Report of the UN Chernobyl Forum Expert Group “Health” (EGH). 2005.
134. International Chernobyl project. Technical report. IAEA 1992.
135. The Human Consequences of the Chernobyl Nuclear Accident. A Strategy for Recovery. A Report Commissioned by UNDP and UNICEF with the support of UN-OCHA and WHO. 2002
136. Yablokov A., Labunskaya I., Blokov I. (2006). The Chernobyl catastrophe. Consequences on Human health. Greenpeace, Amsterdam.
137. Беларусь: обзор последствий на ЧАЭС и программ по их преодолению. (2002). Всемирный банк.
138. Герасимова Н. В. (Ред.). (2001). Чернобыль: 15 лет спустя. Москва, Изд. “Контакт- Культура”.
139. Гуманитарные последствия чернобыльской ядерной аварии – стратегия восстановления. (2002). ПРООН.
140. Доклад Генерального секретаря ООН на 56-й Сессии. (2001). Оптимизация международных усилий в деле изучения, смягчения и минимизации последствий чернобыльской катастрофы.
<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/568/11/PDF/N0156811.pdf>
141. Ковалевская Л. (1995). Чернобыль “ДСП”. Последствия Чернобыля. Киев, “Абрис”.
142. Последствия аварии на Чернобыльской АЭС для окружающей среды и их ликвидация: опыт 20 лет. МАГАТЭ (2006)
143. Последствия аварии на Чернобыльской АЭС для окружающей среды и их ликвидация: опыт 20 лет. (2006). Технический доклад Чернобыльского форума, МАГАТЭ.
144. Последствия Чернобыля в Беларуси: 17 лет спустя. Национальный доклад Беларуси. Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Минск. 2003.
145. Пятнадцать лет после аварии на Чернобыльской АЭС: Опыт преодоления. (2001) Национальный доклад. Киев: Чернобыльский радиэкологический центр МЧС Украины.
146. Чернобыль: медицинские последствия (18 лет после аварии). 2004. ЛІГАБізнесінформ.
147. Чернобыльская катастрофа. Итоги и проблемы преодоления ее последствий в России. 1986–1999 www.ibrae.ac.ru/russian/chernobyl/nat_rep_99/13let_text.html

148. Чернобыльская катастрофа. Итоги и проблемы преодоления ее последствий в России. 1986–2001. Российский национальный доклад. МЧС РФ, Москва. www.ibrae.ac.ru/russian/nat_rep2001.html

149. Яблоков А.В. и Нестеренко В.Б. (2007). Чернобыль. Последствия катастрофы для населения и человека. Наука.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

150. Аб асноўных задачах і парадку дзейнасці Часовай камісіі Вярхоўнага Савета БССР па ацэнцы дзейнасці службовых і іншых адказных асоб у сувязі з ліквідацыяй вынікаў аварыі на Чарнобыльскай АЭС: Пастанова Вярхоўнага Савета БССР // Збор законаў Беларускай ССР, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, пастаноў Савета Міністраў Беларускай ССР. 1990. N 20. Стр. 372.

151. Аб выбранні Камісіі Вярхоўнага Савета БССР па праблемах вынікаў катастрофы на Чарнобыльскай АЭС і забеспячэння бяспечнага пражывання насельніцтва рэспублікі: Пастанова Вярхоўнага Савета БССР ад 1 чэрв. 1990 г. // Збор законаў БССР. 1990. N 17. Стр. 276-277.

152. Аб Комплекснай мэтавай праграме Беларускай ССР "Ахова мацярынства і дзяцінства ва ўмовах уздзеяння вынікаў катастрофы на Чарнобыльскай АЭС" на 1991—1995 гады: Пастанова Вярхоўнага Савета БССР // Ведамасці Вярхоўнага Савета БССР. 1991. N 10. Стр. 31-32.

153. Аб Нацыянальнай праграме прафілактыкі генетычных вынікаў, абумоўленых катастрофай на Чарнобыльскай АЭС: Пастанова Вярхоўнага Савета БССР // Ведамасці Вярхоўнага Савета БССР. 1991. N 9. С. 3.

154. Декрет Президента Республики Беларусь от 4 июня 1997 г. N 13 "Об упорядочении выплаты денежных компенсаций за имущество, находящееся на территории радиоактивного загрязнения".

155. Декрет Президента Республики Беларусь "О мерах по социально-экономической реабилитации районов, пострадавших от катастрофы", от 25 апреля 2001.

156. Декрет Президента Республики Беларусь от 12 июля 2002 г. № 16 "Об упорядочении использования средств, направляемых на ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС".

157. Декрет Президента Республики Беларусь от 28.11.2003 г. № 24 "О получении и использовании иностранной безвозмездной помощи".

158. Закон БССР аб сацыяльнай абароне грамадзян, пацярпеўшых ад катастрофы на Чарнобыльскай АЭС N 634-XII // Ведамасці Вярхоўнага Савета БССР. 1991. N 10. Стр. 3—29.

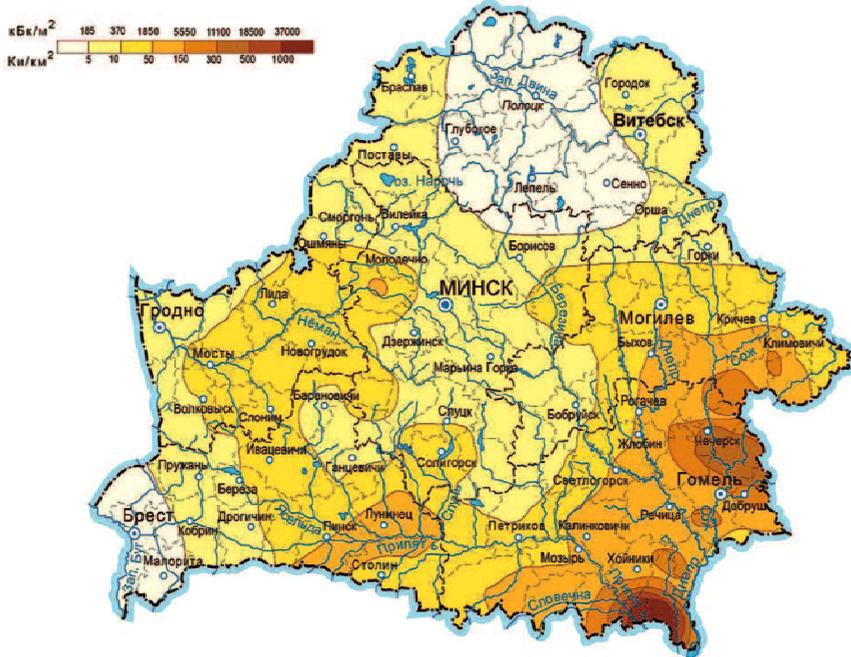
159. Закон Республики Беларусь от 30 июля 2008 года №426-З “Об использовании атомной энергии”, http://www.tamby.info/zakon/zakon-426_2008.htm
160. Закон Республики Беларусь "О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС”: 4 июня 2001 г., N 31-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (Минск). 2001. N 55. Стр.10-12.
161. Закон Республики Беларусь “Об общественных объединениях” от 4 октября 1994 г. № 3254-ХП. Закон Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 36-3 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 120, 2/1133) - новая редакция; Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 221-З (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2007 г., № 120, 2/1324).
162. Закон Рэспублікі Беларусь аб прававым рэжыме тэрыторый, якія падвергліся радыеактыўнаму забруджанню ў выніку катастрофы на Чарнобыльскай АЭС № 1227-ХП // Звязда. — 1991. — 5 снеж.; Изменения и дополнения. Закон Республики Беларусь от 12 мая 1999 г. N 258-3. Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1999 г., N 19-20, ст.339
163. Закон Рэспублікі Беларусь аб радыацыйнай бяспецы насельніцтва № 122-3: [Таксама на забрудж. тэрыторыях : 5 студз. 1998 г., N 122-3] // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь (Мінск). 1998. N 5. С.10-26.
164. Закон СССР о социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы // Известия. 1991. 22 мая
165. Концепция защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии. Одобрена постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 1995г. N 650 Одобрена Национальной комиссией Беларуси по радиационной защите, протокол N 16 от 20 апреля 1995 г.
166. Концепция проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов. Одобрена Президиумом Национальной Академии наук Беларуси 19.11.1998г.
167. Концепция реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС. Утверждена Председателем Комитета по проблемам последствий катастрофы на чернобыльской АЭС при Совете Министров республики Беларусь Цалко В.Г. 2002 г.
168. Концепция содержания зон отчуждения. Утверждена Председателем Госкомчернобыля Республики Беларусь И.А.Кеником 6.07.94 г.

169. О Концепции проживания населения в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС: Постановление Каб. Министров СССР от 8 апр.1991 г. N 164 // Правительств. вестн. —1991. Май (N 20). Стр. 6. Одобрена на заседании Бюро Президиума АН БССР 19 декабря 1990 г.
170. О президентской программе "Дети Беларуси" : [Также подпрограмма "Дети Чернобыля"] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 янв. 1998 г., N 3 // Сборник действующих нормативных актов Президента Республики Беларусь, 1994—1998 : Офиц. изд. Мн., 1999. С.552.
171. О ходе выполнения постановления Верховного Совета СССР от 25 апреля 1990 года "О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией": Постановление Верховного Совета СССР // Известия. 1991. 15 апр;
172. Об упорядочении использования средств, направляемых на ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС : Декрет Президента Респ. Беларусь, 12 июля 2002 г., N 16 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (Минск). — 2002. N 81. — С.5.
173. Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001—2005 годы : Утв. указом Президента Респ. Беларусь, 19 июня 2001 г., N 344 // За сильную и процветающую Беларусь : Материалы Второго Всебелорусского народного собрания, 18 мая 2001 г. Мн., 2001. Стр.213-257.
174. Постановление Верховным Советом 12 созыва “О мерах по ускорению реализации Государственной программы” 19 июля 1990 г. N 163-XII. <http://www.lawbelarus.com/repub2008/sub44/text44351.htm>
175. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 августа 2002 г. №1076 "Об утверждении Перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения". Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 714 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2003 г., № 64, 5/12543). Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2004 г. № 1623 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 1, 5/15334).
176. Приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 06.04.1999 N 105 “О перечне заболеваний, обусловленных радиационным воздействием”.
177. Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 1995 г. № 349 "Об упорядочении некоторых льгот для отдельных категорий граждан".

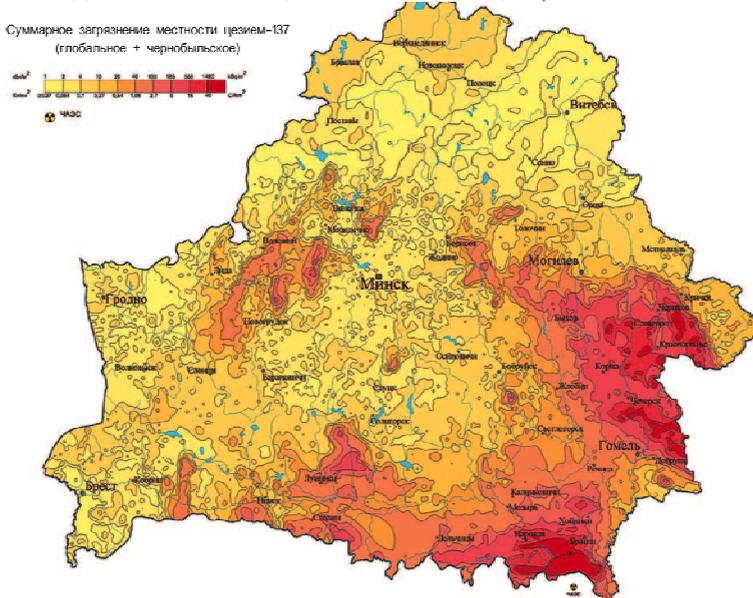
178. Указ Президента Республики Беларусь №121 “О реализации на территории Республики Беларусь системы раннего предупреждения, обеспечивающей радиационный мониторинг в районах, прилегающих к действовавшим атомным электростанциям” от 24 марта 1995 г.
179. Указ Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2007 г. №565 “О некоторых мерах по строительству атомной электростанции”,
<http://www.levonevski.net/pravo/razdel1/num9/1d9085.html>
180. Указ Президента Республики Беларусь от 22.10.2003 г. № 460 “О международной технической помощи, предоставляемой Республики Беларусь”.
181. Указ Президента Республики Беларусь от 28.11.2003 г. № 537 “Об утверждении Положения о порядке осуществления контроля за целевым использованием иностранной безвозмездной помощи”.

Приложение № 1: Карты радиоактивного загрязнения территории Беларуси в 1986 году

Карта № 1: Загрязнение территории Беларуси йодом-131 (реконструкция) по состоянию на 10 мая 1986 года. Источник: Национальный доклад РБ, 2006

Карта №2: Загрязнение территории Беларуси цезием-137 по состоянию на 10 мая 1986 года. Источник: Национальный доклад РБ, 2006

Приложение №2: Политические институты и чернобыльская политика

2.1. Хронология формирования политической системы и чернобыльской политики

Период	Политическая система	Чернобыльская политика
1986-1989	<p>- система органов управления: ЦК КПСС, Совет Министров; ЦК КП республик СССР; Советы Министров республик; областные, городские, районные комитеты партии, Советы и исполкомы;</p> <p>- Период перестройки Горбачева, начало реформирование советской системы управления. Пленумы ЦК КПСС в январе и июне 1987 года;</p> <p>- Начинают формироваться новые политические группы в советских республиках (национальные движения, айвароментальные группы);</p>	<p>- органы по ликвидации последствий аварии: штаб гражданской обороны в г. Припять, Правительственная комиссия СССР, оперативная группа Политбюро;</p> <p>- меры по ликвидации последствий на ЧАЭС: аварийные и спасательные работы на месте аварии; переселение (с 5.05.86); дезактивация;</p> <p>- секретность информации о реальных масштабах аварии на ЧАЭС;</p> <p>- отсутствие научной концепции о безопасной жизнедеятельности на пострадавших территориях, использование в качестве критерия “35 бэр за жизнь”.</p>
1989-1991	<p>- 1988 год принятие закона “О выборах народных депутатов СССР”;</p> <p>- 29 март 1989 года – выборы и первый съезд народных депутатов СССР;</p> <p>- 27 октября 1989 года – закон “О выборах народных депутатов БССР”; 4 марта 1990 года – выборы в ВС БССР 12 созыва;</p> <p>- 27 июля 1990 принятие Верховным Советом БССР Декларации о суверенитете Белорусской ССР;</p> <p>- декабрь 1990 года денонсация ВС Договора 1922 года об образовании СССР, ратификация Соглашения об образовании СНГ;</p> <p>- 1 января 1991 года вступление в силу закона “Об общественных объединениях”;</p>	<p>- Выступления народных депутатов БССР Адамович А. и Ярошинская А. от УССР на первом съезде народных депутатов СССР в 1989 году по поводу последствий катастрофы на ЧАЭС;</p> <p>- 26 апреля 1989 – митинг на площади Ленина. 30 сентября – первый Чернобыльский марш.</p> <p>- июнь-декабрь 1989, Верховный Совет 11 созыва: обсуждение Государственной программы по ликвидации последствий;</p> <p>- Верховный Совет 12 созыва постановление ВС “О мерах по ускорению реализации Государственной программы”;</p> <p>- 1990 принятие Концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная Президиумом Академии наук БССР и отклонение концепции “35 бэр”;</p>

<p>1991 – 1994</p>	<p>- период с 1991 по 1994 - период парламентской республики, - плюрализм политических акторов, работа Верховного Совета Республики Беларусь 12 созыва; - 1994 год победа Лукашенко А.Г. на президентских выборах;</p>	<p>- принятие законов “О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС” и “О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС”; - принятие дополнений и изменений к Государственной программе на 1990-1995 года; -принятие постановления “О неотложных мерах на 1993-1995 годы и приоритетные направления до 2000 года Государственной программы по преодолению последствий в РБ катастрофы на ЧАЭС на 1990-1995 годы”; - рост чернобыльских общественных организаций, которые на данном этапе во многом замещают действия государственных институтов в этой области;</p>
<p>1995-2000</p>	<p>- 1995 год – референдум о конституционных изменениях, в частности полномочий ВС РБ; - 1995 год выборы в ВС РБ 13 созыва (14 мая и 28 мая, а повторные выборы 29 ноября 1995 года, без представителей БНФ); - 1996 год – референдум и принятие новой редакции Конституции. Президент РБ получает расширенные полномочия, в частности, издание декретов, имеющих силу законов; -Консолидация политического режима, совмещение законодательных и исполнительных функций Президента; - законы и декреты, регулирующие деятельность общественных организаций и политических партий, а также СМИ</p>	<p>- принятие и реализация Государственной программы на 1996-2000 года; - 1995 год принятие Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии; - 1998 год принятие Концепции проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов; - 1998 год, работа специальной комиссии по развитию атомной энергетики и принятие моратория на строительство на территории Беларуси ядерных объектов;</p>
<p>2000-2008</p>	<p>2001, 2006 – президентские выборы и переизбрание Лукашенко А.Г. 2004 – референдум об изменении Конституции РБ и снятие ограничений количества президентских мандатов. 2003 – начало формирования государственной идеологии</p>	<p>- Принятие чернобыльских программ на период 2001-2005 и на период 2006-2010; - Политическое решение от 15 января 2008 – Совет безопасности под руководством главы государства принимает решение о необходимости и целесообразности строительства АЭС в Беларуси - 28 Июня 2008 года – принятие закона РБ об использовании ядерной энергии: начало формирования ядерной политики в РБ.</p>

2.2 Политические партии и общественные организации

Первые парламентские выборы в независимой Беларуси были проведены только в 1995 году, до этого времени действовал Верховный Совет 12 созыва, избранный еще в БССР в 1990 году. После запрета деятельности КПСС в 1991 году (до 1993 года) большая часть депутатов стали беспартийными. Выборы в Верховный Совет 1995 года несколько изменили ситуацию: члены партий составили более 50% парламента, а в партийные фракции вошло около 2/3 депутатов. Дальнейшее развитие партийной системы было прервано конституционным кризисом 1996 года и роспуском Верховного Совета.

В настоящий момент в парламенте отсутствуют партийные фракции, нет даже так называемой партии власти. Действующее законодательство не только осложняет процесс образования и процедуру регистрации политической партии, но и не стимулирует объединение граждан в партии. На данный момент зарегистрировано 18 политических партий. Организация в политические партии сохраняет свое значение только для политической оппозиции, как для консолидации сил, так и для накопления людских и финансовых ресурсов.

В настоящее время существует коалиция оппозиционных партий, которые координировали свои действия во время последних парламентских выборов осенью 2008 года, по результатам которых никто из представителей оппозиционных партий не прошел в парламент. Речь идет об Объединенных демократических силах (ОДС). Главные участники – Объединенная гражданская партия (ОГП), Партия БНФ, Партия коммунистов белорусская (ПКБ), Белорусская социал-демократическая партия Громада (БСДПГ).

На роль партии власти может претендовать общественное объединение “Белая Русь”, созданное в Гродно в 2004 году. В 2007 году в Минске прошло учредительное собрание общественного объединения “Белая Русь”, председателем которого стал Министр образования Александр Радьков.

2.3 Средства массовой информации

С принятием Закона СССР “О печати и других средствах массовой информации” (1990) началось становление официально признанной независимой периодики, до этого выходившей на правах самиздата. До этого система СМИ в БССР была полностью централизована и монополизирована государством. Постановление Президиума ВС БССР “О средствах массовой информации Верховного Совета Белорусской ССР” от 12.08.1990 позволило

появиться сначала “Ведамасцям Вярхоўнага Савета Беларускай ССР”, а затем “Народнай газеце” и журналу “Дэпутацкая трыбуна”. А в 1991 г. вышла газета “Рэспубліка”, учрежденная Кабинетом Министров. Со второй половины 1990 года начался резкий рост количества периодических изданий, особенно негосударственных региональных. В 1993 году издавалась 491 газета, в т.ч. 120 районных и объединенных. Деятельность печатных и электронных средств массовой информации в Республике Беларусь регулируют: Закон Республики Беларусь “О печати и других средствах массовой информации”; Закон Республики Беларусь “О рекламе”; Закон Республики Беларусь “Об авторском праве и смежных правах”; Гражданский кодекс Республики Беларусь; Указ Президента Республики Беларусь “О реагировании должностных лиц на критические выступления в государственных средствах массовой информации”.

Закон "О печати и средствах массовой информации" содержит ограничительные нормы, позволяет применять меры давления на средства массовой информации и произвольно вмешиваться в их деятельность. Министерство информации наделено широкими полномочиями по применению санкций, вынесения предупреждений и приостановления деятельности газет.

В 2004 году происходит резкое сокращение числа зарегистрированных новых газет (в 2000 году было зарегистрировано 132 издания, а в 2004 году 51); а также увеличение числа газет, деятельность которых была приостановлена: в 2000 году не было таких случаев, в то время как в 2004-м деятельность 25 изданий была приостановлена.

На сегодняшний день в сфере средств массовой информации доминируют государственные издания и телеканалы, которые получают значительные субсидии в виде различных льгот и прямой финансовой поддержки со стороны государства. Данные издания представляют только официальную точку зрения, мнение государственных органов. Самым крупным изданием является “СБ. Беларусь Сегодня”, ранее выходившая под названием “Советская Белоруссия”.

Независимые СМИ находятся под давлением со стороны власти, использующей судебные, внесудебные и экономические средства воздействия. В частности, речь идет об отказе государственных сетей подписки и распространения реализовывать некоторые независимые издания. А также о трудностях, связанных с печатью газет на территории Беларуси. Некоторые

независимые газеты вынуждены печататься в типографиях в России, а некоторые выходят только в электронных версиях. На сегодня существует несколько независимых изданий: “Народная воля”, “Наша Ніва”, “Белорусы и рынок”, “БДГ”, “БГ”.

2.4 Система научных учреждений

Система управления в области науки, научных исследований и инноваций начала формироваться в Беларуси с принятием 13 января 1993 года Закона Республики Беларусь “Об основах государственной научно-технической политики”. До этого периода научные структуры были подчинены Академии наук СССР и министерствам СССР. Принятый 5 марта 2002 года Декрет Президента Республики Беларусь № 7 “О совершенствовании государственного управления в сфере науки” определил систему управления в научной области. Данную систему образуют Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь, Национальная академия наук Беларуси (НАНБ) и Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь (ВАК РБ).

Государственный комитет по науке и технологиям, образованный в 1993 году, проводит государственную политику и реализует функции государственного регулирования и управления в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также охраны прав интеллектуальной собственности.

Высшая аттестационная комиссия, образованная в 1992 году, реализует функции государственного регулирования в области аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации, осуществляет присуждение ученой степени доктора наук, ученых званий доцента и профессора, утверждает решения советов о присуждении ученой степени кандидата наук.

Национальная академия наук Беларуси, основанная в 1929 году, является высшей государственной научной организацией, которая подчиняется Президенту Республики Беларусь и подотчетна Совету Министров Республики Беларусь. В структуре НАНБ насчитывается 145 организаций, в том числе 55 научно-исследовательских институтов, отделов и центров, около 50 научно-производственных, конструкторских внедренческих предприятий, экспериментальных станций и опытных баз. Согласно Закону Республики Беларусь “О Национальной академии наук Беларуси” от 5 мая 1998 года НАНБ

осуществляет свою деятельность на основе сочетания принципа государственного регулирования научной деятельности и принципа творческой инициативы и свободного научного поиска.

Приложение № 3: Список интервью

Оригинальными источниками данного исследования являются интервью. Ниже представлен список интервью, использованных в данной работе, имена и фамилии приводятся без изменений по согласию самих интервьюируемых. Большая часть интервью проводилась в период с сентября по декабрь 2007 года:

ФИО	Деятельность, должность, место работы	Место, дата и др. заметки
Зам Астрид Sahm Astrid	доктор политических наук, директор Международного образовательного центра (IBV, Минск), исследователь черновыльских проблем, автор статей и монографии по вопросам черновыльской политики и атомной энергетики	Минск, 16.11.2007
Яковенко Василий	писатель, лидер и организатор Социально-экологического союза “Черновыль”	Минск, 18.10.2007
Белоокая Тамара	эксперт комитета “Дети Черновыля”	Минск 10.11.2007
Никтиченко Иван	доктор сельскохозяйственных наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси	Минск 17.10.2007
Мелешкевич Юрась	председатель комиссии по экологии и последствиям черновыльской катастрофы Партии БНФ	Минск 15.10.2007
Сухий Ирина	лидер экологической организации “Экодом”	Минск 19.10.2007
Белая Ирина	научный сотрудник Института ядерной физики (Сосны), участник экологических организаций и инициатив	Минск 16.10.2007
Нестеренко Василий (02.12.1934 – 25.08.2008)	директор Института радиационной безопасности “Белрад”	Минск 21.04.2006

Гребеньков Александр	научный сотрудник Института ядерной физики (Сосны), директор экологического проекта ПРООН в Минске	Минск, 20.11.2007
Голубев Валентин	кандидат исторических наук, член фракции Белорусского Народного Фронта в Верховном Совете 12 созыва	Вильнюс, 17.04.2008, (предоставлено Касперски Татьяной)

Приложение № 4: Отношение населения Беларуси к развитию ядерной энергии

Данные отчета Института социологии НАН Беларуси “Изучение общественного мнения по проблеме ядерной энергетики и разработка рекомендаций по повышению степени доверия населения к строительству АЭС в Республике Беларусь” (2008). Опрос проведен по репрезентативной республиканской выборке, объем выборки – 2000 человек, допустимая погрешность в пределах до 0,1%. Контролируемыми параметрами выборки являлись: пол, возраст, образование, социальный статус и место проживания (город-село) респондентов.

Таблица №1. Распределение ответов на вопрос: “Нужно ли развивать в РБ ядерную энергетику?” по регионам (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Всего			Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.
	2005г	2006г	2008г.							
Да	28,3	28,8	54,8	49,1	53,8	51,4	53,5	47,3	66,3	62,6
Нет	46,7	41,8	23,0	30,5	25,9	22,1	20,8	28,5	12,5	19,2
Затрудняюсь ответить	25,0	29,4	21,8	19,7	20,3	25,8	24,8	23,8	20,9	18,2

Таблица №2. Оценка опыта других стран как аргумента в поддержку собственной АЭС в Беларуси (в % от числа опрошенных)

Является ли для Вас наличие атомных станций в ряде стран Евросоюза аргументом в поддержку строительства АЭС в Беларуси?	Всего	Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.
Да, является и очень убедительным	19,2	17,3	14,1	18,2	16,8	15,0	28,5	24,3
Скорее является, чем нет	28,4	21,7	38,1	22,5	29,1	33,1	28,8	29,3
Скорее не является	19,9	22,4	19,7	22,1	20,4	22,3	13,7	18,4
Не является ни в коей мере	17,8	26,1	15,3	19,4	19,3	13,1	13,8	13,4
Затрудняюсь ответить	14,7	12,5	12,8	17,8	14,4	16,5	15,2	14,6

Таблица №3. Степень знакомства населения с положительными и отрицательными моментами ядерной энергетики (в % от числа опрошенных)

В какой мере Вы знакомы с положительными и негативными моментами ядерной энергетики?	Всего		По основным социальным группам								По полу	
			Рабочие	Крестьяне	Служащие	Руководители	Студенты, учащиеся	Предприниматели	Пенсионеры	Мужчины	Женщины	
	2005	2008										
1. Хорошо знаю ее основные "плюсы" и "минусы"	15,7	22,7	17,6	14,5	30,2	45,9	20,9	18,0	14,4	31,5	14,7	
2. Знаю больше о ее положительных сторонах	6,1	9,1	10,7	8,4	9,0	11,5	5,6	8,3	8,6	12,2	6,2	
3. Знаю больше о связанных с ней угрозах и рисках	49,9	36,7	38,4	34,5	38,1	29,1	37,3	39,5	32,0	30,5	42,5	
4. Мало что знаю по данной проблеме	27,8	29,6	31,3	42,6	20,8	11,7	34,7	34,2	42,7	24,0	34,7	

Таблица №4. Проблемы информированности населения Республики Беларусь о ядерной энергетике (в % от числа опрошенных)

	2005 г.	2008 г.
1. Источники информации		
По телевидению и радио	68,9	57,5
Из публикаций в печатных СМИ	36,3	36,1
Из специальной литературы	12,1	8,4
От друзей и родственников	7,6	9,4
От коллег по работе	6,5	7,0
Из специальных лекций и бесед по данной проблеме	5,5	4,7
2. Доверие к информации		
Ученых и специалистов республики	32,3	20,7
Экологов	27,1	24,8
МАГАТЭ и других международных специализированных организаций	19,9	26,2
Врачей	17,9	16,9
Зарубежных ученых и специалистов	14,0	19,2
Ученых и специалистов России	11,8	7,3
Средств массовой информации	8,1	8,3
Не доверяю никому	7,9	11,5
Учителей и преподавателей	1,2	2,5
Представителей республиканских структур власти	1,2	2,9
Представителей местной власти	0,7	1,5
3. Влияние информации		
Усиливает тревогу по ее рискам	47,9	36,0
Формирует определенную позицию по данной проблеме	22,5	—
Никак не влияет на уже сложившуюся позицию	17,8	32,4
Убеждает меня в ее необходимости	12,4	28,2

Таблица №5. Определенность позиции населения относительно строительства АЭС в Беларуси (в % от числа опрошенных)

В какой степени у Вас уже сформировалось мнение по вопросу строительства АЭС в Беларуси?	Всего	В том числе по регионам							Тип населенного пункта	
		Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	Город	Село
1. Я имею четкую позицию по этому вопросу	22,8	30,5	14,9	23,5	20,1	22,5	25,3	19,7	25,1	16,0
2. Я имею предварительное мнение	24,8	23,5	26,3	19,3	28,5	24,8	24,9	27,0	25,6	22,6
3. Четкой позиции нет, мне не хватает более полной и достоверной информации	33,8	28,6	41,1	36,0	35,3	32,8	30,9	33,0	32,9	36,2
4. Меня эта тема вообще не волнует	6,5	8,9	3,8	6,6	6,2	5,4	7,3	6,4	6,3	7,3
5. Затрудняюсь ответить	11,6	7,3	13,7	14,6	9,1	13,9	11,5	13,7	9,5	17,8

Таблица №6. “Как Вы отнесетесь, если АЭС будет строиться вблизи населенного пункта, в котором проживаете?” по регионам (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Всего			Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.
	2005 г.	2006 г.	2008 г.							
1. Спокойно	8,6	7,3	12,2	9,9	10,4	12,8	9,6	10,1	20,3	11,9
2. Соглашусь, если будут гарантии проживания и введена государственная система страхования населения, проживающего вблизи АЭС	34,3	35,4	41,1	31,2	44,3	39,6	46,1	39,6	39,3	52,3
3. Приму участие в различных протестных акциях против этого строительства	32,7	32,2	16,0	15,7	21,0	14,7	15,0	15,9	16,0	13,7
4. Постараюсь уехать из этой местности	17,0	18,9	23,9	33,0	19,5	21,8	23,6	30,6	21,5	14,1
5. Другое	7,3	7,0	5,7	7,3	4,8	9,7	4,4	3,5	2,9	7,1

Таблица №7: Общественное мнение об основных положениях Закона РБ
 “Об использовании атомной энергии” (в % от числа опрошенных)

Что из перечисленного Вы считаете основой для данного Закона?	Всего	По основным социальным группам							По полу	
		Рабочие	Крестьяне	Служащие	Руководители	и Студенты, учащиеся	Предпри- матели	Пенсионеры	Мужчины	Женщины
1. Гарантии личной безопасности населению, проживающему в 30-км. зоне АЭС	38,5	41,0	53,1	35,5	45,1	36,2	32,1	34,3	38,0	38,9
2. Гарантии по защите АЭС от возможных террористических актов	25,1	23,5	29,0	27,8	40,8	13,6	20,7	29,0	27,6	22,7
3. Гарантии по защите населения в случае аварий на АЭС	28,6	29,1	33,8	28,5	32,9	27,6	11,0	28,2	27,3	29,7
4. Гарантии технико-технологической безопасности АЭС	41,5	38,1	31,3	47,2	60,8	38,6	54,7	34,7	44,3	38,9
5. Гарантии экологической безопасности АЭС	50,9	47,7	45,6	55,1	62,5	54,1	44,7	39,1	51,4	50,4
6. Уголовная ответственность должностных лиц государства и обслуживающего персонала АЭС за непринятие мер по обеспечению безопасности АЭС и за нарушения инструкций и правил ее эксплуатации	35,7	38,1	41,0	38,6	29,8	30,0	29,0	28,8	36,8	34,8
7. Затрудняюсь ответить	14,2	14,6	9,2	10,5	3,6	19,4	16,7	23,0	12,9	15,4

* Сумма по столбцам более 100%, т.к. респонденты могли выбирать несколько, но не более 3-ех основных с их точки зрения, позиций.